МИНИСТЕРСТВО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГАОУ ВО РНИМУ ИМ. Н.И. ПИРОГОВА МИНЗДРАВА РОССИИ

ПОГРУЖЕНИЕ В ГЛУБИНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ

СБОРНИК НАУЧНЫХ РАБОТ РАЗНЫХ ЛЕТ (2021–2023)

МОСКВА
2024

МИНИСТЕРСТВО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «РОССИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.И. ПИРОГОВА» (ФГАОУ ВО РНИМУ ИМ. Н.И. ПИРОГОВА МИНЗДРАВА РОССИИ)

ПОГРУЖЕНИЕ В ГЛУБИНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ

СБОРНИК НАУЧНЫХ РАБОТ РАЗНЫХ ЛЕТ (2021–2023)

МОСКВА
2024

УДК 2-18
ББК 158:131
П43

Отв. редактор Меттини Э., заведующий кафедрой гуманитарных наук Института мировой медицины, канд. пед. наук

П43 Погружение в глубины человеческой природы. Сборник научных работ разных лет (2021–2023) / отв. ред. Меттини Э. — Москва: РНИМУ им. Н.И. Пирогова, 2024. — 194 с.

ISBN 978-5-88458-685-7

Актуальные вопросы, касающиеся человека в контексте как естественных, так и гуманитарных наук предполагают поиск новых подходов к человеку как социокультурного и духовного явления, способствующих преодолеть и редукционистски и холистически ориентированные исследования. В сборнике представлен большой набор статей, которые с максимально широкого ракурса изучают человека как целостность, потому что человек — не лишь механизм, а результат переживания им различных видов влияния, которые делают его именно таким, какой он есть. В это сила, и загадка, человеческой жизни.

ISBN 978-5-88458-685-7

УДК 2-18
ББК 158:131

© Коллектив авторов, 2024
© ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 7

РАЗДЕЛ 1. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ 11

АНТРОПОЛИНГВИСТИКА КАК НОВЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ЧЕЛОВЕКА **11**
Гринев С.В., Сорокина Э.А.

ТЕХНОГЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И ПОДХОДЫ К ИХ РЕШЕНИЮ **18**
Кораблева Е.А.

УСВОЕНИЕ ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ ЛЕКСИКИ И ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ОСНОВЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ С УЧЕТОМ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ **23**
Прокудайло Т.Н., Меликова О.С., Меликова Т.А.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДИАЛОГ ВРАЧА И ПАЦИЕНТА КАК СПОСОБ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ИНОСТРАННОГО СТУДЕНТА-МЕДИКА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Б.Л. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО») **28**
Павлова Н.И.

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД АНТРОПОЛИНГВИСТИКИ КАК НАУКИ **32**
Фадеева Л.Ю.

ЯЗЫК КАК ПЛЕРОМА БЫТИЯ В АНТРОПОБИОЛОГИИ ЯЗЫКА Ж.ПУЛЭНА **39**
Панов С.В.

К ВОПРОСУ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НЕЙРОДЕГЕНЕРАТИВНЫХ РАССТРОЙСТВ ПОСРЕДСТВОМ НЕОПЛАТОНИЧЕСКОГО БУКВЕННО-СИМВОЛИЧЕСКОГО ОНТО-КОДА **47**
Москвичев А.Г.

РАЗДЕЛ 2. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ БИОМЕДИЦИНСКОЙ ЭТИКИ 51

БИОЭТИКА СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА **51**
Шаталов А.Е., Змиенко В.А.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЭКО–ДЕТЕЙ И ИХ РОДИТЕЛЕЙ **55**
Шевченко М.М., Стрельцова К.А., Пичугина Е.М.

ВЛИЯНИЕ РОБОТИЗАЦИИ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ПРОЦЕСС ДЕГУМАНИЗАЦИИ В МЕДИЦИНЕ **59**
Акопян Д.Г., Илюхин Р.Г., Щербаха В.С.

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЛАЦЕБО В ПРАКТИКЕ ВРАЧА **62**
Фриева В.В., Ареева Н.А.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ТЕРМИНУ «ВРАЧЕБНАЯ ОШИБКА» **65**
Черенкова Т.А., Семёнова А.А.

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КАЧЕСТВА ТРАНСПЛАНТОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В РОССИИ **67**
Ляуш Л.Б.

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ К ЭВТАНАЗИИ: АСПЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭВТАНАЗИЮ И СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ **72**
Катионова А.О.

КУРС ФИЛОСОФСКОЙ ЭТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ **78**
Чёрненькая С.В.

ФИЛОСОФСКО-МЕДИЦИНСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЭВТАНАЗИИ. ВЗГЛЯД ПРАКТИКУЮЩЕГО ВРАЧА **87**
Домрачева А.М., Алхашаш А.М.С.

МЕДИЦИНСКАЯ АКСИОЛОГИЯ В СТРУКТУРЕ БИОМЕДИЦИНСКОЙ ЭТИКИ **90**
Дондокова Б.Б.

РАЗДЕЛ 3. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ, ИСТОРИИ, ФИЛОСОФИИ, И ПСИХОЛОГИИ..... 94

ФИЛОСОФИЯ ПЛАТОНА И «ЗАБОТА О СЕБЕ» В ФИЛОСОФИИ М. ФУКО..... **94**
Сегалерба Джанлуиджи, Собольникова Е.Н.

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В ТРАНСГУМАНИЗМЕ..... **99**
Введенская Е.В.

ЧЕЛОВЕК В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ..... **106**
Шишков И.З.

ОТ ЭВОЛЮЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ К НОВОЙ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ МОДЕЛИ, РАСПАДУ СТРАНЫ И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ ЛИЧНОСТИ..... **126**
Ковтюх Г.С.

ЛЮБОМУДРИЕ КАК ВРАЧЕВАНИЕ..... **132**
Кудрина С.А., Филькин А.Н.

ПОСТИЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В XXI ВЕКЕ..... **135**
Панченко О.Г., Казурова О.А.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ КАК УСЛОВИЕ ХОЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МЕДИЦИНЫ: ГАБРИЭЛЬ МАРСЕЛЬ..... **140**
Гусейнов Ф.И.

ANTHROPOLOGICAL TURN AS A CONDITION OF THE HOLISTIC MODEL OF MEDICINE: GABRIEL MARCEL..... **140**
Farid Guseynov

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ...... **144**
Желнова А.М.

СИНТЕЗ НАУКИ И ГУМАНИЗМА КАК НЕОТЪЕМЛИМОЕ УСЛОВИЕ ПЕРЕХОДА ИЗ «ВЕКА БИОЛОГИИ» В «ВЕК АНТРОПОЛОГИИ»..... **147**
Ибрагимова В.Э., Конторович Д.К.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ БЛАГА В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ..... **151**
Козлова М.А.

«ТЕОРИЯ ПОДРАЖАНИЯ» Н.К. МИХАЙЛОВСКОГО В ИДЕЙНОЙ БОРЬБЕ НАРОДНИЧЕСТВА И МАРКСИЗМА КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В. **155**
Лямина Т.Е.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ В ЕЁ ПРОЕКЦИИ НА МЕДИЦИНУ В СТРУКТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ К. ЛЕВИ-СТРОСА **159**
Ковалюнас Н.В.

РАЗДЕЛ 4. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВЕДЕНИЯ, ПЕДАГОГИКИ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ..... 163

NATURAL AND POSITIVE LAW IN THE CONCEPT OF CORRECTING OFFENDERS **163**
Bagreeva E.G.

ДЕГУМАНИЗАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ ОБЩЕСТВА, ОПТИМИСТИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ **171**
Алеева Л.В., Андреева Е.Г., Брюханцева Н.В., Терешкова Н.Ю.

ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ КНИГИ ПРОФЕССОРА А.В. ЯГОДЫ. РУКОВОДСТВО ПО КЛИНИЧЕСКОМУ МЫШЛЕНИЮ ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ **177**
Сергеева Т.Б.

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ БОЛЕЗНЕННЫХ ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ К СКАЗКАМ НАРОДОВ МИРА **184**
Мишин И.С.

НОВАЯ МЕДИЦИНА ДЕКАРТА: МАШИНА ТЕЛА И РАЗДВИЖЕНИЕ ЕЕ ГРАНИЦ **187**
К.А. Куксо

ВВЕДЕНИЕ

Название сборника, содержащего результаты научно-методических мероприятий, проведенных на базе кафедры гуманитарных наук международного факультета РНИМУ им. Н.И. Пирогова не так банально, как думается. Ведь, сложно охватить сущность человека, одним словом, одним понятием, одним предложением. Фролов Т.И. определил человека следующим образом: «Человек — это субъект общественно-исторического процесса, развития материальной и духовной культуры на Земле, биосоциальное существо, генетически связанное с другими формами жизни, но выделившееся из них благодаря способности производить орудия труда, обладающее членораздельной речью и сознанием, нравственными качествами». Сколько ипостасей, сколько пластов, сколько подходов скрываются в этих немногих строках. В них вроде все ясно, но одновременно все проблемно, запутано. Надо применить к человеку философский подход, социальный, медицинский, биомедицинский, биоэтический? Как китайская шкатулка каждый из них содержит в себе еще более узкий подход, и так ad libitum, обстоятельство, которое дезориентирует, потому что куда не обрати взгляд, можно наткнуться на какую-то специфичную составляющую человеческой сути, нуждающейся в обоснованно научных исследованиях. А к чему это? Рискнется ограничить исследования локальным характером, тем, что принято называть «редукционизмом», т.е. сведением глобального вопроса к одной или иной стороне более обширной проблемы. Но, рискнется, что может получиться и обратное, поскольку постольку в философии науки, и не только в ней, имеется такая позиция по проблеме соотношения части и целого, исходящая из качественного своеобразия и приоритета целого по отношению к его частям, (определение Никифорова А.Л.), под которой подразумевается такой процесс как «холизм». Оба подхода находились, и находятся, увы, в постоянном противостоянии друг к другу, в зависимости от преобладания того или иного дискурса, когда человек, как совокупность духовных и физических особенностей, в центре внимания ученых и философов, или вытесняют один из этих аспектов на периферию научных исследований. Интересно заметить любопытные попытки кибернетики подключить человека к машине и машину к человеку для того, чтобы обнаружить алгоритмы функционирования той и другого. К сегодняшнему дню эти усилия привели к созданию «переводчиков онлайн», и т.н. искусственного интеллекта в качестве вспомогательных средств для преодоления коммуникационных барьеров и «усиления» человеческих возможностей, если считать верным то, что писали футурологи различных мастей и направлений в течение последних 50-60 лет. Обратной стороной кибернетики можно считать как трансгуманизма, так и пост гуманизма, являющих своеобразными формами редукционистских и холистических направлений в науке и философии. На данном этапе развития, мы можем предполагать, существуют сколько «антропологий» столько имеются отрасли научного знания на свете, но с

большой долей вероятности, можно подтвердить, что антропология должна быть "sub specie" «под углом зрения» всех явлений, касающихся интересующего антропологию периода. Это обстоятельство предоставляет нам возможность заключить, что антропология — совокупность научных дисциплин, занимающихся изучением человека, его происхождения, развития, существования в природной (естественной) и культурной (искусственной средах). Обобщая, можно сказать, что антропология изучает генезис человека, сущность человека, двойственность его природы, взаимоотношения человека с посюсторонним и потусторонним миром (человек-природа, человек-бог, человек-человек, смысл жизнь, система ценностей), внутренний мир человека, механизмы деятельности, отношения я—другой. Исходя из вышеизложенного, можно заметить разносторонность антропологии, отношение к человеку как феномену, являющему воплощением дискурса той или эпохи (с определенными оговорками, и одновременно творцом соответствующих духовных и материальных артефактов. Главное учитывать и контекст, который антропология решается изучать. Без глубокого знания этого последнего, антропологическим исследованиям не быть. Как подчеркнул лингвист Дж.Р. Фёрс, любое человеческое высказывание получает смысл в ситуативном и социальном контекстах и само является описание которого обязывает к учету информационной, коммуникативной и ролевой структуры общения. В контексте антропологии данный момент играет значимую роль в связи с тем, что позволяет определить путь развития антропологии. Объект, цели, основные черты, и используемые методы подчеркивают данный процесс, и их взаимодействие с парадигмами других наук. От общей антропологии до культурной антропологии был пройден нелегкий путь, имеющий результатом более достоверные представления о человеке. И этом потому, что человек являет собой: 1. Участник эволюционно-исторического процесса, с социальными ролями и образцами поведения, субъект выбора собственного жизненного пути для преобразования природы и самого себя; 2. Диалогичное и деятельностное существо, сущность которого порождается и преобразуется в совместном существовании с другими людьми; 3. А главное — человек — субъект свободного, целенаправленного, ответственного поведения, выступающий в качестве ценности, обладающий относительной автономной и устойчивой системой многообразных самобытийных индивидуальных качеств. Нет «благородного дикаря» эпохи просвещения, нет социального дарвинизма, обусловленного теорией о превосходстве одной расы над другой. Есть лишь человек как предмет разностороннего изучения. Человек — это неразрывное единство и взаимодействие биологического и социального, и исходя из этих предпосылок, мы постараемся придерживаться позиции, которую, след за российским философом В.И. Моисеевым можем называть интегративной. Вдобавок к изложенному, нам кажется возможным сказать, что интегративная позиция только вошла в области антропологии не лишённым смысла подчер-

кнуть, что интегративная позиция, которая делает первые шаги свои в медицинскую антропологию, должна еще интегрироваться, симбиотически работать с другими науками такими, как медицинская онтология, многообещающая дисциплина, открывающая возможные перспективы преодоления кибернетических подходов к человеку. Но, как написал известный итальянский писатель А. Мандзони «По праву ли? — Решат потомки.», т.е. лишь время покажет на что способны эти научные направления. Но двигаемся дальше и сконцентрируем наше внимание именно на медицинской антропологии, суть которой мы хотим предложить читателю данного сборника.

Официальное признание медицинской антропологии на международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Токио (1968 г.) Позволило определить направления данной дисциплины. Гуманитарное в виде философской антропологии медицины, изучающих тело, норму, патологию, здоровье, болезнь, и лечение в разных этнических, исторических, социальных и культурных контекстах. Медицинская антропология занимается вопросами, относящимися к психофизиологической, духовной, социологической, мировоззренческой, этической и религиозной сфере жизни человека. Одной чертой изучаемой сегодня темы является то, что нельзя привязывать конкретные культурно-мировоззренческие установки к представителям других национальностей, стран, народов. Именно это обстоятельство на то, что медицинская антропология — интегративная дисциплина, анализирующая смысл, ткань повседневной жизни общества (общины). В медицинской профессии антропология обращает внимание на пациента, как представителя и носителя зафиксированных и принятых в его социальной среде мировоззренческих установок. Эти последние касаются опыта самочувствия, страданий, и роли социальных и культурных факторов. Антрополог Сесил Делман подчёркивал, что медицинская антропология изучает, как люди в разных культурах и социальных группах объясняют причины плохого здоровья, формы лечения, которым они доверяют, и то, к кому они обращаются, когда становятся больным. Для медицинской антропологии важны биологические и психологические и изменения, происходящие в здоровом или больном человеке, но это недостаточно на наш взгляд. Будучи интегративной и метапредметной дисциплиной, медицинская антропология не может обойтись без ряда наук и/или научных направлений, которые оказываются содействие в понимании такого сложного феномена, как человек. По-настоящему интегративный подход в антропологии вообще, и в медицинской антропологии в частности, повлечёт за собой то, что эта последняя должна опираться на данные «граничащих» с ней науками или научными направлениями: общая философия, этика, аксиология, социология, биоэтика, правоведение, психология, гносеология, история, лингвистика и т.д., предоставляющие ценные сведения для достижения намеченной и объявленной нами цели. Медицинская антропология представляет собой сложный пласт, на основе которого можно выстроить современный спо-

собы понимания (интерпретации) представителя другой культуры, или социальной группы, внутри культурных рамок которых понимают по-разному боль, болезнь, их выражения, их соматизация и т.д. С антропологических позиций, интерпретация играет важнейшую роль, потому что интерпретация не оценочная, а понимающая, ставит под сомнение и подвергает критике различного вида препятствия. Интегративный подход можно понимать как своеобразный герметический круг, способствующий постоянной переработке и доработке данности для переформатирования биомедицинских наук на новом уровне. Этого рода науки уже не могут ни находиться между Сциллой «медикализации» общества (И. Иллич) и Харибдой «надзора» поведения людей (М. Фуко), ни подчиняться к требованиям властей или рынка (это касается особо ЭКО). На наш взгляд, это может положительно влиять на отношение человека к медицине и к науке, на которые очень часто смотрят как шарлатанство или способ лишь получить деньги за предоставление услуг, не помогающих никому, за исключением самих врачей или ученых. Это наша принципиальная позиция, которая позволяет смотреть на человека как на духовно-физиологическую целостность в диалектическом взаимоотношении с окружающим миром. Настоящий сборник представляет собой результатом работ разных лет различных авторов, которые не претендуют на достижение истины, а на развертывание собственной научной позиции, помогающей налить свет на заданную тему.

Все материалы предоставлены в авторской редакции с изначальным форматированием, что указывает на связь сквозь время статей, составляющих настоящего сборника.

Меттини Эмилиано,
заведующий кафедрой гуманитарных наук
Института мировой медицины,
ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России
к.пед.н., магистр философии

РАЗДЕЛ 1.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ

АНТРОПОЛИНГВИСТИКА КАК НОВЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ЧЕЛОВЕКА

Гринев С.В., Сорокина Э.А.
ИИЯ МГПУ

Аннотация: Рассматриваются лингвистические подходы к изучению антропогенеза и результаты антрополингвистических исследований эволюции сознания человека. Анализируется роль лексических процессов, определяющих познание и развитие сознания человека. Указываются особенности развития ментальности.

Ключевые слова: антрополингвистика; развитие сознания; полисемия; синонимия; гипонимия.

Abstract: Linguistic approaches to anthropogenesis studies and the results of anthropolinguistic research of evolution of human consciousness are discussed. The role of lexical processes determining cognition and human consciousness are analyzed. Peculiarities of development of human mentality are presented.

Keywords: anthropolinguistics; consciousness development; polysemy; synonymy; hyponymy.

Одно из наиболее популярных в последние десятилетия направлений исследований человека — когнитивная лингвистика, судя по ее названию, возникла как попытка исследования познания. Однако, поскольку в первое десятилетие XXI века в России установилось преимущественное понимание нововведенного термина (и понятия) концепт как национального понимания определенной идеи (представления, понятия) [1], она, по существу, превратилась в направление этнолингвистики, что, по-видимому, было характерно для ее истоков в США. В то же время познание носит универсальный общечеловеческий характер, что оставляет достаточно широкое поле лингвистических исследований в первоначальном направлении изучения языковых особенностей развития человеческих знаний. Это направление имеет давнюю историю. Еще в XVII веке автор вышедшего в 1678 году «Словаря средневековой латыни» (Glossarium ad scriptores mediae et infimae) Шарль дю Фресн дю Канж (Charle Du Fresne du Cange) обнаружил, что средневековая латынь отличалась от языка древних римлян. Он пришел к выводу о том, что анализ новых слов, появившихся в средневековье, дает возмож-

ность познать обычаи и повседневную жизнь этого периода [2]. Отражение словарем уровня знаний было замечено в середине XIX века в России — в работе «Антропологический принцип в философии» Н.Г. Чернышевский пришел к такому утверждению «Состав лексикона соответствует знаниям народа» [3].

В начале XX века австрийский языковед Гуго Шухард положил начало направлению лингвистических исследований, получившему название «слова и вещи». Суть этого направления заключалась в необходимости комплексного изучения слова и обозначаемой им вещи в их развитии [4]. Таким образом, история слов одновременно является историей культуры. В начале 30-х годов XX века немецкий лингвист Йост Трир впервые применил метод семантического поля к исследованию истории развития немецких слов, относящихся к разуму. В этом исследовании, проведенном Триром и его учениками, сопоставляется состояние немецкой лексики семантического поля «ум, знания» в начале XIII и XIV веков. Примерно в 1200 году это поле включало три слова: wisheit, kunst и liest. Первое из них означало «знания — в первую очередь религиозные», имело наиболее общее значение, разновидностями которого были два других. Слово kunst имело значение «рыцарские умения, придворные манеры», а liest — «обыденные умения, сноровка». Спустя сто лет, это поле коренным образом изменилось, хотя его по-прежнему составляли три слова. Слово wisheit сузило свое значение и стало означать только религиозное, мистическое знание. Слово kunst сменило свое значение и стало значить «искусство». Слово liest, получившее негативные коннотации «уловка, мошенничество» и «применение черной магии», исчезло из употребления. Вместе с тем в поле появилось слово wizzen с общим значением «знание», включавшем значения двух других слов. Таким образом, произошли резкие изменения в структуре поля и значениях составляющих его слов, что указывало на изменения в соответствующих представлениях — ограничение значения слова wisheit свидетельствовало о снижении престижа религиозных знаний, а утрата актуальности представления о придворных манерах отражала начало кризиса феодальной системы, приведшего к разделу Германии на множество мелких государств [5]. Исследование Й. Трира показало возможность использования данных об исторических изменениях словаря для исследования и реконструкции процесса развития культуры и мышления. В начале 60-х годов XX века возможность использования данных об исторических изменениях лексики для изучения развития мышления заинтересовала ученых смежной науки — истории. В одном из первых программных сочинений по истории ментальностей виднейшего французского медиевиста Жоржа Дюби — в статье «История ментальностей» автор отмечает: «История ментальностей не может развиваться без помощи лексикологов. Они могут дать ей фундаментальные данные — например, перечни слов, употреблявшихся в ту или иную эпоху. Задача истории ментальностей — выявить вер-

бальные констелляции, отражающие главные сочленения коллективного сознания. Необходимо рассмотреть изменения словаря, установить потери, приобретения и трансформации в значении слов и выявить связь этих изменений с колебаниями в сфере ментальностей» [6].

В 80-е годы XX века подобные мысли были отчетливо сформулированы в рамках философии познания: «…Содержание научного познания материализуется посредством языка, а значит и определенных знаковых систем, письменных источников. Изучая это содержание в исторической последовательности, мы можем раскрыть (отразить) определенные закономерности процесса развития научного опыта человечества» [7]. Антрополингвистическое исследование предполагает попытку анализа развития сознания человека, как определяющего фактора его эволюции, на основе интерпретации исторической последовательности возникновения и развития элементов языка. В широком подходе герменевтика эволюции языка предусматривает рассмотрение и объяснение условий и причин появления элементов всех уровней языка от графики до текстов. Она предполагает всесторонний анализ последовательности появления и изменений элементов фонетики и графики (история букв), развития грамматических категорий и форм, лексических форм (сжатие и расширение форм), синтаксиса и форм текста с выяснением причин изменений. Ответы на вопросы — что вызвало появление и исчезновение элементов языка? почему изменения происходили именно в данной последовательности? Что отражали эти изменения? — позволят открыть пути становления и развития сознания человека как вида. В более узком подходе в таких исследованиях предполагается концентрация внимания на значениях слов, где ярче всего проявляется эволюция сознания, поскольку они наиболее непосредственно отражают движение общечеловеческой мысли. Поскольку познание, как и развитие сознания человека, является процессом, то логично их рассматривать в диахронии. Известно, что онтогенез повторяет филогенез, то есть каждый индивид в своем развитии повторяет историю развития вида. Таким образом, каждый ребенок в своем развитии повторяет ранние этапы истории развития человечества. Это известно как биогенетический закон, который вполне приложим к постнатальному периоду человечества. Использование аналогии онтогенеза и филогенеза позволяет проецировать на отдаленные эпохи развития человека данные развития речи и мышления ребенка, давно используемые в возрастной медицине для определения нормального развития ребенка. Сформировавшаяся в последнее время онтолингвистика — раздел языкознания, занимающийся развитием детской речи (чем раньше занимались только медики и психологи), уже собрала обширный материал, который может быть использован в определении среднего уровня развития интеллекта человека в отдельные исторические эпохи. Развитие лексической системы выражается в ряде семантических процессов, отражающих соответствующие процессы в развитии сознания человека.

Вместе с тем развитие лексической системы отражается в качественной смене типов лексических единиц. В начальный период формирования лексики появляются протослова обычно односложные устойчивые вокализации, употребляющиеся в постоянных ситуациях, предшествующие появлению собственно слов, затем появляются слова, затем с появлением ремесел появляются специальные слова — профессионализмы, затем с появлением современных наук появляются термины. Наиболее важную роль в отражении и формировании развития мышления играют полисемия, синонимия и гипонимия. Исследования роли полисемии в развитии познания показали, что ее характер меняется в ходе эволюции сознания. Вначале она принимает вид характерной для протослов семантической сверхгенерализации — обобщения многих, часто различных по характеру объектов, что, наблюдается в раннем детском возрасте и, предположительно, наблюдалось у раннего человека. На следующем этапе познания и эволюции сознания полисемия приобретает вид семантического синкретизма широкой многозначности слов с отсутствием границ между отдельными значениями, характерной для донаучного периода истории человечества. На протяжении следующего, протонаучного периода происходит специализация слов общеупотребительного языка за счет значительного (на порядок) количественного увеличения общеупотребительного словаря и интенсивное формирование профессиональной (в первую очередь ремесленной) лексики, количество которой в десятки раз превышает объем общеупотребительного словаря. Эта тенденция продолжается в течение научного периода, когда происходит формирование национальных терминологий с установлением четких границ значений терминов. Тем не менее, и в настоящее время многие слова являются многозначными, хотя мы замечаем это только при анализе их толкования в словарях. Так, если в словаре С.И. Ожегова значение слова страдание определяется как «физическая или нравственная боль», то ясно, что объединяются два разных вида боли. Это подтверждается разницей в синонимах — только во втором значении это слово является синонимом скорби. Часть таких примеров современного синкретизма выявляется при сопоставлении с другими языками, однако большинство случаев современной скрытой многозначности остается незамеченным. Таким образом, роль полисемии в развитии человеческого познания, в частности декларативных знаний (картины мира), заключается в ее качественном преобразовании путем снятия исходного синкретизма первоначальных достаточно расплывчатых, широких представлений. В ходе более глубокого понимания окружающей действительности для отражения более конкретных представлений и понятий появляются новые слова, снижающие исходную скрытую многозначность большинства слов начального периода развития языка [8]. Развитие синонимии. Роль синонимии в развития познания, мышления и культуры в первую очередь сигнальная, поскольку, согласно известному закону лексической аттракции, наиболее важные для

общества в данный период времени явления и предметы действительности привлекают наибольшее количество синонимов. Однако еще важнее функция детализации знаний, когда в процессе изучения и познания объектов уточняются и конкретизируются знания о них с установлением их разновидностей, а существующие синонимы становятся наименованиями таких разновидностей. Например, в русской медицинской терминологии до недавнего времени были абсолютными синонимами термины желтуха, болезнь Боткина и гепатит, но с углублением знаний о заболевании были выявлены две его разновидности, их названиями стали первые два термина, а термин гепатит остался единственным названием болезни. Довольно часто, особенно на ранних стадиях развития словаря, синонимы служат для разведения значений многозначных слов, соответствующих различным по характеру объектам: плод — фрукт — овощ — ягода — зерно; чин — ордер — орден. Так, еще сравнительно недавно (100–150 лет назад) термины язык, речь, наречие и диалект были синонимами. В свое время синонимами были акведук — водовод — водопровод, а также пърты, одеяло, риза, рубище, одеяние, облачение [9], значения которых в настоящее время существенно разошлись. Историческая тенденция десинонимизации — расхождения значений синонимичных слов — может быть использована для наименования открываемых разновидностей изучаемых объектов, как это уже используется в терминоведении: определение (логическая операция) — дефиниция (результат этой операции), дефинированность термина (наличие дефиниции) — дефинитивность термина (отражение в его форме необходимых для определения признаков). Роль гипонимии (иерархических, родовидовых отношений) заключается в упорядочении понимания мира в результате познания путем структурирования лексического представления картины мира. При этом с появлением и развитием науки изменяется соотношение представлений и понятий (в пользу последних), а с развитием производства изменяется соотношение категорий натуральных и искусственных объектов (артефактов).

Результаты десятилетних исследований в этом направлении позволяют следующие выводы: замеченные значительные качественные изменения характера лексики в процессе ее развития позволяют прийти к мнению, что в процессе познания, в ходе формирования и развития научных знаний мы имеем дело не с одним, а разными историческими типами мышления, преобладающими на разных этапах эволюции человечества и определяющими характер познания:

- было выделено пять этапов эволюции специальной лексики (и соответствующих исторических типов мышления: донаучного, протонаучного научного и современного — высоконаучного), которые могут изучаться на основе существующих письменных источников. К ним должен быть добавлен проточеловеческий период, предшествующий появлению современного человека и начавшийся с выделения человека как биологи-

ческого вида и закончившийся появлением современного, кроманьонского типа человека. Установлено, что каждый из выделенных этапов характеризуется набором общих характеристик, к которым относятся продолжительность, преобладающий тип лексем и соответствующий тип обозначаемых ими идей, определенный тип культуры, предполагаемый объем словаря к концу каждого периода и особенности индивидуального словаря, а также определенное отношение к языку [10];

- на определенном этапе исторического развития сознания человека у него появляется способность перехода от наглядных представлений к отвлеченным, от внешних — к внутренним, от очевидного — к понимаемому и представляемому. Так, исторические изменения значений слов свидетельствуют о развитии представлений об эмоциях на основе их внешних предметных причин;
- первоначальное значение английского страх (внутренне чувство) — опасность (реальная, видимая), исходное значение слова веселье — шутка, слова гнев — раздражение. Это свидетельствует о качественном совершенствовании сознания с радикальным изменением общего видения мира;
- среднее время появления названий эмоций свидетельствует о более раннем осознании человеком негативных эмоций, что подтверждается аналогичным явлением в развитии детей, замеченным возрастной медициной. Более позднее осознание положительных эмоций легко объясняется тем, что положительные эмоции считаются нормальным состоянием;
- время появления названий эмоций отражает постепенный переход в сознании человека от осознания немногих наиболее общих основных эмоций к выявлению большого числа более тонких узкоспециализированных эмоций;
- судя по общему объему словаря и расчетному объему словаря среднего человека степень среднего умственного развития человека в ранние эпохи была значительно иной и сопоставима с интеллектуальным уровнем современных детей;
- на современном этапе эволюции человека ведущей областью деятельности развитых стран становится производство и обработка информации. С 1980-х годов в промышленно развитых странах в информационной индустрии было занято свыше половины трудящегося населения. Производство информации приносило большие доходы, чем большинство других отраслей производства. При этом сознание человека все больше формируется на основе получаемой информации. Вместе с тем этот этап характерен разработкой приемов манипуляции общественным мнением с использованием все возрастающей роли средств массовой

информации в жизни человека. К сожалению, все более заметной становится склонность к злоупотреблению средствами массовой информации доверием общества к печатному слову, к фальсификации информации, издевке над традиционной культурой и попыткам разрушения нравственных устоев общества. Начало разработки теории манипулирования общественным мнением и попыток разрушения традиционной культуры совпадает с началом современного этапа эволюции сознания в 60-е годы XX века, а дальше нарастает с развитием массовой культуры. Европейская культура переживает кризис, последствия которого в настоящее время трудно представить;

- исторический рост объема словаря отражает совершенствование восприятия от свергенерализации к узкоспециализированным представлениям и понятиям, что является ведущей чертой познания, развития мышления и культуры человека в процессе эволюции его сознания. Возможно, определяющей чертой развития познания и антропогенеза в целом является вечное стремление к уточнению значений слов и стоящих за ними идей.

Список литературы

1. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение: учебное пособие / Е.И. Голованова. – 2–е изд., стер. – Москва: Флинта: Наука, 2014. – 221 с.
2. Bartlett, Robert (2002). Panorama sredniowiecza. – Warszawa: Arkady, 336 s.: il.
3. Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии.
4. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. История науки о языке: учебник. – 3–е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 376 с.
5. Ullmann, Stephen (1972) Semantics: An Introduction to the Science of Meaning. – Oxford, Basil Blackwell.
6. Дюби Ж. (1996). История ментальностей // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – М.: ИНИОН. –с. 18–21.
7. Материалистская диалектика как общая теория развития. Т. 2. Диалектика развития научного познания. – М., Наука, 1983. – 477 с.
8. Гринев-Гриневич С.В., Сорокина Э.А. Принципы развития познания, мышления и культуры в их лексическом отражении // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2. –с. 1-7.
9. Миронова Г.М. (1978) Названия одежды в древнерусском языке: Дис. … канд. филол. наук. – К., 229 с.
10. Гринев-Гриневич С.В., Сорокина Э.А., Скопюк Т.Г. (2017). Основы антрополингвистики (к лингвистическим основаниям эволюции мышления) (в печати) / С.В. Гринев–Гриневич, Э.А. Сорокина, Т.Г. Скопюк. Москва. – 178 с.

ТЕХНОГЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И ПОДХОДЫ К ИХ РЕШЕНИЮ

Кораблева Е.А.

ФГБОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России

Аннотация: Современное общество можно охарактеризовать как «техногенное» и «информационное». В этом обществе информация является самым важным стратегическим ресурсом. Техногенное общество имеет три серьезные проблемы: возможность быстрого уничтожения человечества из-за неконтролируемого наращивания государствами вооружений, развитие глобального экологического кризиса и трудности сохранения человеческой личности. Грамотное взаимодействие врача с обществом поможет сохранить физическое и психическое здоровье человека.

Ключевые слова: мировая экономика, глобализация, техногенное общество, социальная философия, экологический кризис, личность, здоровье.

Abstract: Modern society can be defined “anthropogenic” and “informational”. In such society, information is the basic strategic resource. In an anthropogenic society there are three substantial questions to be solved: the imminent possible destruction of humankind because of government arms buildups, the development of a global ecological crisis and troubles related to preservation of human person. An appropriate interaction of doctors with society may help to preserve human physical and psychological health.

Keywords: world economy, globalization, anthropogenic society, social philosophy. ecological crisis, personality, health.

Создание сети Интернет в 90-х годах XX века и её ускоренное развитие в XXI веке привело к глобализации мировых экономических процессов. Признак глобализации мировой экономики — это появление наднациональной экономики (1, с. 459). Это означает, что государства мира сейчас не могут контролировать потоки финансов, товаров, услуг, информации, технологий, культурных ценностей, которые перемещаются от страны к стране в рамках мирового сообщества. Экономические, культурные, технологические и другие процессы стали глобальными, лишь частично контролируемыми соответствующими надзорными органами отдельных государств. Глобальная экономика предоставляет гражданам разных стран огромные преимущества, например, приобретение товаров, произведённых в разных странах мира, ознакомление с музыкальным и другими видами творчества не только своих соотечественников, но и представителей зарубежных стран, участие в биржевых и других финансовых операциях зарубежных компаний, возможности выполнения работ иностранных заказчиков и т.д. Глобальные экономические, образовательные, технологические

и другие процессы сопровождаются огромными объёмами информации, формируемой в результате их выполнения и изучаемой исполнителями на подготовительных этапах. Поэтому основной характеристикой общества XXI века является слово «информационное». Журнал Science опубликовал результаты исследования Мартина Гилберта (Университет Южной Калифорнии) и Присциллы Лопес (Открытый университет Каталонии), подсчитавших, что объем хранимой информации на планете Земля за двадцать лет увеличился примерно в сто раз, и, согласно подсчетам ученых, в 2007 году он составлял 295 эксабайт (295 миллиардов гигабайт) (4). В настоящее время информация является важным стратегическим ресурсом, средством обеспечения материального и морального благополучия, а иногда гарантом стабильности. Для управления, обработки, передачи и хранения информации нужны современные технические средства и технологии. Те страны, люди и компании, которые ими владеют, практически, правят современным миром. В соответствии с технологическим детерминизмом — современным направлением социальной философии наука, техника и технологии играют огромную и всё более значительную роль в развитии общества (2, с. 423). Согласно теориям технологического детерминизма современные техника и технологии являются основополагающими причинами всех социальных изменений (2, с. 423). Такое утверждение верно, на мой взгляд, только частично. Чтобы владеть современной техникой, даже бытовой, необходимо иметь необходимую подготовку и навыки, тем более эксплуатация сложного производственного оборудования, оружия, самолётов, ракет, атомных и других станций, вырабатывающих электрическую энергию, использование медицинской диагностической и лечебной аппаратуры требует соответствующей высокой квалификации персонала и необходимого уровня культурного и образовательного уровня. К сожалению, управление военной техникой, оружием, производственным, ресурсодобывающим и перерабатывающим оборудованием не всегда выполняется квалифицированными, порядочными и направленным на созидание личностями. Поэтому у современного техногенного общества и глобальной экономики имеет ряд очень серьёзных глобальных проблем. Первая проблема — проблема выживания в условиях постоянного наращивания всеми странами своих оружейных арсеналов, содержащих не только наступательные и оборонительные вооружения, но и оружие массового поражения [3, с. 23]. Ежедневно существует ненулевая вероятность возникновения новых военных конфликтов, обусловленных необходимостью захвата новых сырьевых источников, рынков сбыта мировыми производителями товаров, которые хотят усилить мировое господство. Указанная проблема сегодня неразрешима, т.к. многие страны и военные блоки нарушают ранее подписанные договорённости по разоружению и не приближению к границам других государств, многие страны и политические лидеры направляют массу усилий и средств на закупку и разработ-

ку систем вооружений, в том числе и оружия массового поражения. Причём какие-либо технические средства и технологии не могут разрешить проблему выживания человечества, ни системы поддержки принятия решений, ни нейронные сети, ни другие виды искусственного интеллекта не способны помочь в достижении взаимопонимания между странами и регионами, их лидерами и народами. Только люди с их способностями к взаимодействию, общению, взаимопониманию могут решить данную проблему и найти такие аргументы, чтобы договориться о нераспространении и неприменении вооружений. Здесь современные информационные технологии могут помочь в ведении переговоров, подготовке документов, формировании общественного мнения. Сегодня средства телевидения и радиовещания, Интернет-ресурсы и сервисы позволяют информировать обширные аудитории в сжатые временные сроки, доставлять адресную и актуальную информацию или дезинформацию, если речь идёт об информационной войне.

Второй острой проблемой современного человечества является нарастание глобального экологического кризиса [3, с. 23]. Человек является частью природы и не может существовать отдельно от неё. Современный человек может управлять отдельными природными процессами и явлениями, воздействовать на погоду и климат. Но все эти достижения человека, направленные воздействовать на окружающую среду и природные комплексы, к сожалению, являются весьма опасными и вредными в большинстве случаев. Часто они имеют необратимые последствия. Людьми созданы и долгое время работают вредные производства, приносящие доходы их владельцам и вред окружающей среде. Глобальные рынки влекут за собой огромный спрос на товары, которые производители таких стран, как Китай, выпускают огромными партиями и продают по всему миру, думая лишь о текущей выгоде, а не о последствиях от выбросов и других вредных воздействий на природу и экологию родной страны и даже других стран. Несмотря на введение властями большого количества экологических стандартов и строгого экологического законодательства уровень загрязнения воздуха в Китае растет с каждым годом. В пять раз превышено максимально допустимое загрязнение воздуха в больше половине КНР. По истине ужасающая экологическая обстановка в Китае привела к серьезному ухудшению здоровья населения. По данным исследования, проведенного Всемирным банком ежегодно в стране от смога умирает 750 тыс. человек. Сложившая экологическая ситуация приводит к массовому росту заболеваемости онкологическими заболеваниями, особенно раком легких. Смертность от рака в Китае по данным экспертов составляет ежегодно 1,4 млн человек [6]. Сеть Интернет и другие системы мировых коммуникаций позволяют реализовать товары, производимые в какой-либо стране в разных точках мира — в разных странах. Интернет-магазины имеют миллиарды покупателей по всему миру и обеспечивают сбыт даже

при резко растущих объёмах производства. Информационные технологии обеспечивают также эффективную рекламу реализуемых товаров и услуг в удобном, красивом, убедительном виде в мультимедийном, звуковом форматах, персональных рекламных рассылках и т.д. Растущие объёмы продаж и прибыли владельцев компаний не всегда наводят их на мысли о необходимости охраны окружающей среды и сохранении природы возле сырьевых источников.

Решение данной глобальной проблемы под силу только людям, проживающим на планете Земля. Конечно, к решению экологическим проблем во всех странах привлекаются учёные в этой области и профильные специалисты. Созданы специализированные организации и общества в нашей стране и в рамках мирового сообщества, такие как: Гринпис (Greenpeace), ФОНД ДИКОЙ ПРИРОДЫ (WWF), Международный социально-экологический союз (МСоЭС), Международная экологическая организация «Беллона», Международная ассоциация «Зеленый крест», Международный союз охраны природы и природных ресурсов (МСОП), Всероссийское общество охраны природы (ВООП), Центр экологической политики России (ЦЭПР), Российское экологическое движение «Зеленые», Неправительственный экологический фонд имени В.И. Вернадского, Российский региональный экологический центр (РРЭЦ), Общероссийская общественная организация «Зеленый патруль», Российский Зеленый крест, Движение Дружин охраны природы (ДОП). Кроме общественных организаций охраной природы и окружающей среды сейчас активно занимаются государственные органы власти разных государств мира, тем не менее, экологические проблемы очень далеки от решения. Ни меры наказания, ни меры противодействия вредителям окружающей среды пока не принесли должных результатов. Хотя космические спутники ежедневно мониторят природные пожары, наводнения, аварии, другие явления и процессы, специализированные компьютерные программы прогнозируют состояние и динамику объектов окружающей среды, помогают людям принимать научно обоснованные решения в этой области, вместо решённых экологических проблем часто возникают новые. Пока каждый член мирового сообщества не будет серьёзно относиться к этой проблеме и участвовать в её решении, отдельные люди и организации с ней вряд ли справятся.

Третьей, но самой значимой глобальной проблемой современного информационного общества является проблема сохранения человеческой личности человека как биосоциальной структуры в условиях растущих и всесторонних процессов отчуждения [3, с. 23]. Эту глобальную проблему иногда обозначают как современный антропологический кризис. Ещё в 60-е года философ Г. Маркузе констатировал в качестве одного из последствий техногенного развития появление «одномерного человека» как продукта массового культуры. Современные средства массовой информации,

инструменты шоу- и киноиндустрии формируют личности людей даже не только в рамках государств, но и в рамках мирового сообщества. Всё только зависит от вкусов пользователей данных услуг. Спутниковое телевидение, многоканальные цифровые вещательные компании, Интернет-ресурсы, в том числе и мультимедийные, доступны на огромных расстояниях от их физического вещательного центра или сервера. Они активно формируют мировоззрение и культуры граждан разных стран.

Перечисленные и многие другие факторы, к которым можно отнести сложность и большие объёмы работы, выполняемой в рамках профессиональной деятельности, употребление не всегда качественных продуктов питания, проживание в неидеальной окружающей среде направлены на разрушение индивидуального бытия человека и его личности. Стрессы и высокие психические нагрузки приводят к таким социальным заболеваниям, как алкоголизм, наркомания, табакокурение. Эти заболевания негативно влияют на физическое и психическое здоровье граждан. Поэтому для сохранения человеческой личности необходимо:

- правильно сочетать работу и отдых;
- пользоваться инструментами личного общения, а не только сервисами систем телекоммуникаций;
- внимательно относиться к качеству своего питания, вести здоровый образ жизни и пропагандировать его в обществе;
- заниматься спортом и вести активный образ жизни, соблюдать правила личной гигиены;
- своевременно проходить ежегодные медицинские обследования;
- заниматься профилактикой развития заболеваний и своевременно обращаться за лечением в медицинские учреждения, соблюдать все указания врачей;
- Задача врачей доводить перечисленные выше рекомендации до окружающих нас граждан, особенно обращающихся за медицинской помощью.

Список литературы

1. Волкогонова О.Д., Сидорова Н.М. Основы философии: Учебник. – М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2006. – 480 с.
2. Философия: учебник для бакалавров/ В.Н. Лавриненко, Г.И. Иконникова, В.П. Ратников, В.В. Юдин; под ред. В.Н. Лавриненко – 6-е изд. перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт: ИД Юрайт, 2013. – 575 с.
3. Философия науки и техники: Учеб. пособие./ В.С. Степин, В.Г. Горохов, М.А. Розов. – М.: Контакт-Альфа, 1995. – 384 с.
4. Куликов И. Сколько информации на планете Земля [Электронный ресурс] — Режим доступа: https:// www.gazeta.ru/science/2011/02/14_a_3524166. Стопка дисков от Земли до Луны. – (Дата обращения: 21.10.2017 г.)

5. Экологические организации (Электронный ресурс) — Режим доступа: http://cbs-bataysk.ru/docs/ekologia/zakon/ekoorg.htm, – [Дата обращения: 21.10.2017 г.]
6. Экологическая ситуация в Китае – проблема для всего мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bellona.ru/2013/03/13/ekologicheskaya-situatsiya-v-kitae probl.htm – [Дата обращения: 21.10.2017 г.]

УСВОЕНИЕ ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ ЛЕКСИКИ И ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ОСНОВЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ С УЧЕТОМ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ

Прокудайло Т.Н., Меликова О.С., Меликова Т.А.

Ростовский Государственный Медицинский Университет Минздрава России, Ростов-на-Дону

Аннотация: В данной статье рассматриваются проблемы, касающиеся учета родного языка учащихся в процессе овладения русским языком, а так же сопоставительного исследования контактирующих в процессе преподавания языков. Сопоставительное изучение языков необходимо для выявления сходных явлений, которые можно использовать как опору, и отличительных черт изучаемого и родного языков для предупреждения языковой интерференции.

Ключевые слова: сопоставительный анализ, психолингвистика, мышление, противопоставлять, тождественность, сознательное.

Abstract: This article deals with problems related to the registration of the native language of students in the process of mastering the Russian language, as well as a comparative study of languages in contact with the teaching process. Comparative study of languages is necessary to identify similar phenomena that can be used as a support, and the distinctive features of the studied and native languages to prevent language interference and ease the difficulties.

Key words: comparative analysis, psycholinguistics, thinking, contrast, identity, conscious assimilation.

Усвоение иностранного языка на начальном этапе неизбежно сопровождается процессом взаимодействия, родного и изучаемого языков. Еще в середине 20-го века определились две основные точки зрения по этому вопросу:

1. Учет особенностей родного языка обучающихся сводится к сопоставлению явлений русского языка с фактами родного языка непосредственно на занятиях в открытой форме.

2. Учет особенностей родного языка при обучении русскому языку определяется сведениями, добытыми в ходе сопоставительно-типологических изысканий, которые позволяют предупредить интерференцию.

Второе толкование принципа учета родного языка превращает родной язык в «эффективное средство обучения русскому языку», а первое нередко приводит к «подмене речевой деятельности теоретизированием». Учет родного языка в процессе обучения справедливо признается одним из ведущих лингводидактических принципов методики преподавания русского языка как иностранного. В большей или меньшей мере осознанная, а нередко и неосознанная потребность сравнить изучаемый язык с родным непременно присутствует в сознании любого человека. Вспомним известные слова Л.В. Щербы о том, что «родной язык обучающихся можно изгнать из аудитории, но не из их голов» [4] Поиск приемов и способов опоры на родной язык, форм учета его влияния на процесс овладения другим языком оказывается принципиально важной методической и психологической задачей. Сопоставительный анализ издавна является одним из ведущих исследовательских подходов в психолингвистике, но однозначного ответа на вопрос о том, возможна ли прямая связь между мышлением и иностранным языком нет. Одни утверждают, что мышление непосредственно связано только с родным языком. Другие допускают возможность существования непосредственной связи неродного языка с мышлением. Интересна позиция Н.И. Жинкина по этому вопросу. Ученый-психолог выдвинул гипотезу, согласно которой мышление реализуется не на каком-либо национальном языке, а на особом языке, вырабатываемом каждым мыслящим человеком. Поэтому на уроках русского языка надо учить говорить на русском языке, а мыслить обучаемый будет на собственном, индивидуальном языке, при этом Н.И. Жинкин рекомендует «запереть канал первого языка для успешного обучения иностранному языку» [2]. Согласно гипотезе Н.И. Жинкина, задача при обучении иностранному языку заключается в том, чтобы научить обучающихся перекодировать смысл высказывания со своего индивидуального языка на код изучаемого языка. Овладевая иностранным языком, студент учится оформлять свои мысли с помощью средств чужой для него языковой системы. Поэтому переход от одного языка к другому является сложным психологическим процессом, требующим пристального внимания. Сопоставительное изучение языков необходимо для выявления сходных явлений, которые можно использовать как опору, и отличительных черт изучаемого и родного языков для предупреждения языковой интерференции и снятия трудностей. Среди практических целей сопоставительно-типологических исследований можно отметить следующее: выявление схождений и расхождений в использовании средств разными языками. Это направление имеет важное методическое значение, так как знание расхождений позволяет преодолевать интерференцию-проявление влияния форм одного языка при пользовании другим, изучаемым языком; выявление кон-

кретных особенностей изучаемого языка. Сопоставление с другим языком позволяет нередко выявить более четко некоторые особенности языка, ускользающего при его «внутреннем исследовании». Сопоставление углубляет и расширяет сведения, касающиеся родного языка; выявление общих фактов, свойственных разным языкам или всем языкам вообще, установление языковых универсалий и исследование того, какие конкретные формы они принимают в данном языке. Исследование языковых универсалий имеет важное общеобразовательное значение, оно показывает, как в целом устроен язык, как осуществляется языковая деятельность человека. Сопоставление с родственными языками неминуемо ориентируется на широкий диапазон общих историко-культурных ассоциаций у учащихся. Различные языки по-разному отражают свойства и характеристики предметов и явлений объективного мира, и это различие необходимо учитывать в практике обучения. Сопоставление родного и иностранного языка осуществляется на всех уровнях — от звукового состава до построения связного текста. При этом следует обращать внимание на сходство и различие в системах языков, что позволяет не объяснять понятное, не тратить время на несущественное. Особое внимание к вопросу использования родного языка обучающихся уделяется в психологическом обосновании методики изучения лексики неродного языка, особенно при семантизации нового слова, поскольку процесс усвоения «чужого» языка всегда начинается с изучения слов, выражающих определенное понятие, благодаря чему осуществляется мыслительная деятельность человека. Метод сопоставительного анализа лексических явлений при обучении русского как иностранного выдвигается как один из ведущих. Когда человек узнает иностранное слово, он неизбежно соотносит его с существующим в его сознании понятием о том или ином предмете или явлении действительности; при этом не существует непосредственной связи между словом и предметом или явлением, эта связь имеет опосредованный характер, то есть она осуществляется через понятия. Поэтому, цель преподавателя — установить в сознании обучающегося связь между словом понятием, так как за лексикой иностранного языка скрывается несколько иная система понятий, чем в родном языке обучаемого. Цели начального этапа обучения ориентированы в основном на соблюдение лексико-грамматической правильности высказывания, общей литературной нормы. Это связано, прежде всего, со знанием системно-структурных сопоставительных характеристик двух языков. Усвоение лексики иностранного языка — это, прежде всего, усвоение значения слова. Процесс усвоения иностранного слова представляет собой образование в сознании обучаемого как правило целого комплекса значений слова, часть которых может полностью или частично совпадать с лексико-семантическими вариантами значения родного слова. Либо не иметь аналогов в родном языке обучающихся. В связи с этим возможность опоры на родной язык в сфере лексики в процессе обучения второму языку может интерпретиро-

ваться как наличие совпадения семантической структуры эквивалентов слов в двух языках при одновременном соответствии глубинных моделей связей между словами в родном и втором языках. В то же время возможно рассогласование в наборах семантических компонентов сопоставляемых слов, благодаря чему эти слова входят в разные парадигматические ряды и вступают в различные виды связей на уровне синтагматики. Успешное овладение иностранным языком зависит также и от сознательного усвоения грамматики изучаемого языка. По А.А. Леонтьеву, «независимо от грамматических особенностей конкретного языка существуют некоторые более или менее универсальные особенности организации высказывания», поэтому может быть построен «такой алгоритм осознания грамматической структуры родного языка, который мог бы быть в дальнейшем перенесен на иностранный…» [3]. Грамматика по природе своей имеет конструктивный характер. Поэтому человек, изучающий иностранный язык, должен, прежде всего, овладеть «правилами перехода от речевых операций родной речи к речевым операциям иноязычной речи». Известно, что в традиционных грамматиках описание языковых явлений основывается на принципе от формы к значению, от грамматических средств к их функциям в языке. Такой подход к грамматическим явлениям при сравнительном описании разных по структуре языков приводит к прямым сопоставлениям грамматических категорий одного языка с грамматическими категориями другого. При этом иногда значение категории, существующей в одном языке, переносится на другой язык, в котором имеются грамматические формы с аналогичным семантическим инвариантом, не оформившиеся в грамматическую категорию. В современной лингвистике определилось направление, занимающееся описанием грамматических явлений по принципу не только от средств к функциям, но и от функций к средствам их выражения в языке. Опора на родной язык студентов может существенно облегчить трудности, возникающие у студентов при изучении тех или иных грамматических тем. Однако различия в грамматических системах русского и родного языка студентов, отсутствие в большинстве случаев систематизированных знаний теоретических основ грамматики родного языка могут вызвать определенные проблемы при объяснении тех или иных категорий, имеющихся в русском языке, но отсутствующих или по-иному представленных в родном языке студентов. Так, усвоение русских местоимений представляет известную трудность как на начальном, так и на основном этапах обучения русскому языку как иностранному. При сопоставлении местоимений системы русского языка и соответствующих эквивалентов во французском языке можно отметить три типа соответствия: тождественных, частично различных и полностью различных. К фактам тождества можно отнести следующие языковые явления: в обоих языках существуют тождественные группы местоимений — личные, притяжательные, указательные и т.д.; личные местоимения в обоих языках имеют признаки лица и числа; в обоих языках

местоимения могут замещать существительные, обозначающие лицо или вещь. К соответствиям частичного различия относятся функции французских личных местоимений, аналогичные русским личным местоимениям в роли прямого объекта (в форме винительного падежа) или в роли косвенного дополнения (в форме дательного падежа). Зону межъязыковых соответствий полного различия составляет функция французского личного местоимения «Iui», которому могут соответствовать русские личные местоимения в форме дательного, родительного и предложного падежей. Французский язык характеризуется широкой местоименной системой (две формы личных местоимений, вопросительные, указательные местоимения и т.д.). Но во французском языке нет формы притяжательного местоимения, соответствующего в русском языке местоимению «свой», которое может относиться ко всем лицам. При изучении русских местоимений французско-русская интерференция проявляется в двух типах: недодифференциация и реинтерпретация различий. Большинство ошибок приходится на недодифференциацию. Значительные трудности возникают и при изучении студентами глагольной системы русского языка и таких грамматических категорий, как вид и время. Это связано с целым рядом причин, имеющих теоретический характер или определяемый существенными различиями структур родного и изучаемого языка. Носители языка, усваивая глагольную систему с рождения, не осознают ее сложности и, как правило, безошибочно, автоматически, выбирают нужную для передачи смысла форму. Грамматическая категория вида охватывает все формы глагола и все глагольные лексемы. Наиболее продуктивно на первом этапе обучения продемонстрировать противопоставленность глаголов совершенного вида со значением результата действия трем основным значениям глаголов несовершенного вида: конкретно-процессному, неограниченно-кратному и обще-фактическому.

Система изучения русской грамматической категории вида должна строиться не только на русской лингвистической основе, но и с учетом особенности выражения аспектуальности в родном языке учащихся. Теоретической основой языкового сопоставления в этом плане является «типология аспектуальных систем» языков [1]. Роль сопоставительного анализа при изучении иностранного языка с психологической точки зрения трудно переоценить. Он является неотъемлемой частью механизма перехода от лексической и грамматической систем родного языка к лексической и грамматической системам языка иностранного. Родной язык может стать надежным помощником в обучении русскому языку лишь тогда, когда обращение к нему стимулирует творческий потенциал учащихся. Для этого сопоставление должно быть динамичным, должно активизировать систему языковых ассоциаций, контрастно выделять новую для обучаемого систему понятий на фоне понятий привычных. Именно такое сопоставление — верный способ совершенного освоения другого языка, гарантия глубоких и надежных знаний.

Список литературы

1. Вагнер В.Н. К вопросу о сопоставительном описании русского языка и использовании его результатов в практике изучения русского языка как иностранного. – М., 1985
2. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. М., 1964.–№ 6.
3. Леонтьев А.А. Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному. — М., 1970.
4. Щерба Л.В. О понятии смешения языков. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1–958.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДИАЛОГ ВРАЧА И ПАЦИЕНТА КАК СПОСОБ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ИНОСТРАННОГО СТУДЕНТА-МЕДИКА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Б.Л. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»)

Павлова Н.И.

СГМУ им. В.И. Разумовского

Аннотация: В статье обосновывается вывод о том, что литературный диалог врача и пациента является одним из способов, способствующих самоидентификации иностранного студента медицинского вуза. На материале романа Пастернака «Доктор Живаго» анализируется врачующее слово двух докторов.

Ключевые слова: Литературный диалог, самоидентификация иностранного студента-медика, Пастернак, «Доктор Живаго».

Abstract: In the paper is expressed the idea that literary dialogue between patient and doctor is one of the ways promoting the self-identification of foreign student of medical university. Using Pasternak's "Doctor Zhivago", is studied the healing words of two doctors.

Keywords: Literary dialogue, self-identification of foreign student in medicine, Pasternak, "Doctor Zhivago".

Обращение к текстам художественных произведений на занятиях по РКИ в медицинском вузе стало неотъемлемой частью преподавания дисциплин, связанных с постижением языка специальности [1]. Литературный диалог врачей с пациентами является ценным лингводидактическим материалом курсов «Профессиональная коммуникация» и «Диалог врача с больным», поскольку способствует формированию клинического мышления [2], коррекции деонтологической направленности и коммуникативного поведения студентов, выбравших профессию медицинского работника [3].

В то же время чтение и анализ литературного диалога врача и пациента — это важнейший способ самоидентификации иностранного студента, планирующего посвятить свою жизнь медицине. Художественная литература о врачах и их деятельности дает возможность студенту-медику через поступки литературных героев задуматься над своими чувствами, переживаниями мотивами, действиями и жизненно важными потребностями. Слово врача-персонажа художественного произведения поможет студентам-медикам познать самих себя, сравнить себя с ним, выстроить необходимую модель поведения, развивать в себе такие личностные качества, которые помогут ему достичь желаемой цели. Если студент-медик, проанализировав собственные поступки, твердо скажет себе, что он сможет, подобно доктору Янсену, сражаться за людские жизни так же, как он, — зимой и летом, в слякоть и вьюгу, днем и ночью [4], осознанно скажет, что правильно выбрал свой жизненный путь, будет спасена не одна человеческая жизнь. В романе «Доктор Живаго», в заглавие которого вынесена профессия главного героя, немало эпизодов, в которых воспроизводится эмоциональное состояние персонажей, нуждающихся в медицинской помощи и получающих ее, описываются симптомы болезни, называются диагнозы, что дает основание привлекать и анализировать литературный диалог врача и пациента Б. Пастернака в процессе изучения лингвистических дисциплин медицинского вуза «Профессиональная коммуникация» и «Диалог врача с больным». Приведем пример работы с диалогом, состоящим всего из двух реплик.

— Фадей Казимирович, милый, где ваша рука? Дайте мне вашу руку, — давясь от слез и тошноты, говорила женщина. — Ах, я перенесла такой ужас! У меня были такие подозрения! Фадей Казимирович… Мне вообразилось… Но по счастью оказалось, что все это глупости, мое расстроенное воображение. Фадей Казимирович, подумайте, какое облегчение! И в результате… И вот… И вот я жива.

— Успокойтесь, Амалия Карловна, умоляю вас, успокойтесь.

Как это все неудобно получилось, честное слово, неудобно [5, с.41]

После прочтения вслух по ролям предлагаем студентам проанализировать диалог с точки зрения выраженной в нем фактической информации и поведения коммуникантов. Как вы думаете, что произошло с женщиной? О чем она рассказывает врачу? Что она недоговаривает? Почему? Студенты предполагают, что Амалия Карловна, скорее всего, хотела отравиться, если радуется тому, что осталась жива. Почему она просит руку доктора? Что может обозначать этот жест? Обращаем внимание на то, как она трижды называет врача по имени и отчеству, что подчеркивает ее преклонение перед его авторитетом, дважды просит его руку, как если бы просила поцеловать руку священника, что говорит о почти сакральном отношении к врачу. Далее рассуждаем вместе: Как доктор относится к поступку жен-

щины? Он не может пенять, высказывать неодобрение, он обязан оказать помощь, что он и сделал, приехав в номера гостиницы, куда его вызвали среди ночи. В результате анализа студенты приходят к пониманию того, что импульсивность женщины, как и сам факт ее попытки отравиться, вызывает неодобрение доктора, что выражается дважды повторенной им фразой «неудобно». Фадей Казимирович выступает не только как клиницист, но и как психолог, понимающий необходимость воздействовать на пациента с невротическим синдромом. Именно поэтому в словах доктора звучит упрек. Диалог врача и пациента, описанный в романе, позволяет обсудить на занятии одну из описанных в медицинской литературе моделей отношения врача и пациента, называемую пастырской (патерналистской) — такие отношения врача и пациента, которые подобны отношению родителей и детей («pater» от лат. — отец) [6]. Известно, что в медицине всегда были и будут ситуации, когда ради спасения здоровья и жизни врач берет на себя всю ответственность и оказывает скорую помощь, проводит интенсивную или реанимационную терапию. Осмысление литературного диалога переходит, таким образом, в обсуждение профессиональных и деонтологических норм. Проанализированная ситуация должна нацелить студентов на терпимое отношение к людям с подобной симптоматикой. С патерналистским типом модели коммуникации можно познакомиться на материале другого литературного диалога, описанного в «Докторе Живаго». Юрия Андреевича Живаго приглашают к пациентке, симптомы болезни которой сразу дали основание поставить диагноз — сыпной тиф. Обращаем внимание студентов, что Пастернак не был врачом, но, читая описание симптомов болезни и диалог врача с мужем пациентки, не перестаешь восхищаться мастерством писателя. Не оставляем без внимания и описание квартиры: богатство и роскошь-средства, которые можно было использовать для оплаты, однако мужу пациентки не удалось уговорить доктора организовать ежедневные посещения за вознаграждение. Принципиальность Живаго обоснована: больная может погибнуть без надлежащего ухода, кроме того, сыпной тиф — заболевание инфекционное, и Живаго как врач понимает всю меру ответственности. «Они вошли в соседнюю комнату с фарфоровой люстрой и двумя тумбочками красного дерева по бокам широкой двуспальной кровати. На её краю, натянув одеяло выше подбородка, лежала маленькая женщина с большими черными глазами. При виде вошедших она погнала их прочь взмахом выпростанной из-под одеяла руки, с которой скользнул к подмышке широкий рукав халата. Она не узнавала мужа и, словно никого не было в комнате, тихим голосом запела начало какой-то грустной песенки, которая так её разжалобила, что она расплакалась и, всхлипывая по-детски, стала проситься куда-то домой. С какого бока ни заходил к ней доктор, она противилась осмотру, каждый раз поворачиваясь к нему спиной» [5]. Перед чтением диалога врача с мужем пациентки настраиваем студентов на необходимость квалифицировать составляющие части про-

фессиональной коммуникации, уже известные им по предыдущим занятиям (паспортные данные, сбор анамнеза, история жизни и т.п.). В докторе органично сочетаются деловые и личностные качества: поставив диагноз, он единолично принимает решение, проявляет настойчивость, чем спасает жизнь женщины.

Приведем фрагмент диалога из произведения «Доктор Живаго»:

— Так вы думаете, что это нервное потрясение? — с сомнением в голосе спросил Юрий Андреевич. — Проводите меня к больной (anamnesis morbi).

— Надо бы посмотреть ее, — сказал Юрий Андреевич. — Но всё равно, мне и так ясно. Это сыпняк, и притом в довольно тяжелой форме (постановка диагноза). Она порядком мучится, бедняжка (выражение сочувствия, эмпатия). Я бы советовал поместить её в больницу (рекомендация по организации госпитализации). Дело не в удобствах, которых вы ей предоставите, а в постоянном врачебном присмотре, который необходим в первые недели болезни (убеждение в необходимости госпитализации). Можете ли вы обеспечить что-нибудь перевозочное, раздобыть извозчика, или в крайнем случае ломовые дровни, чтобы отвезти больную, разумеется, предварительно хорошо закутав?

Я вам выпишу направление (превентивные меры).

— Могу. Постараюсь. Но погодите. Неужели правда это тиф? Какой ужас (рефлексия)!

— К сожалению (подтверждение диагноза на основе эмпатического слушания).

— Я боюсь потерять ее, если отпущу от себя. Вы никак не могли бы лечить её дома, по возможности участив посещения? Я предложил бы вам какое угодно вознаграждение (аргументированное упрашивание).

— Я ведь объяснил вам. Важно непрерывное наблюдение за ней (аргументированный отказ). Послушайте. Я даю вам хороший совет. Хоть из-под земли достаньте извозчика, а я составлю ей препроводительную записку. Лучше всего сделать это в вашем домовом комитете. Под направлением потребуется печать дома и еще кое-какие формальности (совет и помощь в организации госпитализации) [5, с.119].

Анализ диалога доктора Живаго и мужа пациентки можно построить по вопросам. Какое чувство вызвал у вас доктор, настоявший на госпитализации и организовавший транспортировку больной? Чем вызван его отказ от вознаграждения? Нужны ли слова утешения родственникам больных или врачу достаточно прийти на вызов и выполнить свои прямые обязанности? Человеческая и профессиональная чуткость доктора Живаго может стать для студентов-медиков тем этическим идеалом, на который они захотят равняться. Перспективность работы с литературным диалогом на занятиях по РКИ очевидна, таким образом, и в формировании коммуникативного и деонтологического поведения студентов медицинского вуза.

Список литературы

1. Кулибина Н.В. Зачем, что и как читать на уроке. Художественный текст при изучении русского языка как иностранного. – СПб: Златоуст, 2015. – 224 с.
2. Прокофьева Л.П., Беляева А.Ю. Формирование клинического мышления средствами русского языка как иностранного // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – 2016. № 5. – С. 2004 –2009.
3. Павлова Н.И., Соловьева И.В. Формирование модели коммуникативного поведения профессионала средствами внеаудиторной деятельности (из опыта работы преподавателя РКИ) // Текст. Структура и семантика: доклады Международной научной конференции «Русский язык в исследованиях отечественных ученых: история и современность» (Москва, РосНОУ, 2–3 декабря 2016 г.) / Сост.: Н.А. Ковалева. – М.: Редакционно–издательский дом РосНОУ, 2017. – С. 422–429.
4. Васильев Б.Л. Летят мои кони. Худ. литер., М., 1982. 90 с.
5. Пастернак Б. Полн. собр. соч.: в 11 т. Т. 4. Доктор Живаго. М., Слово/SLOVO, 2004.
6. Киселев В.А. Биоэтический словарь: Уч. пособ. Екатеринбург, УГМА. 2006. – С. 152.

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД АНТРОПОЛИНГВИСТИКИ КАК НАУКИ

Фадеева Л.Ю.

АНО ВО Поволжский православный институт имени Святителя Алексия, митрополита Московского

Аннотация: Построение лингвистики на антропологических началах предполагает создание единой теории языка и человека. Антрополингвистика объединяет данные таких наук, как лингвогносеология, социолингвистика, психолингвистика, лингвобихевиорология, лингвокультурология, этнолингвистика, лингвопалеонтология. Комплексный подход антрополингвистики позволяет сочетать новые объекты анализа и новые возможности объяснения фиксируемых явлений и фактов. Специфика антрополингвистического подхода позволяет провести параллель между развитием лексической картины мира у детей и всего человечества в целом

Ключевые слова: антропологическая лингвистика, теория языка, этапы мышления, комплексный подход, картина мира, эволюция языка.

Abstract: Construction of linguistics on the anthropological basis assumes creation of the united theory of language and human being. The frame of anthropolinguistics combines such branches as sociolinguistics, psycholinguistics,

ethnolinguistics, linguistic gnoseology, linguistic paleontology, etc. Interdisciplinary communications of anthropolinguistics manifest new objects of analysis and evolution of the questions under investigation. For instance, reference to the linguistic paleontology data explains occurrence of nominative function in the meaning of ancient words — monoliths. Specifics of the anthropological approach allows to draw a parallel between the development of children's lexical picture of the world and all mankind as a whole.

Keywords: Anthropolinguistics, theory of language, stages of thinking, complex approach, picture of the world, and evolution of language.

Построение лингвистики на антропологических началах предполагает создание единой теории языка и человека и соблюдает два условия: во-первых, познание человека неполно и невозможно без изучения языка, и, во-вторых, понять и объяснить природу языка можно, исходя из человека и его мира. Реализация антропологической программы изучения языка включает решение таких проблем, как язык и духовная активность человека; язык, мышление и сознание человека; язык и физиология человека; язык и психика индивида; язык и культура; язык и поведение человека; язык и коммуникация; язык и общество; язык и ценности человека; язык и познание и т.п. Введение антропологического принципа исследования языка связывает разнообразные моменты бытия языка, которые при других подходах изучались изолированно или исключались из области научного рассмотрения. В рамках антропологической лингвистики могут быть объединены и развиты на единой методологической основе такие направления, как лингвогносеология, предметом которой является познавательная функция языка как формы представления познаваемого человеком мира [1, 2]; социолингвистика, изучающая взаимоотношения языка и общества [3]; психолингвистика, исследующая взаимоотношения языка и индивида [4]; лингвобихевиорология, актуализирующая роль языка в практическом поведении человека [5]; лингвокультурология, в центре которой взаимоотношения языка и культуры [6, 7]; этнолингвистика, ориентированная на рассмотрение взаимосвязи языка, духовной культуры народа, народного менталитета и народного творчества [8, 9]; лингвопалеонтология, манифестирующая связи языковой истории с историей народа, его материальной и духовной культурой, географической локализацией, архаическим сознанием [10, 11]. Комплексный подход антрополингвистики позволяет сочетать новые объекты анализа, аспекты существования и функционирования изучаемых вопросов, а главное — новые возможности объяснения фиксируемых наблюдений и фактов. Это способствует распространению тенденции антропоцентризма, заставляя по-новому подходить к оценке человеческого опыта, к результатам субъективного и прагматически-ориентированного осмысления мира. Из выделенных семиотикой трех основных функций знаков человеческой речи (семантика, синтаксис, прагматика) наиболее древней и важной является прагматическая функция —

отношение слова к поведению человека [12]. Целый ряд онтологических категорий и главных концептов человеческого бытия предшествовали языку. Но только язык способен объективировать все эти процессы, поскольку, материализуя формирующиеся концепты и концептуальные структуры, он придает им определенную завершенность и ставит в соответствие внутренней репрезентации воспринятого или задуманного свои знаковые символьные заместители. Постоянные перекрещивания, челночные операции, заимствования то из одной науки, то из другой служили взаимообогащению наук, и в этом процессе взаимовлияния науки попеременно предоставляли друг другу не только доказательства продвижения по верному пути, но и способы и средства объяснения наблюдаемого. В качестве примера можно привести взятое из психологии понятие прототипов, которое затем было положено в основу целого направления современной семантики, или аналогичную историю с понятием фреймов. Необходимо также привести примеры обратной связи, когда понятия, рожденные в русле лингвистики, помогли понять особенности когниции, наблюдаемые у человека и характеризующие работу его сознания (метонимия и метафора ментальные пространства и их совмещения и т.п.). Лингвистическая палеонтология объединяет совокупность лингвистических исследований и соответствующих приемов, при помощи которых выявляются и интерпретируются наиболее архаичные элементы языка, сохраняющиеся в его истории и современном состоянии как пережитки утраченных более древних систем. Рассмотрение материального и духовного мира человека осуществляется через призму культуры и языка. Путеводной нитью в области слов, значений и в сфере материальной культуры является семантика [13]. Плодотворной явилась идея изучения семантических пучков, связанных с тем или иным словом, утверждавшая единство глоттогонического процесса и стабильность, соответствующую этапам развития общества и хозяйства. Семантическая палеонтология, или генетическая семантика, рассматривает возникновение и развитие значений слов на разных ступенях стадиального развития. Таким образом, прослеживается история языка и мышления по стадиям, устанавливается смена типов в хронологической последовательности [14], и концептуальная идея первоэлементов [15, 16]. Историзм приводит к тезису о том, что на заре истории человек по своим психическим характеристикам был не только не сходен с современным человеком, но и представлял его противоположность.

Все естественнонаучные дисциплины, касающиеся становления человека, могут быть поделены на три большие группы: а) морфология антропогенеза, б) экология, биоценология и этология антропогенеза, в) физиология высшей нервной деятельности и психология антропогенеза. Эти научные направления находятся на разных этапах своего развития, однако третья группа требует пристального внимания. Эмпирически наш современник знает, как быстро происходит обновление исторической среды. Если ему

сейчас 75 лет и если разделить его жизнь на три двадцатипятилетия, то они отчетливо покажут, что каждый отрезок много богаче новациями, чем предыдущий. Но при жизни его предка на аналогичные отрезки приходилось заметно меньше исторической динамики. А в средние века, в античности, тем более на Древнем Востоке индивидуальная жизнь человека вообще не была подходящей мерой для течения истории: его мерили династиями, целыми цепями жизней. В связи с этим предстоящие технические, научные и социальные изменения будут уплотняться и ускоряться. Еще одна системная попытка междисциплинарной антрополингвистики была предпринята в русле лингвистической генетики, где анализ фактического материала показал, что за внешним существованием слова в языке стоят "скрытые" генетические процессы [17, 18]. Любое слово синтезирует генетическую формулу, несущую информацию о топологическом, качественном, количественном статусе лексемы, жизнеспособности в той или иной среде, возможном направлении развития и т.д. Генетическая информация носит стохастический характер и различна у каждого слова в синхронии и диахронии. Направленность в будущее — это смысл и движущая сила существования слов и связанных с ними значений. Идеи лингвистической генетики находят свое продолжение в работах по менталистике [19]. В парадигме менталистики тематика исследований формулируется двояко. С одной стороны, будущие исследования должны быть сосредоточены на изучении типичных стохастических универсалий, возможных и невозможных стохастических ситуаций в пределах определенных генетических траекторий. С другой стороны, исследование семантического словаря, реконструкции культуры, классифицированного словаря семантем по ряду семантических полей с привлечением данных о возможных исторических денотатах лексем призвано объяснить экологическую среду и типологию культуры носителей соответствующего языка. Кондиционализм, отрицающий объективность причинно-следственных связей, заменяет понятие причины понятием комплекса условий как случайного сочетания различных условий, вызывающих наличное состояние системы языка. Любой специалист в области истории языка задумывается о том, как могли развиваться события, если бы в них вмешались те или иные силы, та или иная личность, тот или иной случай [20]. Вероятно, в этой парадигме заключается побудительная сила к поиску решения ряда историко-лингвистических проблем; размышления о том, что могло бы произойти с языком при иных путях его развития, помогут ученому более четко ответить на вопрос о причинах и результатах состоявшегося языкового факта или явления. Наконец, предположения относительно возможного в других исторических условиях развития языка содержат прогностический потенциал. Говорить о будущих изменениях в языке можно лишь после анализа реальных и вероятных путей его развития в прошлом. Невоплотившиеся перемены присутствуют в современном состоянии языка, оказывая влияние с определенной степенью вероятно-

сти на новых этапах развития и визуализируясь в рамках «виртуальной истории» [21, 22] или «кондициональной лингвистики» [23]. В каждом языке можно найти поворотные моменты развития, после которых резко теряются одни черты и приобретаются другие; язык становится другим, создаются новые законы, формируются новые тенденции. К примеру, если в 1066 г. Англия не была бы завоевана норманнами, английский язык мог быть совершенно иным. Биолингвистика строится и опирается на три фундаментальных принципа: энергетический, поскольку организм человека живет и управляется рядом биокосмических энергий, которые поступают извне в квантово-волновом порядке и мгновенно в нем преломляются; интегративный (комбинированный), поскольку в человеческом организме одновременно взаимодействуют и особым образом объединяются всевозможные виды энергий, в том числе в физико-химическом, электрическом и психическом планах; инволюционно-эволюционный, которым объясняется возникновение языка-речи на определенной стадии развития организма человека, когда создаются все необходимые предпосылки и условия путем постепенного совершенствования тела, мозга, желез внутренней секреции (гипоталамуса, гипофиза, шишковидной и щитовидной желез и т.п.) [24]. Биологическая лингвистика развивается сегодня исходя из постулата: язык — речь — память — мышление — осознание представляют собой естественные потребности человека с тех пор, как появились люди на планете Земля. В процессе эволюции весь человеческий организм — тело, душа, психика перестроился, возникла потребность единого функционирования (т.е. коммуникации — общения), и эта потребность закрепилась генетически, в виде наследственности (филогенетический признак). Языку как генетическому (природному психофизиологическому) свойству не надо учить, он все равно актуализируется в человеческой окружающей среде в определенном возрасте. Биолингвистика как специальная наука о языке, о способностях и возможностях, биологически возникших у человека в силу практической необходимости его совместного функционирования с другими людьми (коммуникации), непосредственно связана с нейронно-компьютерной организацией человеческого мозга. При этом за психосоматические функции в человеческом организме одновременно несут ответственность как сам мозг (brain), так и специальные ответвления в нем в виде ума, памяти, сознания (mind). Таким образом, предметом биологической лингвистики являются способности ума, памяти, сознаваемого-несознаваемого, т.е. той части человеческой психики, которая обозначается термином mind. К примеру, древнейшим типом звуковой речи являлось «слово-монолит», недифференцированное ни в семантическом, ни в формальном отношении, и неразложимое на отдельные элементы. Основным назначением таких слов-монолитов было сообщение говорящим своей потребности, воли или желания другому, поэтому можно предположить, что их первоначальная функция была аналогичной нынешней повелительной форме гла-

гола. «Употребление предками человека нерасчлененных слов-монолитов не было связано с необходимостью сообщения тех или иных умозаключений или суждений. Слово-монолит являлось выразителем не суждения, но воли или желания говорящего, и само высказывание слова-монолита диктовалось лишь конкретными потребностями текущего момента. Поэтому во внутреннем содержании слов-монолитов нельзя вскрыть никаких элементов логического суждения» [25]. Номинативная функция слова-монолита является более поздней надстройкой над его первоначальной вербально-императивной функцией. Слова-монолиты стали употребляться для обозначения отдельных элементов действительности. Появление у слова-монолита зачатков новой (интеллектуальной) функции (как знака представления или понятия) дало ему возможность стать орудием примитивной мысли... Слово-монолит, не теряя своей недифференцированности и нерасчлененности, впервые стало орудием мысли в качестве словесного выразителя предиката суждений восприятия. Однако сам переход остается необъясненным: откуда взялась эта новая функция, столь радикально отличная от прежней и как она могла присоединиться к прежней. Междисциплинарность антрополингвистики в данном случае учитывает, вероятно, данные палеолингвистики. Слова еще не обозначали вещей, когда вещи были привлечены для обозначения слов, а именно для их дифференцирования. Потребность в обособлении таких звуковых суггестивных комплексов, на которые “не надо” отвечать требуемым действием, от тех, на которые нужно реагировать, с некоторой поры обгоняла наличные речевые средства. Увеличение числа этих внутренне аморфных и диффузных звуковых комплексов требовало новых тормозных фонологических оппозиций или новых сочетаний из уже наличных комплексов, а возможности были крайне бедными. Неограниченные языковые средства возникнут гораздо позже с появлением синтаксиса (синтагматики, парадигматики). Поэтому использовалось другое средство: если один и тот же звук («слово») сопровождается двумя явно различными движениями говорящего, то это уже два разных слова. Это по-прежнему только общение, но еще не сообщение чего-либо. Обогатились только тормозящие или предписывающие какое-либо действие сигналы: из чисто звуковых они стали также двигательно-видимыми. Торможение или предписание какого-либо действия теперь осуществляется не просто голосом, но одновременно и двигательным актом, например, руки (вверх, вниз), а в значительной части случаев также показом того или иного объекта. Так, при небольшом числе доступных голосовых сигналов осуществлялось растущее число объективно различимых суггестивных команд. Палеолингвистика подтверждает, что древнейшие корни оказываются полисемантическими целыми или семантическими пучками, когда одно «слово» было связано с несколькими разнородными «вещами». Весьма интересным и спорным шагом антрополингвистики, можно считать привлечение теории педоморфозиса или но-

отении [27] о том, что врожденных моделей нет, но есть врожденные потенции. Язык движется в сторону ранее усвоенного, отбрасывая приобретенное позднее и более сложное. Направление такого движения можно проследить по речи современного ребенка, отмечая, какие структуры ребенок предпочитает. Эволюция языка, таким образом, результат движения языка назад.

Антрополингвистический анализ данных, относящихся к исследованию умственного развития детей, отражаемого в росте объема словаря, позволяет прийти к мнению о подобии ранних этапов развития лексической картины мира у детей и всего человечества в целом [27]. Основные черты начального этапа мышления — наивного мышления (как они отражаются в древнейших пластах лексики) у человечества и детей совпадают — расплывчатость и синкретизм значения слов, отсутствие строгих научных классификаций, уточнение и перераспределение значений в ходе освоения новой лексики.

Список литературы

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари,1996. – 416 с.
2. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // Вопросы языкознания. № 1. – М., 2002. С. 37 $67.
3. Михальченко В.Ю., Крючкова Т.Б. Социолингвистика в России // Вопросы языкознания. № 5. – М., 2002. С. 116–142.
4. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
5. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2009. 112 с.
6. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
7. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. – 183 с.
8. Боас Ф. Эволюция или диффузия? // Антропология исследований культуры. Т.1. СПб., 1997. – С. 343–347.
9. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып.1. – М., 1960.–С. 148.
10. Марр Н.Я. Избранные работы. Т.1. Ленинград: Ленсоцэкгиз,1933. — 400 с.
11. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. (Проблемы палеопсихологии). — М.: Мысль, 1974. – 487 с.
12. Марр Н.Я. Избранные работы. Т.1. Ленинград: Ленсоцэкгиз,1933. – 400 с.
13. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 13-30.
14. Якобсон Р. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – 460 с.
15. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вя. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкции и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т.1,2. – Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1984. – С. 859–865.

16. Маковский М.М. Лингвистическая генетика: проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках. – М.: Наука, 1992 — 189 с.
17. Гаряев П.П. Лингвистика и волновой геном. Теория и практика. – Киев: Институт Квантовой Генетики,2009. – 218 с.
18. Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа "Анналов". – М.: Индрик, 1993. – 319 с.
19. Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Математико-статистические модели распределения информации в исторических хрониках // Математические вопросы кибернетики. Вып. 6. – М.: Наука, 1996. с. 71–116.
20. Нерознак В.П. Праязык: реконструкт или реальность? // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. – М.: Наука, 1988. С. 26–43.
21. Сальников Н.М. Язык. Поэтика. Перевод. Вып. 426. М.: МГЛУ, 1996. С. 91–96.
22. Супрун В.И. Пределы и преграды лингвистической экспертизы. Волгоград: Перемена, 2011. С. 30–42.
23. Полухин А.А. Ноолингвистика и ноосферное образование // Ноосферное образование в евразийском пространстве. – СПб: Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2009. – С. 454–463.
24. Поцелуевский А.П. Избранные работы. Ашхабад: Ылым, 1975. – С. 10–15.
25. Bichakjian B.N. Evolution in language. Ann Arbor: Karoma, 1989.
26. Гринев-Гриневич С.В., Сорокина Э.А., Скопюк Т.Г. Основы антрополингвистики (к лексическим основаниям эволюции мышления человека). – М.: Компания Спутник+, 2005 – 114 с.

ЯЗЫК КАК ПЛЕРОМА БЫТИЯ В АНТРОПОБИОЛОГИИ ЯЗЫКА Ж.ПУЛЭНА

Панов С.В.
Ниту МИСИС

Поскольку метафизические и трансцендентальные формы восприятия, мысли и желания, которые были присущи интеллектуальной культуре XX в. обесценились, никто больше не верит в априорно-синтетические самоопределение рассудка разума и человеческой воли. Философия языка и теория речах актов тщетно стремятся, по Пулэну, восполнить недостаток регулятивного источника взаимоотношений человека с самим собой, другими и миром. Все человеческое бытие, как представляется этим философским направлениям, отрыто регулируются объективированными формами коммуникации, для которых нет и быть не может предустановленных ценностей, предполагающих создание отношений власти и подчинения, любви, дружбы, признания, уважении на основе предварительного отбора желае-

мых способов поведения. В речевой коммуникации современный человек испытывает нечто вроде нулевой степени общения, претендуя на ситуативную выработку определяющих стимульно-реактивных связей для себя и своего собеседника как убедительную возможную основу интерсубъективно значимой социальной реальности [Poulain 2017, 20].

Современный человек претендует на эффективность социальных взаимоотношений, осуществляя специфические стимуляции, вызванные воздействиями речи. Но теоретики языка и речевых актов не замечают, по Пулэну, что в коммуникации царит всеобщее недоверие, силовое столкновение, вызванное общими экспериментаторским статусом собеседников. Собеседник в действительности может ответственно общаться и вести себя, только если он способен в силу своей эпистемологической аскезы, в силу необходимости все ставить под сомнение, не может заставлять слушателя принимать сказанное как определяющее мнение для своего слушателя. А слушатель перестает существовать в этих экспериментальных процессах как слушатель, чье согласие как необходимое условие истинности общения призвано, как кажется, преобразовать полученное высказывание в объективную социальную реальность, значимую для обоих сторон общения.

Языковое форматирование культур в неолиберальной глобализации связано с легитимизацией объективной реальности как сферы действительного и эффективного удовлетворения максимума человеческих желаний на основе признания и уважения автономной независимости индивидов, наций, культур, когда они оказываются сведены к биологической единичности производства и потребления благ и коммуникативным формам надындивидуальной регуляции. Это происходит потому, что глобализация придает самоуправляющемуся рынку, этой знаменитой «невидимой руке», воспетой А. Смитом, освященную непогрешимость архаических культов. Напомним, что для Смита рынок был не просто экономической реальностью, а моделью всех политико–социальных отношений, где человек был определен неотъемлемыми способностями — способностью производить, обменивать продукты труда, способностью получать удовольствие и способностью содействовать всеобщему благу через преследование собственных частных интересов.

Слепое согласие неолиберальной элиты освящает рынок как инстанцию, запрещающую ставить под сомнение пресловутую рыночную свободу как высшее благо, одно стремление к которому, как представляется идеологам неолиберализма, обеспечивает социальную и потребительскую гармонию в человеческом обществе только на основе признания права на собственность и права устанавливать деловые договорные отношения [Poulain 2017, 21]. Эта концепция коммуникативной регуляции социально-культурного взаимозачета воспроизводит, по Пулэну, «республику

духов» — республику свободных сознаний Просвещения как сообщество равных сограждан на основе формального признания их статуса вне суждения об объективном содержании того или иного культурно-жизненного мира [Poulain 2017, 23].

А поскольку культуры идентифицировали себя как автономные ценностно-порождающие субъекты всемирной республики, каждая из них стремится навязать свои ценности, т.е. отфильтрованные и объективированные формы мышления, воления и поступка другим культурам. Отсюда следует война культур, столкновение цивилизаций, а также всплеск этнонациональных и религиозных фундаментализмов и экстремизмов как выражение несамокритичности культур, которые осознают все больше себя как монополии в глобальном культурном рынке [Poulain 2017, 25]. Культурные монополии возбуждают и питают эти культурные национальные фундаментализмы и социально-культурную маргинализацию, которые строятся на немой идентификации социальных партнеров со своей группой, как если бы основным интересом этой группы было слепое подчинение своих членов ее ценностным предписаниям [Poulain 2017, 26].

Так в закрытых американских сообществах их члены должны быть защищены частной полицией, как если бы любой чужак представлял для них вероятного врага. В закрытых исламских обществах женщинам, подчиненные воле своих мужей, запрещен доступ к образованию. Европейский союз, который желает предстать мировым флагманом в обеспечении социальной справедливости и поддержке развивающихся стран, вводит критериальный отбор иммигрантов, возводя для них гетто [Poulain, 2017, 26–27]. Для Пулэна неолиберальная конкуренция культур связана с их очевидной политизацией, т.к. они как автономные субъекты всемирной человеческой республики заставляют своих носителей безусловно принимать объективность внутреннего консенсуса их локальной культуры, стараясь вытеснить ценностные центры внешних им сообществ [Poulain, 2017, 27].

Для Пулэна это экспериментальное познание человеком своей внутренней регулятивный природы основывается на модели прагматического диалога с природой у Ч.С. Пирса. Как естественнонаучное исследование развертывает познавательный диалог с видимым внешним миром, так современная демократия ожидает вознаграждающий ответ от внутренней природы человеческих существ. Прагматическое экспериментирование социальных отношений переносится на социальное поле в поиске экспериментального утверждения научного согласия с порядком внешней природы, возводя согласие с другим в единственную инстанцию получения и подтверждения предполагаемого порядка социальной справедливости, инстанцию, по определению, трансцендентальную по отношению к частным желаниям индивидов [Poulain, 2017, 31–32]. Прагматическая интенция Пирса мыслить реальность как экспериментальный вопрос проецируется

на социальную жизнь субъектов, признанных решить свои практические проблемы, исходя из экспериментального выявлении ситуативных регулятивов. Таким образом, по Пулэну, языковая игра естественнонаучного познания заменяет собой универсализованную общественно-политическую жизнь на основе бесконечной критики предшествующих норм и консенсуальной выработке новых. Эта универсальная модель представятся теоретикам речевых актов и прагматикам единственно значимой для регулирования чувственной, познавательной, аффективной, практической и потребительской деятельности социальных партнеров на основе простого события их согласия [Poulain, 2017, 33].

Логический самоконтроль мышления, по Пирсу, основанный на семантической интерпретации аксиом, происходящей в данный момент социальной интеракции и во все последующие ее этапы. Есть вещи, которые собеседники не могут мыслить по-другому в бихеовиристской концепции коммуникационного взаимодействия субъектов, в которой слушатель отвечает и может ответить, только тогда он зафиксировал эффекты убеждений, желаний и интенций от автора сообщения [Poulain, 2017, 34]. Прагматическая максима Пирса преобразует видимую природу в вознаграждающий ответ, подтверждающий или отвергающий научную гипотезу. А это преобразование проецируется непосредственно в социально-культурный мир, где партнеры в свободной коммуникации могут выработать взаимоприемлемые формы сосуществования только на основе подтверждения или опровержения предлагаемых способов взаимодействия здравым смыслом социального консенсуса, возведенного в трансцендентальный регулятив человеческого бытия [Poulain, 2017, 32]. Так автономные гражданские субъекты экспериментально познают всеобщую мудрость sapientia universalis, воплощенную в юридических, моральных, политических институтах современности тем самым образом, каким ученые опытно познают mathesis universalis, те. организацию внешней природы.

Прагматическая максима Пирса, которая отождествляет понятие вещи с комплексом ее практических эффектов, уточняется в прагматизме Ч. Морриса, где с фиксацией и описанием речевых эффектов бихевиоризм, как кажется, достигает решения своих целей [Poulain, 2017, 33]. Используя информационную, оценивающую, убеждающую, систематизирующую функции знаков, человек, по Моррису, способен порождать верные суждения, устанавливать ценности, правильно убеждать, мыслить чувствовать и вести себя [Poulain, 2017, 34–35]. Человек употребляет знаки, абстрагируясь от реальных жизненная контекстов, создавая, как представляется, гарантию порождения желаемых способов восприятия, мышления, воли и действия. Для Пулэна прагматизм Морриса симптоматичен для индустриальной и постиндустриальной эпохи: человек мыслится в его перспективе как некая контролируемая реальность, ценность которой мы способны измерять соразмерно диктату эффективности максимизации вознаграждения при ми-

нимизации затрат. Человек становится производителем не только товаров и услуг, но и социальных связей на основе использования стимулирующих функций знаков, чтобы вызвать у собеседников или партнеров требуемые реакции и желаемое поведение, заставив их выполнять те или иные задачи, ускоряя и замеряя ход этого выполнения.

Бихевиористские теории сопрягались с моральным политическим кризисом Европы второй половины XX в., проблему которого стремились решить теории языков актов Дж. Остина, Г. Грайса, Дж. Серля. Гарант истинности институциональных коррекций смещается в перформативное использование фраз. Любой автор высказываний, для которых достаточно только быть произнесенным, чтобы иметь желаемый эффект на слушателей, как представляется Остину, основывает эти высказывать на непогрешимом верном суждении об условиях человеческого сосуществования, суждении, которое не может не выражать истину психического, социального, ментального контекста взаимоотношений социальных партнеров. Пулэн показывает, как теория речевых актов Остина уже оправдывает неравенство социальных позиций, присущей неолиберальной глобализации, производящей неравенство между авторами перфоративных высказываний (обещание, приказ, совет, осуждение). Авторы высказываний отождествляются, несомненно, с представителями элит, а их собеседники — со слушателями, которые должны поверить этим авторам на слово, исходя из простого акта восприятия их сообщений [Poulain, 2017, 38–39]. По Пулэну, ментально-социальный консенсус, на которых зиждется перформативное высказывание, все ровно рассматривается сторонами общения по-разному и неизбежно ведет к войне суждений, закрепленной в теории разногласия Ж.Ф. Лиотара, поскольку чтобы высказать собственное перформативное суждение его автору в присвоении им доминантной позиции в общении необходимо упразднить ценность суждения собеседника [Poulain, 2017, 39].

Очевидный примитивный реактивизм речевых актов Остина пытается преодолеть Г. Грайс протрептическим использованием языка, ведущем к сплошной психологизации социальных противоречий. Грайс связывает возможность речевого сообщения убеждений и желаний с успешным предварительным опытно установленным согласием другого. Принятие партнером моих сообщенных ему мнений, убеждений, желаний выступает как моральное подтверждение их объективности — на основе простого психо-эмоционального согласия партнера с их содержанием вне суждения о их объективном смысле. Суть коммуникативной морали Грайса состоит в таком действенном общении с другим, которое бы заставило его признать сообщаемые смыслы исходя из безусловного принятия моей интенции [Poulain, 2017, 40]. Пулэн убедительно показывает как языковое форматирование в теории речевых актов сообразуется с принципами нелиберальной глобализации: автор сообщения заранее обесценивает право своего слу-

шателя на производство перформативных вербализованных воздействий на любое реактивное сознание. Автор сообщения может быть прав только тогда, когда идентичные претензии на стимулирующее речевое влияние слушателя объявляются ложными [Poulain, 2017, 41]. Избранные должны руководить, остальные — подчинятся — в этом принципе уже угадывается, на наш взгляд, возможность современной меритократии.

По Грайсу, простое аффективное отождествление собеседниками своих позиций с интенциями высказанного превращается в критерий объективности их мнений, при том что исходно они не могут отрефлексировать свои мнения в метапсихологическом плане. Автор сообщения заставляет себя производить свои мнения и желания, только если его собеседники обязуется действовать и действует сообразно им без понимания их объективного смысла [Poulain, 2017, 40]. Мнение собеседников трансформируются в простые эффекты желания высказывать то или иное мнение без суждения об объективном контексте его возникновения. Мнения приобретают смысл только на основе демонстрации нерефлексируемых эффектов желания. Таким образом, содержание общения объективируется в силу простого аффективного отождествления собеседников с интенциональным содержанием высказанного, призванного произвести желаемую социальную гармонию [Poulain, 2017, 41]. Однако, такое виденье сущности человеческого общения только углубляет разногласия действующих субъектов, только усиливают взаимное отчуждение социальных партнеров, т.к. чем больше авторы сообщений пытаются уверить своих собеседников в истинности их мнений, вытесняя возможность их стимулирующего речевого воздействия, тем больше они встречаются с непониманием и сопротивлением своим интенциональным высказываниям.

Капитализацию речевого капитала в иллокутивных шоу и парапсихологическую трансформацию социального непонимании Пулэн видит в языковой теории Дж. Серля, которая была призвана снять исходный конфликт между социальными партнерами как автономными субъектами, претендующими в равной степени для производства стимулирующих суждений объективировать инстанцию метасубъективного смысла высказывания в сам момент его сообщения [Poulain, 2017, 42].

Иллокутивный реализм Дж. Серля состоит, по Пулэну, в возможности понимания собеседниками только того, что утверждается в их речевых актах как реальность, независимая от желаний и убеждений субъектов. Реальность речевого акта становится единственной реальностью и сферой взаимодействия социальных партнеров. Этот реализм, названный Серлем метафизическим, пытается выйти из замкнутой социальности высказывающихся и воспринимающих монад языкового солипсизма Грайса. По Серлю, иллокутивные речевые акты сами по себе содержат общий мир объективированных стимульно-реактивных связей, не зависимых от субъ-

ективных сознаний. В акте обещания, например, его автор не просто обещает или высказывает свое желание обещать, но действительно обязуется выполнить обещанное на основе простого речевого выражения обещания. Согласие собеседника со смыслом этого обещания инструментализируется в фигуре его автора, который превращается самим актом произнесения обещания в автоматический инструмент безусловного исполнения предмета обещания [Poulain, 2017, 43].

У Серля любое стимулирующее речевое высказывание превращается в своего рода обещание смысла и действия, поскольку сам акт произнесения речевого акта уже метапсихологически предполагает осознание автором своих интересов и претензий, его иллокутивную ответственность за выполнение высказанного и безучастное принятия партнером его искренней достоверной позиции [Poulain, 2017, 43].

Но может ли сфера иллокутивных высказываний явится безусловно истинным ориентиром для восприятий, мыслей, желаний и действий социальных партнеров? Очевидно, нет, потому что иллокутивное действие и его принятие собеседником покоится лишь на вере в искренность автора сообщения, но эта вера никогда не может стать действительной уверенностью. Наличие серьезности, действительная искренность авторских иллокутивных речевых актов все еще остаются априори неопределенными. Иллокутивное высказывание (приказ, утверждение и т.д.) сводится для Серля к обещанию смысла, но смысл любого стимулирующего речевого воздействия не может основываться на простом его произнесении вне учета объективных контекстов их возникновения [Poulain, 2017, 44].

Однако для либерального экспериментирования над социальной регулятивной природой человека иллокутивный акт Серля, по Пулэну, становится формой жизни и культурной политикой глобализации, т.к. он предоставляется неолиберальным элитам единственным способом преодоления межсубъективных сомнений, вызванных очевидной асимметрией между автором сообщения и слушателем. Для того, чтобы снять сопротивление и недоверие слушателя, для действительного понимания иллокутивного акта представляется достаточным признание его собеседником. Это признание простым подтверждением, как кажется, действительно удовлетворяет автора высказывания в проекции его мнений и желаний. Слушатель аподиктически и эффективно подтверждает реальное обязательство выполнить обещанное, исходя из простого произнесения речевого акта. Автор сообщения не может не предполагать признание серьезности его интенций и реализацию его интересов только на основе речевого обещания их исполнить [Poulain, 2017, 45].

Ведомая принципом максимального удовлетворения потребительских запросов, культурная политика нелиберальной глобализации немыслима без чувства удовольствия, вызываемого отождествлением социальных партнеров с их желаниями. Автор сообщения должен насладиться и, как

кажется, наслаждается самим собой в осознании сообразности высказанных желаниям ожиданиям слушателя, самим их согласием со смыслом стимулирующего высказывания [Poulain, 2017, 45]. Истина коммуникации выражается в простом взаимном удовлетворении участников общения. Она превращается в неконтролируемый фактор ускоренного взаимного раскрытия социальных партнеров друг для друга в слепом отождествлении с этим фактором. Она позволяет участникам коммуникации наслаждаться взаимным признанием для того, чтобы быть способными представляться в диалоге такими, какими их ожидают воспринимать. Поэтому авторы стимулирующих высказываний своими языковым, иллокутивным способом существования заставляют своих слушателей им подражать, т.е. производить те же самые иллокутивные речевые воздействия, чтобы магически производить взаимное вознаграждение в признании действительной истинности предмета высказывания, безусловно требуемой всеми социальными партнерами. Слушателям предписывается доверять иллокутивным импликациям, высказанным смыслам не только для того, чтобы воспринять положительный результат сообщения, но и для того, чтобы признать его действительную ценность и отождествить с этим признанием свою социальную реальность. Только таким образом автор сообщения и может преобразовать свои желания в универсально выполняемыми требования любым слушатели. Отсюда культурная политика глобализации превращает любое речевое событие в иллокутивное шоу, подтверждая взаимное психосоциальное признание социальных партнеров на основе слепой веры в достоверность посыла высказывания [Poulain, 2017, 45].

Белая магия иллокутивного акта, как представляется, самим фактом произнесения предполагает выполнение интересов автора сообщения, выражая их сообразность с интересами слушателя и заставляя удовлетворить все посылы им высказанного [Poulain, 2017, 46]. Именно таким образом партнеры иллокутивной коммуникации испытывают в самих себе прагматическую идентичность, возводя этот опыт в единственный способ социального взаимодействия. Но сила этого либерального взаимодействия социальных партеров обрушивается, как только становится ясно, что автор стимулирующих выражений стремится реализовать не интересы и ожидания слушателей, а лишь свои собственные интересы наименьшей ценой — за счет слепого подчинения своих слушателей. В результате этого слушатель освобождается от обязательств подтвердить значимость авторского высказывания, что останавливает реальное осуществление высказанного посыла. Чтобы вернуть слушателя в позицию исполнителя, нужно использовать силу влияния [Poulain, 2017, 47].

Отсюда следует политизация современной коммуникации, уже подчиняющаяся простому расчету силового соотношения, т.е. воздействию наиболее влиятельных иллокутивных позиций, диктату каких-либо условий слушателям, отдавая преимущество одним и непременно заставляя про-

игрывать других. Культурная политика речевых актов порождает ценностно-социальную закрытость и изоляцию правящих элит как авторов сообщений, являясь якобы эффективным средством увеличения производства и потребления общественных благ за счет статусных социальных лишений противостоящих им слушателей [Poulain, 2017, 50–51].

Преодоление социально-политической ролевой асимметрии, привносимой современной нелиберальной глобализацией, чьи довольно мрачные последствия мы наблюдаем в современной культуре, социальной жизни и политике, Пулэн обоснованно видит в новой публичной культурной политике, нацеленной на адекватном восприятии сущностных черт других культур, на осознании того, что недостает нашей собственной культуре, а, главное, на способности суждения об объективных условиях социокультурных связей за пределами теоретико-прагматического аутизма, предполагаемого теориями речевых актов и аналитической философии [Poulain, 2017, 259–260].

Список литературы

1. Poulain 2001 – Poulain J. De l`homme. Eléments d`anthropobiologie philosophique du langage. Paris, Cerf, 2001.
2. Poulain 1991a – Poulain J. L'âge pragmatique ou l'expérimentation totale. P., Harmattan, 1991.
3. Poulain 1991b – Poulain J. La loi de vérité ou la logique philosophique du jugement. Paris, Albin Michel, 1991.
4. Poulain 1993 – Poulain J. La neutralisation du jugement ou la critique pragmatique de la raison politique. Paris, Harmattan, 1993.
5. Poulain 1998 – Poulain J. Les Possedés du vrai ou L'enchaînement pragmatique de l'esprit. Paris, CERF, 1998.
6. Poulain 2017 – Poulain J. Peut–on guérir de la mondialisation? Paris, Hermann, 2017.

К ВОПРОСУ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НЕЙРОДЕГЕНЕРАТИВНЫХ РАССТРОЙСТВ ПОСРЕДСТВОМ НЕОПЛАТОНИЧЕСКОГО БУКВЕННО-СИМВОЛИЧЕСКОГО ОНТО-КОДА

Москвичев А.Г.

Агентство стратегических инициатив, Челябинск

Аннотация: Рассматриваются вопросы философского смысла и практической значимости неоплатонического буквенно-символического онто-кода, выявленного в ходе исследования проблемы трансдисциплинарных инвариантов знания. Поднимается проблема влияния глубинных смыслов слов, возникающих посредством семантического воздействия онто-кода,

на упреждение нейродегенеративных расстройств. Подчеркнута значимость медико-биологических исследований данной проблемы.

Ключевые слова: философский смысл, неоплатонизм, буквенно-символический онто-код, воздействие семантики, нейродегенеративные расстройства, медико-биологические исследования.

Abstract: The issues of philosophical meaning and practical significance by the Neoplatonic word-symbolic onto-code are considered. The problem of the deep word`s reasons by the semantic onto-code impact on aim-off the neurodegenerative disorders is being raised. The importance of biological and medical research this issue is emphasized.

Key words: philosophical meaning, Neoplatonic, the word-symbolic onto-code, semantic impact, neurodegenerative disorders, biological and medical research.

Наука XXI в. может сохраниться как продуктивная ментально-культурная институция только при условии решения проблемы трансдисциплинарного синтеза естественнонаучной, математической и философской сфер знания. На повестке дня поиск инвариантов познания, способных привести к идейным трансформациям всех наук и, в частности, медицины. Инварианты знания могут быть найдены только в высшем регистре познания, в философии, причем лишь в важнейшем её разделе: онтологии. В европейской философии наиболее глубокой и мудрой онтологией был неоплатонизм, единственное учение, которое сравнимо по интеллектуальной мощи с метафизическими учениями Древнего Востока. Не будь неоплатонизма, то любая философская или чуть вменяемая мысль давно бы покинула Европу. Есть все основания считать, что именно неоплатонизм имел в своём арсенале некую инвариантную систему в форме онто-кода, чудом сохранившуюся в письменных источниках в форме священного алфавита букв-символов, используемого в составлении магических пентаклей человека как микрокосма. Это удалось осуществить в ходе изучения публикаций по проблеме семантических значений древних письменных символов — онто-код был найден в Словаре символов, изданном в конце 1980-х годов в Бельгии [1]. Главной же интеллектуальной трудностью для исследователей был процесс опознания системы онто-кода в священном алфавите, имеющим латинскую основу, состоящую из 24 букв. Буквенно-символический онто-код — это 24 буквы-символа, имеющих самые древние истоки знаний человеческих цивилизаций в форме осмысления бытийной основы мира: Духа [1], тетрактиды [4]. Стихий и их модусов — знаков Зодиака [12] и планет [7]. Получается, что в буквенно-символическом онто-коде каждой букве латинского алфавита соответствует конкретный стихийно-астральный символ. Метафизическая значимость онто-кода велика, ибо за каждым из перечисленных символов (образов) стоит целый спектр значений, вытекающих из богатой символики, присущей практически всем древнейшим философским учениям народов мира [2], сопряженных как с предмет-

но-чувственной и психологической сферами жизни человека, так и с метафизическими смыслами бытия.

Вспомним, что метафизическое фундирование языка, было постулируемо ещё в Античности — самим великим Платоном в диалоге «Кратил» [3]. Подобный философский окрас букв совершенно не характерен для сознания европейца и ближе, конечно, китайской ментальности. Но надо особо отметить то, что сам буквенно-символический онто-код позволяет многократно расширить спектр видения и глубину понимания, онтологически присущую каждому слову, причем, любого языка, в том числе и такого символического, как китайский.

Методика использования буквенно-образного кода весьма проста: берется звуковой ряд слова любого языка и записывается латинской транскрипцией, далее — каждая латинская буква в отдельности выражается посредством онто-кода (стихийно-астрального символа), который, в свою очередь, имеет ряд метафизических трактовок, зависящих от сферы и контекста слова, далее — выбранные метафизические трактовки отдельной буквы, в своей совокупности интегрируются в единую философско-метафизическую концепцию всего слова.

Например, возьмем русское слово «зло», в латинской транскрипции это слово будет иметь следующее написание - «zlo», которое посредством онто–кода преобразуется в следующий ряд стихийно–астральных символов: Δ - ♍ - ☼ (или «Огонь» — «Дева» — Солнце»), которые, в свою очередь, посредством метафизических трактовок могут быть понимаемы как **«напористое утверждение самости»**. Слово же «Добро» может быть понимаемо как **«разумное самосознание, активно утверждающее истину»**.

Такое метафизическое понимание привычных (очень узко понимаемых) слов способно дать сознанию очень многое, ибо оно открывает ранее неизведанные горизонты толкований и буквально завораживает смыслом и глубиной. Самое знаменательное именно то, что интерпретация Платоном в диалоге «Кратил» букв «r», «i», «l» полностью тождественна данному буквенно-символическому коду [Кратил 427 a–b].

В связи с появлением инструментальной возможности проникновения в метафизический слой языка посредством буквенно-символического онто-кода возникла гипотеза о вероятном предупреждении нейродегенеративных расстройств [болезнь Паркинсона, болезнь Альцгеймера, деменция etc] посредством индуцирования должного состояния сознания (нейронов) — терапевтический результат предполагается достигать курируемой работой пациента по переводу известных ему слов на метафизический уровень понимания с помощью выше означенного буквенно-символического кода (в перспективе возможно и создание мобильного приложения данного онто-кода).

Некоторые частные подтверждения данной гипотезы автором уже получены в результате философско-филологической работы с целым рядом

родственников и знакомых. Возможность успешной верификации данной научной гипотезы биомедицинскими методами исследований весьма велика по причине того, что в её пользу говорит целый ряд серьезных обоснований. Метафизические глубины слова и их необыкновенная энергия находят подтверждение в теоретическом положении нейрологии о том, что синапс нейрона способен распознавать более двух состояний (таких как ноль и единица) внешнего сигнала.

Философия неоплатонизма, будучи важнейшей основой европейской метафизики утверждает неразрывный синтез ментального, интеллектуального, психологического и соматического уровней бытия человека. Конечно, марксизм, как жесткая форма позитивизма, до сих пор исповедуемая подавляющим большинством медицинского сообщества РФ, считал, что имя вещи не имеет ничего общего с её природой, но вот уже важнейший представитель немецкой философии 20 в. — Мартин Хайдеггер однозначно и прочно отождествил язык с домом бытия [4].

Дальше всех, по всей видимости, в онтологизации языка зашел выдающийся неокантианец Эрнст Кассирер, видя в нем ещё и символ бытия [5]. Это суждение Кассирера до деталей подтверждается сущностью и смыслами выше указанного буквенно-символического онто-кода.

В наши дни немеханический характер языкового употребления постулируется выдающимся лингвистом Наомом Хомским, имеющим российские корни [6]. Итак, наша гипотеза предупреждения нейродегенеративных расстройств посредством неоплатонического буквенно-символического оното-кода настоятельно требует эмпирической верификации комплексом биомедицинских методов исследований.

Список литературы

1. Nadia Julien. Dictionnaire des symbols //Marbout, Alleur (Belgigue), 1989. – 512с.
2. Холл Мэнли П. Тайные учения всех времен: Энциклопедическое изложение символической философии // –М.:КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2022. – 960 с.
3. Платон. Кратил //Собрание сочинений в 3т. Т.1. М. Мысль,1968. – С. 415–491.
4. Хайдеггер М. Бытие и время // Харьков: «Фолио», 2003. 503с.
5. Кассирер Э. Философия символических форм // Том 1. Язык –М.; СПб: Университетская книга, 2001. – 271 с.
6. Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории мысли // М.: КомКнига, 2005 – 232 с.

РАЗДЕЛ 2.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ БИОМЕДИЦИНСКОЙ ЭТИКИ

БИОЭТИКА СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

Шаталов А.Е., Змиенко В.А.

Ростовский Государственный Медицинский Университет Минздрава России, Ростов-на-Дону

Аннотация: Рассматриваются вопросы становления и специфики процедуры суррогатного материнства. Поднимаются проблемы добровольности участия суррогатной матери в процедуре, вопросы материальной компенсации и юридического оформления процедуры. Подчеркнута значимость междисциплинарного подхода к суррогатному материнству и важность не только медицинской, но и психологической подготовки всех участников процесса.

Ключевые слова: суррогатное материнство, биоэтика, биологические родители, вспомогательные репродуктивные технологии.

Abstract: The issues of formation and specifics of the surrogacy procedure are considered. The problems of voluntary participation of the surrogate mother in the procedure, issues of material compensation and legal registration of the procedure are raised. The importance of an interdisciplinary approach to surrogacy and the importance of not only medical, but also psychological preparation of all participants in the process are emphasized.

Key words: surrogacy, bioethics, biological parents, assisted reproductive technologies.

Суррогатное материнство — это процесс, при котором женщина (суррогатная мать) соглашается забеременеть и родить ребенка от имени и за счет другой пары (биологических родителей), которые не могут выносить ребенка самостоятельно. Суррогатное материнство может вызывать множество этических вопросов, и весь этот спектр вопросов входит в область исследования биоэтики.

Одним из главных этических вопросов, связанных с суррогатным материнством, является вопрос о добровольности участия суррогатной матери. Критики суррогатного материнства утверждают, что женщины могут оказаться вынужденными к суррогатному материнству из-за финансовой нужды или давления со стороны других людей, таких как члены семьи или супруги.

Биоэтика включает в себя дебаты о том, должна ли суррогатная мать иметь полную свободу выбора, и предлагает механизмы защиты суррогатных матерей от эксплуатации и насилия [1].

Еще одним важным вопросом является этическая оценка коммерческого суррогатного материнства. В некоторых странах суррогатное материнство может быть оплачено. Однако, многие аргументируют, что это превращает родительство в товар и угрожает достоинству и целостности суррогатной матери. Биоэтика направляет внимание на то, что при коммерческом суррогатном материнстве необходимо защитить интересы всех сторон, включенных в процесс: суррогатной матери, биологических родителей и будущего ребенка.

В древних писаниях рассказывается история Сарры и Авраама. Сарра не смогла родить ребенка от Авраама, поэтому она предложила своей служанке Агари родить им наследника. Агарь родила Измаила, который был признан их сыном. Эту историю часто называют первым известным случаем суррогатного материнства, хотя этот обычай, по-видимому, был распространен в древней Месопотамии еще в 1900 году до нашей эры [2].

Хотя это суррогатное материнство было в истинном смысле этого термина, как мы определяем его сегодня, оно не было традиционным суррогатным материнством, каким мы его знаем. Суррогатная мать — это женщина, которая забеременела путем переноса эмбриона от предполагаемых родителей (или донорских гамет); у нее нет генетического родства с потомством. Суррогатное материнство позволяет женщине, у которой есть проблемы с репродуктивным здоровьем (отсутствует матка, либо есть хронические заболевания матки, препятствующие наступлению и вынашиванию беременности) стать матерью генетически своего ребенка, с помощью вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ). В случае с Саррой, Авраамом и Агарью, Агарь не была настоящей в традиционном смысле суррогатной матерью, потому что у нее и Авраама были половые контакты; однако этот пример выявляет несколько проблем, которые выдержали проверку временем.

Во-первых, какой процесс получения информированного согласия был проведен для Агари? Если она была служанкой Сарры, действительно ли у нее был выбор? В то время перспектива забеременеть от пророка Авраама была бы честью и могла привести к резкому повышению ее социального статуса. Могла ли она пойти на такое соглашение без предвзятых убеждений? В-третьих, были ли Сарра и Авраам осведомлены о дородовых и послеродовых рисках беременности, требованиях по уходу за родившимся ребенком (Измаилом) и потенциальных эмоциональных и психологических проблемах друг с другом? В-четвертых, в отсутствие психологической подготовки и поддержки неудивительно, что все обернулось кризисом между Агарь и Саррой после того, как Агарь забеременела. Сарра ежедневно

сталкивалась с успехом Агари в зачатии ребенка и своими собственными неудачами; и она считала, что Агарь больше не оказывает ей того уважения, которого, по ее мнению, она заслуживала. В конечном итоге это привело к размолвке между женщинами, семейным разногласиям между Саррой и Авраамом и борьбе между Авраамом и Агарью, в результате чего Агарь была "унижена" и изгнана — не один раз, а дважды — в пустыню, где она и, в конечном счете, Измаил, чуть не погибли, пока ее не убедили вернуться и вновь подвергнуться эмоциональному насилию со стороны Сарры.

История Авраама, Сарры и Агари всплыла на поверхность репродуктивной медицины примерно 4000 лет спустя. История суррогатного материнства в наше время началась в 1970-х годах. Первое в истории юридическое соглашение о суррогатном материнстве было заключено в 1976 году при посредничестве адвоката Ноэля Кина. При этом суррогатная мать не получала никакой компенсации за беременность. А сам Кин использовал этот опыт для создания Центра бесплодия, который устраивал сотни суррогатных беременностей в год и играл ключевую роль в истории суррогатного материнства в США. В 1980 году женщина под псевдонимом Элизабет Кейн получила 10 000 долларов за то, чтобы выносить ребенка для другой пары. Позже она написала книгу о травмирующем опыте, назвав ее «Биологическая мать». Но все это были случаи традиционного суррогатного материнства, когда оплодотворялась яйцеклетка женщины, вынашивающей ребенка. А первая беременность в программе суррогатного материнства, наступившая путем экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) и переноса эмбрионов, наступила в 1985 году. В роли биологической матери выступила 37-летняя женщину, перенесшая гистерэктомию после разрыва матки на 28 неделе беременности. Пара обратилась с просьбой о переносе эмбриона их подруге пары. В результате наступила беременность. Эти мероприятия были нечастыми, но давали возможность стать матерью женщинам, у которых отсутствовала матка [3].

За последние 30 лет суррогатное материнство становится все более распространенной формой репродукции, позволяя отдельным лицам и парам иметь генетически родственного ребенка. С течением времени востребованность программ суррогатного материнства возрастает [4].

С увеличением числа потенциальных предполагаемых родителей и относительным дефицитом суррогатных матерей усиливается давление спроса и предложения со стороны третьих лиц. Широко распространено использование агентств для подбора и обследования суррогатных матерей, при этом агентства предоставляют услуги по подбору пар, а также поддержку суррогатным матерям. Координация между врачами, медсестрами, адвокатами и психологами делает эти случаи особенно ресурсоемкими. Краеугольные вопросы суррогатного материнства широко освещены в литературе. Так, например, Хелен Ким, доктор медицины, отвечая на вопрос: «Существует

ли идеальное суррогатное материнство?», представляет актуальную сводку о текущем состоянии техники в области медицинских аспектов выбора суррогатного материнства [5]. В дополнение к медицинскому скринингу Мэри Риддл, доктор философии, представляет обзор эволюции психологического скрининга кандидатов в суррогатное материнство. Доктор Риддл рассказывает о методах психологической оценки, чтобы оптимизировать консультирование для всех участников процесса. Во всех случаях цель создания счастливой и здоровой семьи имеет первостепенное значение как для предполагаемых родителей, так и для их новой семьи, а также для суррогатной матери и ее существующих детей [6]. Васанти Ядва, доктор философии, была лидером в области исследований семейных исходов вместе со своими коллегами из Кембриджского центра изучения семьи, и она представляет обзор того, что известно о благополучии после лечения и адаптации предполагаемых родителей, их детей и носителей [7].

В сочетании с этими тремя статьями Сьюзан Крокин, доктор медицинских наук, представляет обзор соответствующих прецедентных случаев, связанных с правовым ландшафтом в практике соглашений о суррогатном материнстве. Она приводит краткое описание случаев, о которых должны знать все врачи, оказывающие помощь биологическим родителям и суррогатным матерям.

Хотя процедуры суррогатного материнства составляют небольшой процент от всех программ вспомогательных репродуктивных технологий, они требуют больших медицинских, психологических, юридических ресурсов [8].

В заключении можно сделать вывод о том, что, во-первых, суррогатное материнство представляет собой сложную и многогранную тему, которая вызывает много этических вопросов и дебатов. Одни считают его неприемлемым, считая, что это уменьшает значимость биологической связи между матерью и ребенком, а другие видят в нем возможность помочь бесплодным парам осуществить свою мечту о родительстве.

Во-вторых, суррогатное материнство порождает сложные вопросы определения легитимности и безопасности этой практики. Необходимо разработать строгие законодательные механизмы и системы контроля, чтобы защитить интересы всех сторон, включая суррогатных матерей и детей, рожденных таким образом.

В-третьих, важно учитывать культурные и религиозные отличия, а также правовые особенности разных стран при рассмотрении этой темы. В разных странах существуют разные подходы и законодательные ограничения к суррогатному материнству, и они должны учитываться при разработке этических руководств и норм в данной области.

В-четвертых, биоэтика суррогатного материнства должна рассматривать все аспекты и последствия, включая эмоциональные, психологиче-

ские и медицинские аспекты. Обеспечение поддержки и защиты прав и интересов суррогатных матерей, а также обеспечение благополучия и достойных условий для рождения детей являются важными направлениями исследований в области биоэтики суррогатного материнства.

Безусловно, тема суррогатного материнства всегда вызывала и будет вызывает сильные эмоции и формирование различных точек зрения, и важно найти баланс между желаниями и правами бесплодных пар и защитой интересов всех сторон, участвующих в процессе.

Список литературы:

1. Centers for Disease Control and Prevention National ART Surveillance. https://www.cdc.gov/art/nass/index.html. Дата обращения: 9. 11. 2023
2. Pedro Brandão Commercial Surrogacy: An Overview Rev Bras Ginecol Obstet 2022 Dec; 44(12):1141–1158.doi: 10.1055/s-0042-1759774.
3. Jenny Gunnarsson Payne, Elzbieta Korolczuk Surrogacy relationships: a critical interpretative review Ups J Med Sci. 2020 May;125(2):183-191.doi: 10.1080/03009734.2020.1725935.
4. Зезекало А.Ю., Новиков А.А. Суррогатное материнство в России: пределы договорного регулирования. Правоведение. 2021. –С 204.
5. Маяцкая О.Б. Образ матери в православии: социально-философский анализ // Евразийский юридический журнал. 2018. № 10 (125). С. 514–516.
6. Бодрийяр Ж. Общество потребления. – М.: АСТ, 2019. – 320 с.
7. Фахрудинова Э.Р. философия материнства: от ценностей марксизма к ценностям общества потребления. Манускрипт. 2021 – 123 с.
8. Момотов В.В. Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (суррогатное материнство). Lex Russica. 2019. – С 56.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЭКО–ДЕТЕЙ И ИХ РОДИТЕЛЕЙ

Шевченко М.М., Стрельцова К.А., Пичугина Е.М.

Научный руководитель: д.ф.н., доц. Вигель Н.Л.

Ростовский Государственный Медицинский Университет Минздрава России, Ростов-на-Дону

Аннотация: Статья посвящена изучению морально-этических аспектов применения экстракорпорального оплодотворения. Описаны психологические аспекты взаимоотношения детей, рожденных при помощи ЭКО, сравнительный анализ эмоциональной связи между детьми и их родителями. Так же взято исследование про матерей и их отношений к детям, полученным данным методом.

Ключевые слова: экстракорпоральное оплодотворение, взаимоотношения, эмоциональная связь, психологические аспекты, понятие ЭКО, история ЭКО.

Abstract: The article is devoted to the study of moral and ethical aspects of the use of in vitro fertilization. The psychological aspects of the relationship of children born with IVF, a comparative analysis of the emotional connection between children and their parents are described. A study about mothers and their relationship to children obtained by this method is also taken.

Key words: in vitro fertilization, relationships, emotional connection, psychological aspects, the concept of IVF, the history of IVF.

Нашу статью мы начнет с того, что расскажем краткую история возникновения эко, дадим понятие что же такое ЭКО, и подробнее расскажем о том какие существуют взаимодействия между детьми ЭКО и их родителями.

История появления ЭКО

Первая в мире беременность с помощью экстракорпорального оплодотворения была достигнута в Австралии в 1973 году. Гинеколог Карл Вуд вместе с группой ученых и врачей создал эмбрион и имплантировал его в полость матки пациентки. Однако через несколько дней беременность прервалась, поскольку организм женщины отторг эмбрион. Ученые и врачи всего мира работают над совершенствованием такого необходимого метода, как ЭКО. И это дало прекрасные результаты. Сегодня на планете живут миллионы людей, забеременевших с помощью «экстракорпорального оплодотворения».

Понятие ЭКО

Экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО) — это метод оплодотворения яйцеклетки вне организма. В повседневной жизни и в некоторых документах его часто ошибочно называют «искусственным оплодотворением». Такое обозначение является результатом ошибочного, неграмотного перевода английского термина artificial insemination, который означает введение спермы в репродуктивные органы «особи женского пола». В ветеринарии термин «искусственное осеменение» является общепринятым. В медицине «искусственное оплодотворение» – это метод преодоления некоторых видов бесплодия [1].

Взаимоотношения детей ЭКО и их родителей

Для начала мы хотим привести исследование про взаимодействия между детьми, рожденными данным методом и их родителями:

Это исследование мы взяли из статьи «Сравнительное исследование материнского отношения к детям раннего возраста, зачатым при помощи ЭКО и спонтанно» [2]:

С целью изучения особенностей психического развития и материнского отношения к детям, зачатым с помощью ЭКО, в 2011–2012 гг. на базе отделения катамнеза Центра планирования семьи и репродукции г. Москвы было проведено исследование двух пар детей и матерей, зачатых как с помощью ЭКО, так и естественным путем. Из общей совокупности участников была сделана выборка из 260 матерей и детей, которая затем была разделена на две группы. Основную группу составили 135 пар, у которых дети появились в результате ЭКО. Контрольную группу составили 135 пар, зачавших детей спонтанно. Не было выявлено различий в среднем возрасте детей, соотношении полов, доле детей первого, второго и третьего года жизни, а также в основных социально-демографических характеристиках (семейное положение, жилищный статус, образование матери и доход семьи) [2].

Данное исследование выявило, что:

1. Матери, зачавшие ребенка естественным путем, как правило, в большей степени ориентированы на потребности и статус своих детей и более реалистично воспринимают реальные способности и возможности своих детей, чем матери, зачавшие ребенка с помощью ЭКО.
2. Матери, зачавшие ребенка естественным путем, более благоприятно воспринимают место своего ребенка в семейной иерархии, в то время как дети, рожденные в результате ЭКО, имеют завышенную ценность для матери.
3. Женщины, забеременевшие с помощью ЭКО, с трудом принимают свою новую роль матери и испытывают недостаток уверенности в себе.

При взаимодействии родителя и ребенка активной стороной с самого начала является именно взрослый человек, родитель. Именно он целенаправленно организует взаимодействие, направляет его, подчиняя определенной цели [3]. Конечно, родители в значительной степени ответственны за своевременное приобретение детьми определенных компетенций, поведения и установок.

Именно родители несут ответственность за своевременное приобретение детьми определенных способностей, поведенческих черт и отношения к окружающим. И чем младше ребенок, тем тяжелее становится эта ответственность. Полноценное развитие невозможно без родительской любви, эмоциональной поддержки и принятия ребенка таким, какой он есть.

Взаимоотношения детей, рожденных при помощи экстракорпорального оплодотворения (ЭКО), и их родителей являются особенными и требуют особого внимания и понимания.

Одной из основных особенностей взаимоотношений детей и родителей, получивших ребенка благодаря ЭКО, является осознание их особой ценности. Часто такие семьи уже долго стремились иметь ребенка, но из-за проблем с фертильностью им это не удавалось. Поэтому ребенок, рожденный

при помощи ЭКО, становится особенно желанным, долгожданным и ценным для родителей. Они, возможно, прошли через многочисленные неприятности и трудности на своем пути к становлению семьи, и это делает их отношения с ребенком особенно значимыми и теплыми.

В то же время, дети, рожденные при помощи ЭКО, могут испытывать особые чувства, связанные с их происхождением. Они могут быть заинтересованы в различных аспектах своего биологического происхождения и вопросах идентичности. Поэтому важно, чтобы родители создали для них открытую и поддерживающую атмосферу, где ребенок может задавать вопросы и обсуждать свои чувства. Родители должны быть готовы поделиться информацией об их истории ЭКО, объяснить, что это обычный метод помощи в зачатии и что у них есть особая история, которая делает их семью особенной.

Также важно строить взаимоотношения на основе доверия и открытости. Родители могут поддерживать это, регулярно обсуждая с ребенком его происхождение и помогая ему осознать его особый статус в семье. Они могут признавать уникальность ситуации и одновременно подчеркивать, что любовь и забота родителей не зависят от способа его зачатия. Важно сказать ребенку, что он очень желанный и любимый, независимо от того, каким образом он пришел в жизнь.

Наконец, родители детей ЭКО должны быть готовы поддерживать их эмоциональное и психологическое развитие. Некоторые дети могут испытывать дополнительные стрессовые ситуации или эмоциональные трудности, связанные с особенностями своего происхождения. В таких случаях важно обеспечить им дополнительную поддержку и помощь, будь то семейная терапия или индивидуальные консультации специалистов.

Взаимоотношения детей ЭКО и их родителей особенные и требуют осознания и понимания обеими сторонами. Семьи, которые рождаются благодаря ЭКО, сталкиваются с уникальными вызовами и радостями. Однако, при правильном взаимодействии, эти отношения могут быть здоровыми, любящими и устойчивыми.

Список литературы

1. Корсак В.С. Статья: «ЭКО: что это такое и сколько стоит»
2. Ланцбург М.Е., Соловьева Е.В. Сравнительное исследование материнского отношения к детям раннего возраста, зачатым при помощи ЭКО и спонтанно // У истоков развития: Сборник тезисов участников Четвертой всероссийской научно-практической конференции по психологии развития / Под ред. Л.Ф. Обуховой, И. Котляр (Корепановой), А. Сахаровой. М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2013.
3. Захарова Е.И., Строгалина А.И. Особенности принятия родительской позиции // Психологическая диагностика. 2005. № 4

ВЛИЯНИЕ РОБОТИЗАЦИИ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ПРОЦЕСС ДЕГУМАНИЗАЦИИ В МЕДИЦИНЕ

Акопян Д.Г., Илюхин Р.Г., Щербаха В.С.

Ростовский Государственный Медицинский Университет, Ростов-на–Дону

Аннотация: В данной статье рассматриваются актуальные вопросы дегуманизации, наблюдаемые в медицине с внедрением роботизации и искусственного интеллекта. Выявлены возможные последствия, угрозы, а также даны практические рекомендации, позволяющие снизить процесс дегуманизации в медицине.

Ключевые слова: дегуманизация, медицина, здравоохранение, искусственный интеллект, медицинская информационная система.

Annotation: This article discusses issues of dehumanization, surveillance in medicine with the introduction of robotics and artificial intelligence. Possible consequences, risks, as well as these practical recommendations have been identified to reduce the process of dehumanization in medicine and increase it.

Key words: dehumanization, medicine, healthcare, artificial intelligence, medical information system.

Актуальность. В полноценной реализации задач, поставленных в медицине, важную роль занимает вопрос внедрения технологий и алгоритмов, способствующих росту числа реализуемых задач, а также уровня менеджмента в медицинских организациях (МО) и структурах здравоохранения. На сегодняшний день такими технологиями, соответствующие текущим потребностям здравоохранения и медицины, выступают роботизация и искусственный интеллект (ИИ). В научной литературе полноценно представлены положительные стороны внедрения вышеописанных технологий, а также указывается влияние на процесс медикализации общества, но в отрицательных чертах данных технологий недостаточно освещается вопрос процесса дегуманизации, который имеет стремительный рост не только в медицине, но и в других сферах деятельности человека, имеющий большое значение для рассмотрения с точки зрения биоэтики. Всесторонне освещаются алгоритмы и методы разработок и внедрения роботизации и ИИ, но недостаточно освещены вопросы разработки практических рекомендаций по снижению уровня дегуманизации.

Цель данного научного исследования заключается в разработке практических рекомендаций по снижению уровня дегуманизации в медицине и здравоохранении на основе выявления принципов внедрения роботизации и ИИ согласно обзорным научным литературным данным.

Дегуманизация антагонична гуманизму, в основе которого лежит антропоцентрическая картина мира, где человек выступает в качестве основного субъекта моральной деятельности, в отличие от античного космоцентризма и средневекового теоцентризма. В гуманизме человек обладает индивидуальностью, способностью к созиданию, к творению самого себя и окружающей действительности в то время, как в дегуманизации царит антиантропоцентрическое восприятие реальности, где человеческая природа вторична.

Вопрос дегуманизации, с одной стороны, рассматривается как основа антителеологического процесса [4]. С другой стороны, дегуманизация подразумевает автоэволюцию — эволюцию, протекающую не по исходным природным законам, а направляется сознательно самим объектом эволюции, то есть человечеством [2]. С исторических позиций дегуманизация включает не только потерю человеческого контроля над объектом окружающей среды, но и утрату человеческих ценностей в рамках военных, политических и социальных конфликтов.

Поскольку понятие «дегуманизация» имеет множество коннотаций, в данной статье будет рассмотрено значение дегуманизации, как процесса редукции духовных начал человека с ростом процесса технократизации. В данном аспекте целесообразно рассмотреть вопрос дегуманизации, со стороны внедрения роботизации и ИИ.

Роботизация имеет повышенный спрос в медицине, поскольку данный процесс повышает эффективность, скорость и качество оказания медицинской помощи. На сегодняшний день в странах Востока роботизирована регистратура, приёмное отделение больниц, также рассматривается создание роботизированных копий врачей-специалистов, позволяющие реализовать телеприсутствие, как неотъемлемый компонент телемедицины. Следует отметить, что тотальная роботизация с отсутствием текущего контроля со стороны человека влечёт за собой повышение вероятности технических неполадок и возможных кибератак. Поэтому вопросы технического обеспечения роботизированной техники в МО, а также кибербезопасности, где непосредственное участие принимает человек, имеет большое значение и требует особого внимания в процессе роботизации. В противном случае, процесс дегуманизации может вытеснить врача-специалиста, как лица, осуществляющего лечебно-диагностический процесс [3].

Внедрение ИИ на сегодняшний день направлено на автоматизацию принятия решений. Применяются медицинские информационные системы (МИС) с элементами ИИ, осуществляющие автоматический анализ статистических данных МО, персональных данных пациента, снижая тем самым многократный текстовый ввод информации и её дублирование, анализ лабораторных и инструментальных обследований с последующим установлением предварительного и заключительного диагноза без участия

врача-специалиста, осуществляющего лечебно-диагностическую деятельность. Врач на фоне внедрения элементов ИИ имеет тенденцию к смещению с позиции лица, принимающего решение, как проявление процесса дегуманизации [1]. Поэтому работа с МИС с элементами ИИ требуют непосредственного участия врача-специалиста, где после реализации автоматизированного процесса необходима оценка и коррекция элементов совершаемых операций. МИС так же, как и роботизированные техники, могут подвергаться кибератакам, особенно, если МИС имеет веб-доступ, снижая тем самым уровень защиты и повышая риск взлома и утечки данных [5].

Выводы. Рассматривая дегуманизацию, как процесс редукции духовного начала человека, и растворение человеческой сущности в продуктах технического характера, для снижения уровня дегуманизации в медицине предлагаются следующие рекомендации:

1. Медицинским и IT-специалистам рекомендуется проходить регулярное обучающие программы по психологическим вопросам коммуникации с пациентами и пользователями роботизированной техники и ИИ.
2. Разработка и внедрение этических стандартов и норм, которые ставят в центр внимания процесс гуманизации.
3. Создание систем обратной связи, для выражения мнений и пользовательских потребностей пациентов и врачей-специалистов, позволяющие выявить проблемы и принимать меры для их решения.
4. Междисциплинарное сотрудничество врачей и IT-специалистов, подразумевающее обмен информацией с целью повышения качества предоставления медицинских услуг.

Рекомендации позволят сформировать связь между медицинскими и IT-специалистами, а также снизить уровень дегуманизации в медицине, что является главной целью в технократическом мире.

Список литературы

1. Григорьев П.Е. Оленчук А.В., Гольдберг Д.Л. и др. Проектирование системы защиты для типовой медицинской информационной системы // Вестник Физико-технического института Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. 2017. №4. С. 63–88.

2. Круликовский А.И. Революция в медицине и медицинском образовании // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. №10. С. 22–28.

3. Кулик С.Д., Штанько А.Н., Кузнецов С.А. и др. Системный анализ и специальный блок для информационной системы медицинского назначения // Информационные технологии. 2022. №3(150). С. 14–19.

4. Львов А.А. Дегуманизация истории как антитеологический процесс // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. № 3 (36). С. 25–29.

5. Майстренко В.А., Безродных О.А., Дорохин Р.А. Методика определения актуальных угроз безопасности информации в медицинской информационной системе // Омский научный вестник. 2021. №5 (179). С. 74–79.

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЛАЦЕБО В ПРАКТИКЕ ВРАЧА

Фриева В.В., Ареева Н.А.

Ростовский Государственный Медицинский Университет Минздрава России, Ростов-на-Дону

Аннотация: Проблема использования плацебо во врачебной практике является, безусловно, одной из актуальных проблем. Эффект применения плацебо известен с древнейших времен, к нему прибегали врачи задолго до появления научных подходов в медицине. Вера пациента является главной составляющей действия плацебо. Плацебо используется в клинической практике для улучшения самочувствия пациента благодаря его вере в эффективность воздействия. Назначение плацебо способствует как улучшению состояния пациента, так и ухудшению его самочувствия в результате приоритета плацебо вместо эффективной доказанной терапии. Перед врачом, планирующим назначить препарат плацебо, могут возникнуть правовые и этические аспекты. В статье рассмотрены вопросы использования плацебо с точки зрения философии и биоэтики.

Ключевые слова: плацебо, пациент, врач, биоэтика, эффект плацебо, самовнушение.

Abstract: The problem of using placebo in medical practice is, of course, one of the urgent problems. The effect of using a placebo has been known since ancient times, doctors resorted to it long before the advent of scientific approaches in medicine. The patient's faith is the main component of the placebo action. Placebo is used in clinical practice to improve the patient's well-being due to his belief in the effectiveness of exposure. The appointment of a placebo contributes both to the improvement of the patient's condition and to the deterioration of his well-being as a result of the priority of placebo instead of effective proven therapy. Before a doctor planning to prescribe a placebo drug, legal and ethical aspects may arise. The article discusses the use of placebo from the point of view of philosophy and bioethics.

Key words: placebo, patient, doctor, bioethics, placebo effect, autosuggestion.

Проблема использования плацебо лежит еще с древних времен. Исторически плацебо играло роль в терапии для облегчения стресса как пациента, так и врача. С одной стороны плацебо относится к инертной терапии (без фармакологических свойств), с другой стороны эффект плацебо рассматривается применительно к реальному терапевтическому результату после проведения лечения [2].

Согласно статистике, большинство врачей на сегодняшний день регулярно используют в своей практике плацебо. По мнению академиков РАМН, к плацебо можно отнести те лекарственные препараты, которые не доказали свой лечебный эффект, но при этом массово назначаются в клинической практике врачей. Многие врачи при назначении пациенту плацебо чувствуют себя в этическом и правовом аспекте неуверенно [1].

Плацебо (лат. placebo, букв. — я понравлюсь) — это фармацевтический продукт, который не имеет лечебных характеристик, но способен имитировать лекарственный препарат по форме, цвету, вкусу. Целебный эффект плацебо основывается на вере пациента в улучшение состояния здоровья при его употреблении. Эффект действия плацебо отмечается при болевом синдроме, бронхиальной астме, болезни Паркинсона, артериальной гипертензии, ишемической болезни сердца и различных психических патологиях. Плацебо вызывает субъективное улучшение состояния здоровья.

Несмотря на то, что термин «плацебо» использовался с V века, в медицинской практике он начал применяться относительно недавно. Еще в начале XIX века Т. Джефферсон определял плацебо как «ложь во спасение». Сам термин «эффект плацебо» использован впервые Генри Бичер в 1955 году, во время боев за Южную Италию [1]. Использовалось в качестве плацебо инъекция физраствора вместо морфина.

Правила использования плацебо были введены в ст. 29 Хельсинкской декларации и разъяснении к ней. Согласно декларации, плацебо же должно применяться с особой осторожностью и лишь в случаях отсутствия действительно эффективной терапии, доказавшего свою пригодность. При этом должны соблюдаться все другие этические нормы, в том числе проведение соответствующей этической и научной экспертизы.

Ключевым вопросом в использовании плацебо является эффект самовнушения. Позитивный настрой пациента проходит мимо блоков сознания человека, и механизм осуществляется благодаря процессам самоубеждения. С онтологической точки зрения, плацебо — по терминологии Жана Бодрийяра — симулякр, подстраивающийся под реальные объекты проявлением нереального. Являясь по сути ничем, плацебо имитирует условия, подобные реальным, при этом оказывая положительное воздействие на пациента. Такой переход из нереального в реальный возможен при определенных условиях – отсутствии стрессовых воздействий внешней среды [3].

Онтологическому пониманию эффекта плацебо противопоставляется гносеологическое, подвергающее критике традиционную теорию познания. Эрнст фон Глазерсфельд утверждает, что для людей окружающий мир метафорически можно сравнить с замком, а плацебо представляет собой отмычку [3].

При решении этических проблем применения плацебо существует множество вопросов, ответы на которые необходимо дать лечащему врачу с точки зрения морали, права и медицины. При этом доверие к лечащему врачу является основополагающим фактором пациента. Медицинский работник не должен скрывать информацию о составе лекарственных средств, выписанных для назначения. Таким образом, с моральной точки зрения будет корректно использовать плацебо с формулировкой: «Попробуйте принять данный препарат, он должен вам помочь», как предлагает Геррет [1]. Такая формулировка вызывает доверие, и в случае необходимости врач может сообщить, что терапевтическая эффективность препарата при неясном механизме доказана на практике.

Влияние на выраженность эффекта также отказывает и убеждение самих врачей в их силе. Если врач относится доброжелательно и убежден в выздоровлении, такой эффект будет проявляться сильнее. Таким образом, авторитет врача является весомым фактором действия плацебо. Более сильно действие плацебо выраженно у людей с определенным складом личности — эмоциональных, внушаемых и инфантильных.

Однако при всем многообразии положительных аспектов, эффект плацебо дает пациенту призрачную надежду, которая не всегда может быть оправдана. Рассмотрение возможности использования плацебо как ложь во благо, ложь во спасение, может не только спасти человека, но и погубить его, вынудить отказаться от эффективных доказанных лекарственных препаратов, имеющих широкую доказательную базу, усугубляя течение заболевания. Эффекты плацебо, как и большинство препаратов, имеют и обратную сторону — эффект ноцебо, который вызывает отрицательные реакции человека. Лечащему врачу необходимо помнить это, при назначении препаратов.

Интерес, проявленный к использованию плацебо в последние десятилетия, не утихает и по сегодняшний день. В философских и биоэтических аспектах плацебо рассматривалось различными учеными и в различных аспектах. Однако использование в клинической практике не должно нарушать самый главный биоэтический принцип — «не навреди». Крайне важно, чтобы при использовании препаратов плацебо пациент не подвергался дополнительному риску и не исключал применение доказанных и эффективных лекарственных средств.

Список литературы

1. Анкушина К.Д., Лебедева Д.Д., Кавиева Л.Р. Этические проблемы применения плацебо // Вопросы студенческой науки. – 2019. – №11(39). – С. 677–680.
2. Котеров А.Н. Исторические этапы изобретения и использования плацебо // Фармакоэкономика. – 2022. – №4(15). – С. 502–522.
3. Азизова Э.Р. Философское осмысление эффекта плацебо // CETERIS PARIBUS. – 2022. – №1. – С. 46–49.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ТЕРМИНУ «ВРАЧЕБНАЯ ОШИБКА»

Черенкова Т.А., Семёнова А.А.

ФГБОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России

Аннотация: Термин «врачебная ошибка» на данный момент в России не закреплен юридически. В связи с этим, в науке есть различные подходы к их пониманию. В юридической практике возникают спорные ситуации оценки действий или бездействий медицинского работника. В работе проанализированы основные теоретические подходы к дефинициям термина.

Ключевые слова: врачебная ошибка, халатность, юридическая ответственность, медицинская помощь, врач, медицинский работник.

Abstract: At the present in Russian Federation, the so called medical errors are not enacted. In legal practice there are matters of opinion concerning evaluation of action or inaction of medical workers. In the paper are analyzed basic theoretical approaches to define medical errors.

Key words: medical error, negligence, liability, medical assistance, doctor, medical worker.

Права на жизнь и здоровье граждан и человека признаются Конституцией РФ высшей ценностью. При этом конституционно гарантируется права на охрану здоровья и права на получение медицинской помощи, а также статьями 18 и 19 Федерального закона от 21.11.2011 №323–ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Однако, до настоящего момента, ни в одном законодательном документе Российской Федерации не закреплено такое важное понятие, как «врачебная ошибка». Стоит отметить, что термин «врачебная ошибка» встречается только в одном документе — в проекте Федерального закона «Об обязательном страховании пациентов при оказании медицинской помощи», опубликованном на сайте Минздрава РФ в декабре 2014 года. В связи с этим, в юридической практике возникают спорные ситуации оценки действий/бездействий медицинского работника, что, в свою очередь, влечет принципиально разные методы привлечения к юридической ответственности. С древности действия врачей, причинившие вред здоровью и жизни пациента, находись под контролем государственной власти. Так, например, в параграфах 218–220 Сборника законов царя Хаммурапи [1] устанавливалась материальная ответственность врача и ответственность, основанная на принципе талиона. Особое внимание в России врачебным ошибкам уделяли такие видные ученые, как Н.И. Пирогов, С.С. Юдин, И.В. Давыдовский, И.А. Кассирский и другие. Н.И. Пирогов неоднократно подчеркивал, что только беспощадная критика в отношении своих ошибок может быть адекватной расплатой за их высокую цену [2]. Теоретические споры вокруг понятия «врачебная ошибка»

ведутся до сих пор, причем зачастую они полярны. Исходя их проанализированной литературы, можно выделить три основных подхода к трактовке термина. Первая группа включает в себя мнения ученых, считающих, что врачебная ошибка — это непреднамеренное нанесение вреда здоровью человека в связи с проведением оправданных диагностических, лечебных и профилактических мероприятий. В данном случае основу к такому пониманию заложил И.В. Давыдовский, который определил ее как «добросовестное заблуждение врача, основанное на несовершенстве самой врачебной науки и ее методов, либо в результате атипичного течения заболевания или недостаточной подготовки врача, если при этом не обнаруживается элементов халатности, невнимательности и медицинского невежества» [3]. В таком случае, вина врача отсутствует, и юридическая ответственность за лечение не наступает. Схожее определение можно встретить в Большой Медицинской энциклопедии — «ошибки врача при исполнении своих профессиональных обязанностей, являющейся следствием добросовестного заблуждения и не содержащей состава преступления или признаков проступков» [4] Вторая группа ученых определяет врачебную ошибку как неоправданное (или неправильное, или ошибочное) действие врача или его бездействие. При анализе этого определения возникает вопрос о его практической значимости. Если понятие направлено на решение вопроса ответственности врача, то нельзя основываться только на таком факте, как заблуждался врач или нет, поскольку основным условием наступления ошибки, и, как следствие, вины, является наличие общественно опасных последствий. Авторы сходятся во мнении, что любое добросовестное или недобросовестное заблуждение само по себе не причинит вреда здоровью человека. Однако, если оно приведет к ошибочным действиям врача, которые повлекут неблагоприятные последствия, ошибка рассматривается как виновное действие врача. Таким образом, в зависимости от причин и последствий, врачебная ошибка может быть признана как виновным противоправным деянием, так и невиновным. Третий подход к понятию был заложен Р.К. Ригельманом. В данном случае, под врачебной ошибкой понимаются нежелательные результаты в лечении больного, связанные с неведением или недомыслием врача по причине нехватки информации о пациенте и его болезни, которых можно было бы избежать [5]. А.В. Кудаков считает, что «врачебная ошибка — это избрание медицинским работником опасных для жизни или здоровья пациента методов и средств диагностики и лечения, вызванное незнанием либо самонадеянным игнорированием специальных юридически значимых требований, предъявляемых к профессиональному поведению в сложившейся ситуации» [6]. Таким образом, данная группа ученых признает само наступление нежелательных результатов, независимо от объективности причин, виной врача и влечет за собой ответственность. В юридической практике при оценке действий врача обращаются к понятию «халатность». В Уголовном Кодексе РФ оно

характеризуется как «небрежное отношение к выполнению своих обязанностей» [7]. Т.е. врач знал о последствиях и мог их избежать, но пренебрег ими. Это квалифицируется как виновное противоправное деяние или бездействие. В данном случае, подход третьей группы к термину «врачебная ошибка», указанной выше, тождественен понятию «халатность» и может друг друга заменить. Подводя итог, стоит отметить, что подходы к понятию «врачебная ошибка» неоднозначны и противопоставлены друг другу, что влечёт недостаточную эффективность правовых механизмов предотвращения причинения вреда жизни и/или здоровью граждан при оказании им медицинской помощи, а также механизмов, обеспечивающих возмещение причиненного вреда.

Список литературы

1. Законы вавилонского царя Хаммурапи. [Электронный ресурс] URL–адрес: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/ hammurap.htm [дата обращения: 16.10.2017].
2. Пирогов Н.И. Собрание сочинений. Соч. В 8 т. Т. 2. – М., 1959. С. 13–14.
3. Давыдовский И.В. Врачебные ошибки // Советская медицина. 1941. №3. С.3.
4. Большая Медицинская Энциклопедия. Врачебные ошибки. [Электронный ресурс] URL–адрес:http://бмэ.орг/index.php/врачебные_ошибки [дата обращения: 16.10.2017].
5. Ригельман Р.К. Как избежать врачебных ошибок: Книга практикующего врача: Пер. с англ. – М.: Практика,1994. – С. 12.
6. Кудаков А.В. Врачебная ошибка и её уголовно-правовая оценка: дис. канд. юридич. наук:12.00.08. – Саратов, 2011. – 185 с.
7. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 №63 – ФЗ. [Электронный ресурс] URL-адрес: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 [дата обращения: 16.10.2017].

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КАЧЕСТВА ТРАНСПЛАНТОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В РОССИИ

Ляуш Л.Б.

ФГБОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России

Аннотация: В статье рассматриваются этические аспекты, влияющие на качество трансплантологической помощи в России. Анализируются с позиции этики моральные аспекты трансплантологии и законодательного регулирования. Предпринята попытка определения зависимости решения этических проблем и качества данного вида помощи.

Ключевые слова: этика, право, трансплантология, качество помощи, посмертное донорство.

Abstract: the article discusses the ethical aspects that affect the quality of transplantation care in Russia. Analyzed from the position of ethics and legislative regulation of the organization of care in transplantation. Attempts to determine the impact of resolving ethical problems in the quality of care in transplantation.

Key words: ethics, law, transplantation, quality of care, posthumous organ donation.

Состояние трансплантологической помощи может быть оценено, не только увеличением числа пересадок, но и степенью соответствия процедуры трансплантации нормам этики. В работе использовался метод анализа доступных источников этической, нормативной, медицинской и теологической литературы по проблеме оценки этических и правовых аспектов качества трансплантологической помощи в России. Этический смысл и ценность трансплантологии заключается, не столько собственно в пользе пересадки, сколько в самом факте добровольно принятого донором (его родственниками) решения ради спасения жизни другого человека. Добровольность есть условие милосердия, в обратном случае — это принуждение и этическая ценность действия утрачивается. По мнению Б.Г. Юдина, при сегодняшнем сохранении в Проекте нового федерального закона «О донорстве органов человека и их трансплантации» принципа презумпции (неиспрошенного) согласия донора, вопрос об этичности законопроекта остается до конца не решённым. Специалист области медицинской этики, митрополит Антоний (Блюм) выделял моменты морально благоприятные для получения прижизненного согласия на посмертное донорство и неблагоприятные. Так, лучше получать согласие на донорство, когда человек ещё молод, здоров и полон сил, смерть его не страшит, ему кажется, что она еще далека. Неблагоприятным же момент будет, когда человек стар, болен, лежит в больнице, опасается за свою жизнь. И врач говорит ему, что жизнь его ограничена, что после смерти мы возьмем сердце и пересадим его. Оптимальной формой фиксации прижизненного согласия, над которой предлагал поработать митрополит Антоний (Блюм) является «карта донора». Если человек при жизни не выразил своего волеизъявления в отношении донорства, то решение принимают родственники. Оптимальной моделью, с позиции этики в таком случае будет информационная модель (вариант презумпции несогласия) получения согласия. В случае смерти человека его родственников информируют, что их близкий может рассматриваться в качестве донора. Если родные против изъятия, то они обязаны сообщить о своем несогласии в течение некоторого времени. Если за указанное время об отказе не будет сообщено, то это будет расценено как их согласие на изъятие. Как для врача важно сознавать, что он поступает этично, так и для пациента, быть лишенным различных опасений. К наиболее частым опасениям пациентов можно отнести следующие: риск недостаточного оказание помощи больному, рассматриваемого как донора; возможность

ошибок при диагностике смерти мозга; неуверенность в справедливом распределении донорских органов. Мерой, способствующей снижению страхов и опасений среди населений, мог бы стать анализ причин исков родственников, различных резонансных дел. Так, кода родственники узнают об изъятия органов уже после самого изъятия органов, у их умершего родственника. Часто возникает вопрос: что хуже психологический стресс для родственников от испрашиваемого у них согласия на изъятие органов умершего близкого или стресс от того что случайно узнали о состоявшемся изъятии органов? В подобных ситуациях иногда ставят и такой вопрос: Если нечего скрывать, то почему меня не информируют о предполагаемом изъятии (органов родственника)? А если не информируют, то значит, есть что скрывать. В качестве мер, способствующих улучшению качества трансплантологической помощи, могло бы быть введение права врача на получение (при наличии желания) испрошенного согласия у родственников умершего пациента. Возможно, предусмотреть информирование пациента и в рамках информированного согласия, при обращении в стационар, что в случае смерти пациент может стать донором. В этической традиции никогда не шла речь о том, что нельзя жертвовать собой во имя спасения жизни человека, напротив «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13). Свидетельством этической ценности самопожертвования в христианской традиции является сама жертвенная смерть Спасителя. Для человека самопожертвование — это сознательное и добровольное действие и поэтому исключает любое внушаемое воздействие и насилие. Превращение жертвы в норму или правило, или в новый критерий гуманности есть определенный вид нравственного насилия. Существуют два основных вида юридического регулирования изъятия органов и тканей у умершего человека: презумпция несогласия (испрошенное согласие) и презумпция согласия (неиспрошенное согласие). Церковь не поддерживает так называемую презумпцию согласия (не требуется согласия родственников) потенциального донора на изъятие органов из его тела (после смерти), которая содержится как в действующем законе о трансплантации, так и в представленном законопроекте. В соответствии с закрепленным в России принципом презумпции согласия донора предполагается, что каждый россиянин изначально согласен, что его органы после смерти будут использованы для пересадки другим. Отсутствие выраженного отказа трактуется данными законами как согласие, поскольку люди в течение своей жизни не выражают в явной форме своего несогласия “Предполагаемое согласие” донора закреплено в двух федеральных законах: «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» от 21.11.2011 №323–ФЗ и «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 22 декабря 1992 г. N 4180–I. В ст. 8 закона РФ “О трансплантации органов и (или) тканей человека” от 22.12.92 № 4180–1 говорится: “Изъятие органов и (или) тканей у трупа не допускается, если учреждение здравоохранения на момент смерти изъятия поставлено в из-

вестность о том, что при жизни данное лицо либо его родственники или законный представитель заявили о своем несогласии на изъятие его органов и (или) тканей после смерти для трансплантации реципиенту". Т.е. если на момент смерти человека у врачей не будет документа от пациента, что он против, или его родственники не придут и не заявят о своем несогласии на изъятие органов, то органы могут быть изъяты. Среди аргументов этической некорректности принципа "презумпции согласия", регулирующего в России изъятие органов у умершего донора, приводятся следующие:

1. В связи с отсутствием условия добровольности на изъятие органов обесценивается нравственный смысл донорства (лат. donare — «дарить»), как дара, добровольного самопожертвования ради спасения жизни другого человека.
2. Существующий принцип, по мнению профессора И.В. Силуяновой, вынуждает врача совершать, по сути, насильственное действие, т. к. действие с человеком или его собственностью без его согласия квалифицируется в этике как "насилие".
3. Данный принцип не может не только защитить не осведомленного, но если индивиды и их семьи не осведомлены о своих правах, то предполагаемое согласие может стать средством вообще избежать получения соглашения [1].

Важнейшим условием реализации права человека или его родственников на отказ от изъятия органов является полная информированность населения о сути этого права и о механизмах фиксации своего отказа [2]. Однако на сегодняшний день большинство населения не знает, что по закону "О трансплантации" все россияне согласны быть донорами, и врач не обязан спрашивать согласия у родственников умершего. Большинство населения не знает механизм оформления прижизненного отказа. Данная модель фактически нарушает принцип добровольного информированного согласия, не создает условий для соблюдения права личности на определение судьбы своего физического тела. Весной 2013 года Минздрав представил на обсуждение проект нового федерального Закона о трансплантологии. В опубликованном проекте, как и в ныне действующем законе о трансплантации, сохранен принцип презумпции согласия. В настоящее время в соответствии с действующим законом о здравоохранении гражданам, не согласным с тем, что их органы будут изъяты после кончины, необходимо сделать заявление в устной форме в присутствии свидетелей, или в письменной форме, заверенной руководителем медицинской организации (главным врачом), или заверить нотариально. Лучше всего это следует сделать в момент оформления пациентом добровольного информированного согласия на медицинское вмешательство [4]. В проекте нового закона о трансплантологии планируется введение новой формы фиксации прижизненного волеизъявления в отношении вопроса донорства. «Регистр прижизненных волеизъявлений граждан о согласии или несогласии на изъятие их орга-

нов после смерти» — база данных, куда может быть занесена информация о прижизненном волеизъявлении (согласии или несогласии) гражданина, позволяет еще при жизни зафиксировать свое согласие (или отказ) быть донором. В случае смерти человека, врачи проверят, нет ли его в Регистре уже согласившихся или отказавшихся, что позволит соблюсти волю умершего человека. Рассматривая различные виды фиксации прижизненного отказа (или согласия) от донорства, уместно будет привести оригинальный взгляд Митрополита Антония Сурожского на данный вопрос. Митрополит Антоний Сурожский, многие годы бывший врачом, потом врачом и монахом, выразил согласие с постановкой вопроса собеседника — протоиерея Сергия Гаккеля (Стоило бы испрашивать разрешения умирающего на пересадку его органов другому человеку? Может быть, он был бы рад дать согласие, потому что это как раз дар — дар своего сердца, дар своей жизни?). Но при этом митрополит Антоний Сурожский предостерёг, что тут могут быть две ситуации. Одна — где человек заранее, когда он ещё здоров, когда его не пугает собственная смерть, может принять решение, что в случае собственной смерти готов отдать здоровые органы своего тела другому человеку, зафиксировав это в специальной карточке донора. И другая ситуация — где человек идет к своему концу, и такой карточки у него нет. И в этом случае возникает громадная проблема: можно ли всякого человека, не подготовленного духовно и нравственно, спросить: «Вот, сейчас Вы умрёте, — можно ли из Вас извлечь ваши сердце или тот или иной орган?» По мнению митрополита Антония Сурожского, «надо было трудиться над распространением таких карточек».

Приходя к выводам, можно считать, что серьезным недостатком предлагаемого законопроекта является отсутствие проработанности процедур практической реализации принципов, содержащихся в нем. Так в законопроекте говорится, что врачи обязаны не позднее одно часа с момента смерти сообщать родственникам о факте смерти близкого. Тем не менее, не сказано о том, что врачи обязаны при этом сообщить родственникам об их праве в течение двух часов заявить об отказе от изъятия органов умершего [3]. Если отказа в течение этого времени не будет, процедура изъятия органов может быть начата. Не сказано, что делать, если телефон в медучреждении будет занят, или где искать ночью или в выходной день главврача или нотариуса, чтобы оформить несогласие на изъятие органов. В дальнейшем видится необходимым широкая дискуссия и работа по совершенствованию законопроекта по регулированию трансплантологической помощи в России.

Список литературы

1. Кэмпбелл А., Джиллетт Г., Джонс Г. Медицинская этика: Пер. с англ.: Учеб. пос. / Под ред. Ю.М. Лопухина, Б.Г. Юдина. – М.: ГЭОТАР–МЕД, 2004, – С. 171.
2. Введение в биоэтику. Ред. Б.Г. Юдин, П.Д. Тищенко. М.1998, — с. 306.

3. Жалинская–Рерихт А.А. Закон ФРГ о трансплантации органов 1997 г.: конституционные и уголовно-правовые последствия// Право и политика,– 2000,– № 7, с. 4 (Электронный ресурс). Режим доступа: http://www. law.–and–politics.com/paper.
4. Михайлова В.В., Никулин В.Н., Пущина Т.С. Практические советы юриста православным. М.: "Ковчег" Трифонов Печенегский монастырь, 2003, – с. 176.

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ К ЭВТАНАЗИИ: АСПЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭВТАНАЗИЮ И СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ

Катионова А.О.

ФГБОУ ВПО Новосибирский государственный педагогический университет

Аннотация: В статье представлен сравнительный анализ религиозных, морально-этических и юридических аспектов ответственности за эвтаназию. Анализ обусловлен вопросами определения отношения к эвтаназии с разных позиций и установления социальных рисков процедуры эвтаназии.

Ключевые слова: эвтаназия, биоэтика, активная форма эвтаназии, пассивная форма эвтаназии, медицинская помощь, религиозный, морально-этический и юридический аспекты эвтаназии, социальные риски, уголовное право Российской Федерации.

Abstract: The paper is devoted to the comparison of religious, moral-ethical and legal aspect concerning liability for euthanasia. The research is motivated by attitude on euthanasia from different standpoints and by the need to fix how socially dangerous practicing euthanasia is.

Keywords: euthanasia, bioethics, active form of euthanasia, passive form of euthanasia, medical help, religious, moral, ethical and juridical aspects of euthanasia, social risks, Russian Federation criminal law.

Эвтаназия [от греч. «Eu» — хороший, благой и «thanatos» — смерть] — это легкая, безболезненная смерть. Согласно анализу историко-правовых источников, понятие «эвтаназия» впервые было употреблено в XVI веке Ф. Бэконом в трактате «О достоинстве и приумножении наук», где он определил ее как обязанность врачебного персонала облегчить страдания пациенту [1]. В настоящее время в отечественных и зарубежных правовых источниках, медицинской и религиозной литературе есть большое количество разных, но в то же время отчасти схожих определений понятия «эвтаназия». Так, можно встретить определения эвтаназии как «умерщвление неизлечимо больных людей по их просьбе с целью прекращения их страданий» [2], или «прямые, умышленные действия медицинского персонала, совершенные по просьбе пациента и повлекшие его быструю смерть» [3],

или «преднамеренный акт, в основе которого лежит намерение [цель] врача ускорить смерть пациента по тем или иным мотивам [корысти или милосердия] [4]. Нам представляется, что наиболее удачным толкованием понятия «эвтаназия» является определение О.С. Капинус: «Эвтаназия — это умышленное причинение смерти неизлечимо больному, осуществленное по его просьбе медицинским работником, а также иным лицом по мотиву сострадания, с целью избавления его от невыносимых физических страданий» [5]. Тут присутствуют необходимые элементы для применения процедуры: неизлечимая болезнь, просьба пациента, невыносимые физические страдания. Также указывается лицо, которое должно проводить эвтаназию — медицинский работник и иное лицо по мотиву сострадания.

Между тем, сложно однозначно констатировать общепринятое определение эвтаназии, поскольку отечественные и зарубежные исследователи, пытающиеся выработать его, по мнению О. Киселёвой, актуализируют отдельные признаки рассматриваемого явления [результат [смерть пациента]; действия врача, ведущих к этому результату; мотивы врача, то есть психологическая сторона действующего субъекта и т.д.] [6]. Для того чтобы понять сущность эвтаназии, необходимо рассмотреть ряд взаимосвязанных аспектов, среди которых чаще всего выделяют религиозный, морально-этический и юридический. Религиозный аспект, имеющий большое значение для верующих, характеризуется четко выраженным негативным отношением к эвтаназии, но в то же время во всех конфессиях встречаются и те, кто поддерживает эту процедуру. Так, в «Основах Социальной Концепции Русской Православной Церкви» в пункте 8 главе XII «Проблемы биоэтики» говорится о том, что «Церковь, оставаясь верной заповеди Божией «не убивай», не может признать нравственно приемлемым распространение ныне в светском обществе попытки легализации так называемой эвтаназии, то есть намеренного умерщвления безнадежно больных [в том числе по их желанию] [7]. Объясняется это тем, что больной, просящий о применение процедуры эвтаназии, часто бывает подвергнут состоянию депрессии, которое лишает его здраво смотреть на вещи и оценивать ситуацию, в которой он находится. «Таким образом, эвтаназия является формой убийства или самоубийства, в зависимости от того, принимает ли в ней участие пациент» [8]. Позиция РПЦ по данному вопросу является четко выраженной — ни под каким предлогом не разрешать эвтаназию, так как она является деянием, которое умаляет достоинство личности и нарушает заповедь Бога.

Взгляды Католической церкви на эвтаназию расходятся. Так, кардинал Хосе Сараиви Мартинс, комментируя печально известный случай с Терри Шиаво, говорил о том, что право на жизнь является священным и к нему должны относиться с уважением от начала и до самого конца. Приближение смерти никаким способом недопустимо [9]. Папа Римский Франциск осуждает движение в пользу права на смерть, ссылаясь на то, что восприятие эвтаназии в качестве благородства, но «ложным чувством сострада-

ния» [10], тогда как на самом деле это грех. В то же время, католическая монахиня Мари-Роз Жену высказалась таким образом: «Я поддерживаю всех людей, которые после здравых рассуждений, находясь в ясном уме, выбрали путь смертельной дозы» [11]. Наличие такого мнения является показателем к тому, чтобы провести дискуссию по данному вопросу внутри Церкви.

Ислам не допускает применение эвтаназии в качестве избавления больного от страданий. Вот что говорит о данном деянии Всевышний Аллах в Коране: «Не убивайте самих себя! Воистину, Аллах милостив к вам [запрещая это]» [12]. По приведенной цитате можно судить о том, что в исламе эвтаназия приравнивается к самоубийству, тем самым являясь греховным и недопустимым деянием.

В то же время, в статье 7 «Священность человеческой жизни» Исламского кодекса медицинской этики говорит о том, что врач должен осознавать пределы своих возможностей при сохранении жизни человеку. Если есть медицинское обоснование того, что жизнь пациенту нельзя спасти, врачу не следует упорствовать и продлевать вегетативное состояние больного. В таком случае не должны применяться методы искусственного продления жизни, но врач не должен предпринимать никаких шагов для прекращения жизни пациента [13]. Следовательно, при необходимости экстраординарных медицинских действий врач вполне может отказаться их применять, ссылаясь на данную статью, тем самым, частично и косвенно, прибегая к процедуре эвтаназии.

Следующий аспект для рассмотрения — морально-этический. Именно он является наиболее обсуждаемым в обществе. Гуманно ли продлевать и поддерживать существование человека, жизнь которого превратилась в сплошные мучения от постоянных болей, которые не унять никакими медицинскими препаратами? Этичнее же в таком случае помочь ему уйти из жизни, а не ждать момента наступления естественной смерти. Но, с другой стороны, деяние, направленное на лишение жизни человека, является нравственно осуждаемым независимо от того, по какой причине это было сделано. Наиболее известным представителем среди защитников эвтаназии с точки зрения морали является американский философ Дж. Рейгелс. В своей статье он критически отнесся к постановлению Американской Медицинской Ассоциации, в которой констатировалось, что прекращение жизни человека посредством «милосердного убийства» противоречит медицинской профессии и политике Ассоциации [14]. Принятие решения о прекращении применения особых мер для продления жизни, когда биологическая смерть неминуема, предоставляется самому пациенту или его родственникам. Критике подверглось это высказывание в связи с тем, что «просто дать умереть означает процесс более длительный и мучительный для больного, тогда как летальная инъекция — процесс относительно быстрый и безболезненный» [15]. Таким образом, Дж. Рейгелс считает, что приме-

нение активной формы эвтаназии является более гуманным для страдающего человека, нежели прекращение его лечения и ожидание наступления смерти. Юридический аспект, в первую очередь, состоит в том, что необходимо выработать четкую процедуру и критерии применения эвтаназии в случае, если она будет принята на законодательном уровне. Современное законодательство базируется на том, что каждый человек имеет неоспоримое право на жизнь. Данное право провозглашено и закреплено важнейшими международно-правовыми актами и национальными законодательствами [Всеобщая декларация прав человека – ст.3], Международный пакт о гражданских и политических правах [ч.1, ст.6.] [16], Конституция РФ [ч.1, ст.20.] [17]. Это право включает в себя также и возможность свободно распоряжаться своей жизнью [18]. Право на распоряжение своей жизнью означает и принятие добровольного осознанного решения о возможности поставить свою жизнь в заведомо опасное положение, обусловленное свободой волеизъявления лица и направленное на достижение некой желаемой цели личного или общественного характера.

В Федеральном законе Российской Федерации «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» присутствует противоречивая информация о прямом запрете применения активной и косвенно о разрешении пассивной эвтаназии. Так, в ст. 45 содержится запрет: «Медицинскому персоналу запрещается применение эвтаназии – удовлетворение просьбы больного об ускорении его смерти какими-либо действиями или средствами, в том числе прекращением искусственных мер по поддержанию жизни [19]. Однако ст. 33 позволяет, чтобы: «Гражданин или его законный представитель имеет право отказаться от медицинского вмешательства или потребовать его прекращение» [20]. Из приведенного положения ответственность лица, в данном случае медицинского работника, варьируется в зависимости от формы эвтаназии: активная влечет за собой уголовную ответственность, пассивная же освобождает от каких-либо негативных последствий. Здесь возникает проблема ограничения пассивной формы эвтаназии от составов, предусмотренных статьями 124 и 125 Уголовного Кодекса Российской Федерации [неоказание помощи больному – для врача и оставление опасности – для родственников] [21]. В российском уголовном законодательстве согласие потерпевшего на причинение ему смерти не рассматривается как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность или «смягчающее» уголовную ответственность, например, в отличие от статей 293 и 294 Уголовного Кодекса Нидерландов [неоказание помощи больному – для врача и оставление опасности – для родственников] [22]. Позиция действующего УК РФ по рассматриваемому вопросу однозначна: это умышленное лишение жизни человека, то есть убийство. Мотив сострадания, который указан в ст. 61 УК РФ в качестве смягчающего обстоятельства, учитывается только при назначении наказания, а не при квалификации деяния. Убийство по мотиву сострадания квалифицируется по ч. 1 ст. 105 УК РФ [23]. В

данном аспекте есть несколько моментов, которые требуют единого толкования — по отношению к кому и кем проводится процедура эвтаназии, а также криминализация данной процедуры. Именно эти моменты являются социальными рисками сопровождающие эвтаназию.

Первый социальный риск — в отношении кого будет применяться эвтаназия. Во избежание его появления необходимо законодательно определить группы пациентов, которым будет разрешено прибегнуть к процедуре. Данная практика существует в Нидерландах: в законе прописаны критерии, по которым комиссия определяет, возможно ли применять эвтаназию в конкретном случае к конкретному лицу [24].

Второй риск — кто будет проводить эвтаназию. Здесь мнения едины — процедуру должен совершать только компетентный лечащий врач, который знает о диагнозе больного. В данном случае необходимо смягчить уголовную ответственность врача за это действие. Именно такого мнения придерживается законодательство Нидерландов [25].

Третий риск — криминализация эвтаназии. Заинтересованность родственников и врачей очень сложно отследить. Не исключены случаи злоупотребления врачами и принятие необоснованно поспешных решений [26]. В отношении родственников — их заинтересованность может являться материальной. Важно признать, что при всей противоречивости отношения к сущности эвтаназии, целесообразно ее законодательное закрепление, о чем, в частности, пишет Ю.А. Коняшина [27].

Соответственно, можно констатировать, что:

- неоднозначность определения понятия «эвтаназия» и его толкования обусловлено рядом взаимосвязанных аспектов [морально-этический, юридический, религиозный], которые невозможно рассматривать по отдельности: они исследуются только во всей своей совокупности, неразрывно друг от друга;
- каждый из представленных аспектов содержит диаметрально противоположные взгляды на данную проблему, имеет своих сторонников и противников. Возможно, все это и сказывается на невозможности принятия однозначного решения по вопросу эвтаназии;
- при реализации процедуры эвтаназии возможно появление разного рода социальных рисков, недопущение которых полностью зависит от законодателя.

Список литературы

1. Бэкон Ф. Сочинения. В 2-х томах. Т. I. – М., 1971. –С. 269.
2. Коробеев А.И. Простое убийство и сложности его квалификации// Уголовное право. – 2001. –№ 2. –С. 18.
3. Толстая Е.В. Распоряжение правом на жизнь: правовой аспект // Юридический мир. –2011. – № 6. –С. 28-30.

4. Ивченко О. Завещание жизни//Домашний адвокат. – 2001. –№ 7. –С. 8.
5. Капинус О.С. Эвтаназия как социально-правовое явление. –М., 2006. –С. 32.
6. Киселева О. Эвтаназия: множество интерпретаций // THE WALL от 07.09.2016. URL: http://thewallmagazine.ru/euthanasia/ [дата обращения: 10.11.17].
7. Основы Социальной Концепции Русской Православной Церкви // Официальный сайт Московского патриархата. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/419128 [дата обращения: 10.11.17].
8. Там же.
9. Ватикан: Смерть Терри Шиаво – «преступление против жизни» // РИА Новости от 31.03.2005. URL: http://ria.ru/religion/20050331/39600981.html [дата обращения: 10.11.17].
10. Римский назвал эвтаназию грехом // Газета.ru от 17.11.2014. URL: http://www.gazeta.ru/social/news/2014/11/17/n_6658353.shtml [дата обращения: 10.11.17].
11. Wallis: Ordensfrau sorgt für Aufregung // Rro от 06.07.2014. URL: http://www.rro.ch/cms/eine-ordensfrauaus-sitten-sorgt-fuer-unruhen-in-der-katholischen [дата обращения: 10.11.17].
12. Коран. Перевод и комментарии Богуславского Д.Н. 7-е издание. Стамбул, 2013, сура 4, аят 29.
13. Исламский кодекс медицинской этики. URL: www.studfiles.ru/preview/3884165/ [дата обращения: 10.11.17].
14. Рейгелс Дж. Активная и пассивная эвтаназия // Этическая мысль, 1990: Науч.-публицистич. Чтения / отв. ред. А.А. Гусейнов. М., 1990. [Электронный ресурс]. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/guseinov_etichmysl/04.aspx [дата обращения: 10.11.17].
15. Там же.
16. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 A [XXI] Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml [дата обращения: 10.11.17].
17. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ [дата обращения: 10.11.17].
18. Всеобщая Декларация прав человека. Принята резолюцией 217 A [III] Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml [дата обращения: 10.11.17].
19. Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ [дата обращения: 10.11.17].
20. Там же.
21. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. URL: http://ivo.garant.ru/#/document/10108000/paragraph/26654339:1 [дата обращения: 10.11.17].

22. Уголовный Кодекс Нидерландов. Принят актом от 3 марта 1881 г. URL: http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242430&subID=100100457,100100459,100100489,100100757#text [дата обращения: 10.11.17].
23. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. URL: http://ivo.garant.ru/#/document/10108000/paragraph/26654339:1 [дата обращения: 10.11.17].
24. Wet toetsing levensbeëindiging op verzoek en hulp bij zelfdoding // Overheid.nl. URL: http://wetten.overheid.nl/BWBR0012410/geldigheidsdatum_03-02 2016#HoofdstukII [дата обращения: 10.11.17].
25. Там же.
26. Леонтьев О., Григонис Э. Ответственность за преступления, совершаемые медицинскими работниками. СПб., –2008. –156 с.
27. Конюшкина Ю.А. Об эвтаназии // Юрист. –2002. № –9. –С.59–60.

КУРС ФИЛОСОФСКОЙ ЭТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ

Чёрненькая С.В.

МГПУ

Аннотация: В статье подчеркивается актуальность курса философской этики на материале античных источников, рассматриваются определения понятия «нравственность», выделяется их взаимосвязь и противоречивое единство.

Ключевые слова: этика; мораль; нравственность; добродетель.

Abstract: In the paper is stressed the relevance of courses of ethical philosophy, based on ancient sources, is considered the definition of such ideas as “morality”, is emphasized their mutual interconnection, and contradictory unity.

Keywords: ethics, moral, morality, virtue.

Интерес современных студентов к нравственной тематике, как к современным проблемам, так и к истории этики, достаточно устойчив [1]. Рассматривая природу морали, её возникновение и развитие в контексте социально-исторической реальности, её специфику, следует иметь в виду разнородность явлений, включаемых в сферу нравственности. Это и действия, поступки людей и определённого рода отношения между людьми. Это феномены воли, мотивы человека и личностно-психологические свойства человека. Это оценочное отношение человека к действительности, особые требования к человеку, выступающие детерминантами его поведения, и, наконец, особого рода понятия, представления, воззрения, т.е. моральное мышление. Мораль соприсутствует во всех сферах человеческой жизни, определяя отношение человека к обществу и самому себе. В виду такого «всё пронизывающего» характера явлений нравственности в истории этики выделяется и «ограниченность» действия этой нормативно-регуля-

тивной системы, меняющаяся исторически связь морали с другими сферами социальной жизни (религией, наукой, правом и др.), и наличие всеобщего в моральных нормах. Нравственная проблематика является наследием всего исторического опыта человечества, при этом нравственные идеи выступают, как правило, «несвоевременными вопросами», оказываются беспредельными по сравнению с возможностями конкретного времени. Задача морального сознания в том, чтобы выделить проблему, привлечь внимание к ней. Моральное сознание часто формулирует такие требования к человеку, которые практически оказываются неисполнимыми в массовом поведении. В этом — одна из особенностей нравственных требований: ссылка на других, «аргумент к человеку» (ad hominen) в нравственном опыте не срабатывает. В «Апологии Сократа» Платон, описывая Сократа перед судом, рассказывает, что софисты, писавшие защитные речи в суде, советовали ему отвести судей к Ксантиппе (супруга Сократа) с грудными детьми, и его оправдают, аргументируя тем, что «все так поступают». Сократ отвергает такой аргумент, будучи уверен, что его должны оправдать, поскольку он невиновен. Для нравственности антитеза сущего («все так поступают») и должного, фактического положения дел и нравственной истины является нормальным, составляет её специфическую черту. Еще одна особенность морального требования — особая форма его исполнения. Фактически общечеловеческие нормы нравственности никогда не являлись и не являются нормами массового, повсеместно-практикуемого поведения. Как правило, в реальной практике повседневной жизни их обходят, нарушают или ограничивают сферу их действия. В этом отличие нравственности от обычая. Всеобщность, «абсолютность» нравственного воления сталкивается с относительностью его выполнения в реальности общественной жизни. Противоречие должного и сущего в морали порождает целый ряд вопросов, исследуемых в истории этики: соотношение убеждения и принуждения, идеала и действительности, примера и осуждения и т. д.

Поведение человека в обществе может детерминироваться различными способами: как естественными, так и социальными по своей природе. При этом социальная нормативная регуляция не обязательно противостоит природе человека. Общественная детерминанта поведения может переходить во внутреннюю, более или менее спонтанно действующую. Выделяя нормативную природу морали, нужно отметить, что в поведении людей нормативы не действуют автоматически (индивид может и не совершать требуемых от него действий). Нравственная детерминация не имеет характера жесткой однозначной каузальности. Норматив как способ детерминации поведения человека всегда включает в себя альтернативность поведения, выбор между исполнением требуемой нормы и её нарушением. При этом нравственный выбор предполагает действие воли, достаточно сильной, способной для реализации предъявляемой нормы противостоять как стихии внутренних побуждений, так и внешним обстоятельствам.

В целом в истории этики выделяют два «крайних» подхода к морали: её рассматривают как форму общественного поведения и способ его природной и социальной детерминации либо как сферу личной свободы человека — и попытку их соотнесения. В основе того или иного подхода лежит определённое понимание назначения морали. Если в ней видят прежде всего социальный институт для организации и упорядочения общественной жизни, то мораль определяется как система общественного поведения и его детерминант. Если в ней видят область личной свободы и самоопределения, то мораль фиксируется как сфера сознания и воления и, как правило, противопоставляется всей совокупности естественных и социальных детерминант поведения человека. У Гегеля выделены обе стороны морали (и личная свобода, и внешняя социальная детерминация общественных отношений – такой смысл имело разведение им понятий «мораль» и «нравственность»). Начиная со второй половины XIX века, в философии выделяют два способа существования морали — как моральной практики и морального сознания. На примере конкретных философских учений в рамках курса этики рассматривают взаимодействие этих двух сторон — практической и идеально-духовной — в морали.

В истории этики существует множество концепций морали, каждая из которых представляет определенное понимание нравственности в целом. Рассмотрим подходы античных философов, с анализа которых, как правило, начинают изложение этики. Отдавая себе отчет в наличие огромной культурной дистанции между Античностью и современностью, специально обращая внимание студентов на своеобразие античной культуры, некоторый опыт, накопленный и сохраненный в античных источниках, можем применить и сегодня. Считается, что само понятие «этика» впервые ввели в научный обиход стоики, придав этому термину определенный смысл: этика — одна из трех составных частей философии наряду с физикой и логикой. Философия, указывали стоики, подобна живому существу, и логику можно сравнить с костями и жилами, этику — с мясистыми частями, а физику — с душой. Подобна она и яйцу, скорлупа которого — логика, белок — этика, а желток — физика, или плодоносному полю, ограда вокруг которого — логика, урожай — этика, а земля и деревья — физика; или городу, вокруг которого крепкие стены, и правит которым разум [2, с.281]. В этом сравнении четко определено «целевое назначение» трех основных философских дисциплин в понимании античных философов. Этика — умозрительное исследование нравственности — выделяется как философская дисциплина, связующая теоретические размышления с практикой обыденной жизни. Аристотель в своих «Этиках» («Никомаховой этике», «Большой этике», «Евдемовой этике»), как правило, определяя нравственные категории, приводил трактовку этих понятий, характерную для большинства людей. Отличие этики, по Аристотелю, состоит в том, что она исходит из «мнений», а не из строгих логических построений, и предметом этики, писал он, является то, что про-

исходит по-разному, а не всегда неизменным образом, при этом достаточно обсудить «наиболее распространенные мнения, или такие, которые, как кажется, имеют известные основания» [3, с. 401]. Особенность нравственных принципов в том, что, являясь всеобщими по своему содержанию, они реализуются единичным индивидом через отдельное: поступок, действие или отказ от него. Это «отдельное», выраженное в мнении, и составляет предмет изучения философов.

Что касается понятия «нравственности», то его четкого, строгого определения не было дано на протяжении всей истории философии. С точки зрения логики, это понятие с размытым объемом.

Во-первых, нравственность как один из способов регулирования общественных отношений складывается и развивается исторически. Соответственно меняются и объем, и содержание данной категории. Во-вторых, это понятие вырабатывается в культуре до возникновения в ней философских учений и стихийно воспринимается в область научно-философских размышлений. Выделенное как философский термин оно используются в таком значении и в естественном языке. В то же время понятие «нравственности» являются основным не только в этике, но и в социальной философии, и в других областях философского знания и культуры в целом. Гегель писал, что «правильность даваемого определения... зависит от характера тех восприятий, которые послужили его исходным пунктом, и от тех точек зрения, с которых его давали. Чем богаче подлежащий определению предмет, т.е. чем больше различных сторон он предоставляет рассмотрению, тем более различными оказываются даваемые ему дефиниции» [4, с. 413]. Рассмотрим дефиницию данной категории в контексте античной культуры.

В раннеантичном представлении общественные нормы и установления рассматриваются как проявления естественного порядка вещей: подобающий, должный порядок в обществе — это порядок такой же, как «в космосе», и то, что «не так, как в космосе», то непристойно. Мораль воспринимается натуралистически, как проекция на общество единого порядка- вселенского «логоса». Нравственность не осознается как специфически общественная область и понимается как «жизнь в согласии с природой». Стоик Зенон Китийский в трактате «О человеческой природе» писал, что конечная цель человека — жить согласно с природой, и это то же самое, что жить согласно с добродетелью; сама природа ведет нас к добродетели. Стоик Хрисипп («О конечных целях») отмечал, что жить добродетельно — это значит то же, что жить по опыту всего происходящего в природе, поскольку наша природа есть лишь часть целого [2, с.295]. Но достаточно скоро в философии выделяется, что «жизнь в согласии с природой» для человека не является естественной. Демокрит признаёт, что человек в отличие от животного утратил естественное чувство меры в удовлетворении своих потребностей и не может на него полагаться. Именно Демокрит вводит в этику понятие «долг»,

выявляя нормативную природу нравственности — один из существенных (родовых) признаков, фиксируемых в определении этого понятия. Надо, — писал он, — воздерживаться от каких-то поступков не из-за страха, а из чувства долга. Философ подчеркивал самопринудительный характер нравственного поведения, в отличие от поступков, совершаемых по естественной склонности или из-за опасения наказания. Этот видовой признак, отличающий нравственную норму от обычая или правовой нормы, также был выделен древнегреческими мыслителями. Мораль, как осознание нравственных принципов, формируется в ходе преодоления традиционно-обычного представления на общественные установления. В архаических преставлениях подобающим поведением для человека является такое, которое соответствует общепринятому, как принято искони, как поступают все. Существующий в обществе обычай отождествляется с тем, как должно быть (как только и может быть). Чужие обычаи, как правило, считаются неистинными. В Древней Греции сложилась иная ситуация. Хозяйственное, политическое, в том числе военное, культурное взаимодействие эллинов с народами Средиземноморья, Малой Азии давало им богатейший материал для сравнения своих обычаев, традиций, законов и чужих. Возникал вопрос, какие из этого противоречивого многообразия истинны, правильны. Геродот одним из первых в сравнительных описаниях говорит, что одни обычаи более «справедливы» у греков, другие — у персов, третьи — у других народов. Важно, что греки, не связывая нормы нравственности только со своей культурой, смогли выделить наличие общезначимого момента в моральных требованиях и оценках, социальную всеобщность нравственных требований, в равной мере относящихся ко всем людям.

Осознанию нормативной природы нравственности способствовало то обстоятельство, что в древнегреческом обществе уже стало очевидным расхождение между обычно практикуемым поведением, фактически общепринятым [сущим] и принципами нравственности (должным поведением). Рисуя в поэме «Труды и дни» падение нравов со времен «золотого века» до века «железного», Гесиод отмечал, что «с земли отлетели благородное негодование и стыд, воцарилась ложная правда и беззаконие, от зла в железном веке избавления не будет». Диоген Лаэртский писал, что когда Сократ в драме Еврипида услышал такие слова о добродетели:

…Не лучше ль

Пустить её на произвол судьбы…–

то он встал и вышел вон: не смешно ли, сказал он, что пропавшего раба мы не ленимся искать, а добродетель пускаем гибнуть на произвол судьбы [2, с.114]?

Древнегреческие мыслители смогли выделить данную особенность нравственной нормы, отличающую её от стереотипов массового поведения, образующих сферу нравов. Нравственная норма — это образец пове-

дения, имеющий силу для всех, но реализующийся в конкретной, реальной ситуации усилиями отдельного индивида. Далеко не всякий древнегреческий мыслитель, рассуждавший о нравственности, мог, как Сократ, уйти с постановки пьесы, утверждавшей, что добродетели «излишни». Нужно помнить, что театр в Древней Греции выполнял прежде всего образовательную и воспитательную функции, «задавая» образцы должного поведения в полисе.

В представлении античных философов нравственная личность оказывается вытолкнутой из общества, противостоящей массово-практическому поведению. Анаксагор на вопрос: «Кто самый счастливый?» отвечал: «Ни один из тех, кого ты признаёшь таковым, но тот, кто показался бы тебе чудаком». Важно отметить, что античные мыслители конечной целью жизнедеятельности человека выделяли достижение счастья, и поскольку эта категория, как правило, соотносилась с добродетелями, в том числе и нравственными, потому в этических трактатах категория счастья — одна из ключевых. Исследователи Античности всегда отмечают жизнеутверждающий, «чувственный» характер этой культуры. Если воспользоваться классификацией Ф. Ницше, можно выделить два начала в культуре: дионисийское (названное им по имени бога Диониса) и аполлоническое (по имени бога Аполлона). 1-ое — область чувств, эмоций, страстей, 2-ое — совокупность «ограничителей» дионисийского начала в культуре. В древнегреческой культуре эти два начала не противопоставлялись, а, напротив, соприсутствовали, требовали друг друга. Такая установка отразится в философских трактатах, в которых неразвитость чувственно-эмоциональной сферы рассматривается не просто как неполнота жизни, ущербность, а именно как порок. У Аристотеля, допустим, в таблице добродетели как порок выделяется «неспособность к справедливому гневу», «приниженность или отсутствие чувства собственного достоинства» и т.д. Внимание современного студента, возможно, останавливают такие понятия древнегреческой философии, как «чувство истины», «чувство справедливости» (хотя в нашем языке употребляется выражение «чувство правды»). Одна из величайших интуиций древнегреческой культуры состояла в поиске меры, соотносящей чувственно-эмоциональное, волевое и рациональное начало в жизнедеятельности человека.

В трактатах древнегреческих мыслителей часто встречается характеристика эллинов, отличающихся от варваров, с точки зрения авторов, тем, что «они, эллины, образованы и воспитаны разумом». В диалоге Платона «Алквиад II», Сократ, исследуя понятие «заботы», подводит своего собеседника к выводу, что забота о самом себе не сводится к заботе о своем теле или богатстве, а есть познание своей души. Итогом их исследования будет утверждение, типичное для древнегреческой философии: «Порочность — это рабское свойство, …а добродетель присуща свободе» [5,

с. 221]. С точки зрения софистов и Сократа общественные нормы должны быть подвергнуты сознательной рефлексии разумного индивида и приняты или отвергнуты в зависимости от «истинности». Софисты основание «истинности» видели в произволе субъекта: «как кому кажется, так оно и есть», ведь человек — субъект нравственного поведения. Сократ, обсуждая нравственные проблемы, апеллирует к самоочевидностям разума, сводит добродетели к той или иной способности разума. Знание, по Сократу, позволяет человеку в самых неблагоприятных обстоятельствах сохранять хорошее расположение духа (эвтюмию). Как-то у Сократа спросили о человеке, посмеивающимся над ним: «Разве этот человек тебя не задевает?» — «Конечно, нет, — ответил Сократ, — ведь то, что он говорит, меня не касается» [3: с. 115]. А когда осужденному на смерть Сократу жена сказала: «Ты умираешь безвинно», он возразил: «А ты хотела, чтобы заслуженно?» [3: с. 114]. Можно вспомнить, что Сократ, ожидая в тюрьме исполнения смертного приговора, начал учиться игре на лире. Разве неприлично, говорил он, узнавать то, чего не знал [2, с. 113]? Вслед за Сократом Платон подчиняет добродетель умозрению, противопоставляя работе ума чувственное наслаждение. (Ницше в своих работах по Античности такое подчинение чувственно-эмоциональной сферы рассудочно-рациональной выделял как начало упадка древнегреческого духа). Добродетели Платон определял как качества, изначально присущие нашей душе [чувственность, воля, разум и их равновесие] и лишь затем проецирующиеся на государственное устройство, в котором в зависимости от преобладания того или иного свойства души происходит разделение людей на сословия. Каждому из сословий приписывается своя, естественная, добродетель, и их распределение составляет общественную справедливость. Платон, таким образом, исходил из онтологического понимания природы нравственности, которая только по своему назначению является социальным феноменом. У Платона нравственность не имеет всеобщего характера: каждому сословию присуща своя добродетель: одному — мудрость, другому — мужество, третьему — воздержанность. Справедливость — одна из основных категорий этики, выделенная в таком статусе уже Платоном, — не может быть присуща ни отдельному человеку, ни отдельному сословию, а является характеристикой социальных отношений в целом. Заключается она, по Платону, в том, чтобы в обществе были правильно распределены добродетели, права и обязанности между сословиями. Справедливость выступает социальной гармонией в обществе, характеристикой социального равновесия, мерой социальных отношений. Аристотель начинает этику с выделения человека из мира природы: человек — существо политическое, общественное. Лаэртский рассказывает, что как-то один человек хвалился тем, что он родом из большого города. «Не это важно, — сказал ему Аристотель, а важно, достоин ли ты большого города». Такой подход характерен для античного этоса: человек должен стать достойным своего города, своего государства. Толь-

ко активное участие в жизни полиса на благо полиса делает человеческую жизнь полноценной, а человека — счастливым.

В противовес Платону Аристотель отмечал, что добродетели лишь отчасти врожденны, в основном они вырабатываются упражнением. Добродетель — это то, что должно быть воспитано в человеке, а не то, что заложено в нем от природы. Рассматривая, допустим, такую добродетель как «мужество», Аристотель замечает, что и смелый муж подвержен страху, но благодаря рассудку и ради определённой цели он достойно переносит страшное. Аристотель выделял три центра противостояния в деятельности человека: добродетель, умозрение и чувственное наслаждение, отмечая, как и его предшественники и современники, нормативный характер нравственности: добродетель — это всегда общественно значимое, целенаправленное, общественно полезное действие.

Впервые в истории этики Аристотель ставит проблему свободы выбора, отличающую мораль от других способов социальной регуляции. Свободен или нет человек в выборе того или иного действия, зависит от того, как общество относится к подобным поступкам. Оно может хвалить или осуждать какие-то поступки. Поступок — это проявление определенных склонностей, привычек индивида. В этом смысле человек может быть и несвободен в своем выборе. Но если общество вменяет человеку в обязанность какое-то действие и человек знает об этом, следовательно, он должен был воспитать свой характер так, чтобы к моменту выбора быть способным воздерживаться от порицаемого в обществе и стремиться к требуемому. В этом отношении человек свободен: от него зависело, каким характером он будет обладать к моменту выбора. Лаэртский писал, что Аристотель на вопрос, какую он получил пользу от философии, ответил: «Стал делать добровольно то, что другие делают в страхе перед законом». Слова «выбор», «выбирать», — писал Аристотель, — означают «брать», отдавая предпочтение чему-то, что невозможно без исследования и обсуждения. Выбор не происходит внезапно, как внезапно рождается мысль или желание действовать. Выбор — это всегда выбор конкретного человека. «Никто не делает выбора без подготовки и не обсудив, что хуже и что лучше, из вещей же, которые ведут к цели, обсуждаются те, которые зависят от нас и могут быть и не быть, так что выбор, очевидно, — это совокупное с обсуждением стремление к вещам, зависящим от человека» [3, с. 59].

Выделяя проблему свободы воли как собственно нравственную проблему, Аристотель решает ее сообразно специфике морали как социального отношения. Свобода воли — не предпосылка морали, не естественное качество воли человека, а феномен, возникающий в границах нравственности как способа регуляции социальных отношений. Свобода реализуется на основе индивидуального усилия, настойчивости в условиях неоднозначности социальных предписаний. Условия, обстоятельства, возможности, в рам-

ках которых осуществляется выбор, связывают человека с конкретной ситуацией, и в этом смысле они столь же открыты для его своеволия, сколько и ограничивают его. Относя добродетель, как и порок, к добровольным действиям человека, Аристотель исследует понятия «добровольное — недобровольное» и «собственный выбор», постепенно сужая их объем. «Добровольно», — заключает он, — не означает «поступать по собственному стремлению» или по собственному выбору, а «недобровольно» — «вопреки собственному стремлению». «"Добровольное" — это действие в ситуации выбора, обоснованное размышлением» [3, с. 49]. При этом человек вполне полагается на собственные силы.

В содержании данных понятий «свобода», «выбор» акцентировано внутреннее, волевое начало социальной деятельности человека. Свобода столь же связана с преодолением внешних препятствий, дающим индивиду определенную власть над обстоятельствами, сколько и с самоограничением, самопреодолением, преодолением каких-то своих притязаний или слабостей ради достижения определенной цели. Античная этика дает многозначное, внутренне противоречивое понятие морали и нравственности. Во-первых, нравственность — это жизнь по законам природы; во-вторых, это организация душевной жизни согласно разуму, напряжение воли и аскеза в противовес естественным склонностям; в-третьих, — это состояние внутренней свободы и невозмутимости; в-четвёртых, это состояние, являющееся универсально-всеобщим, нормой, нормальным для каждого человека, и в то же время, в-пятых, это качества, характеризующее поведение немногих — мудрецов — поведение, противоречащее бытующим нравам.

Понятие морали оказывается в античной этике достаточно аморфным, не имеющим четких границ, тем не менее и родовой признак — нравственность как способ регулирования поведения человека в обществе — и видовые признаки этого понятия в античной этике были выделены и как философское наследие сохранены для дальнейшего осмысления и разработки в истории философии.

Список литературы

1. Черненькая С.В. Эволюция понятия «нравственность» в античной этике//Вестник МГПУ, сер. «Философские науки», –2014, № 4[12], –с. 24–30.
2. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. —М.: Мысль, 1979, – 620 с.
3. Аристотель. Евдемова этика. –М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. – 408 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. –М.: Мысль, 1974. Т.1. –452 с.
5. Платон. Алквиад II // Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1986. С.175–222.

ФИЛОСОФСКО-МЕДИЦИНСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЭВТАНАЗИИ. ВЗГЛЯД ПРАКТИКУЮЩЕГО ВРАЧА

Домрачева А.М., Алхашаш А.М.С.

Ростовский Государственный Медицинский Университет Минздрава России, Ростов-на-Дону

Аннотация: Рассматриваются вопросы эвтаназии с точки зрения практического врача с учетом уважения к автономии личности пациента. Поднимается проблема отсутствия законодательной базы для ее реализации в современных условиях. Подчеркнута значимость междисциплинарного подхода к ее решению в реальной медицинской практике.

Ключевые слова: медицинская антропология, эвтаназия, врач, личность пациента.

Abstract: The issues of euthanasia are considered from the point of view of a practical doctor, taking into account respect for the autonomy of the patient's personality. The problem of the lack of a legislative framework for its implementation in modern conditions is raised. The importance of an interdisciplinary approach to its solution in real medical practice is emphasized.

Key words: medical anthropology, euthanasia, doctor, patient's personality.

Концепция эвтаназии уже давно получила широкое распространение (сам термин буквально в переводе с греческого означает «хорошая смерть») и рассматривается как «убийство из милосердия», «возможность безболезненно умереть для людей, страдающих неизлечимыми заболеваниями» [1]. Впервые термин был использован греческими и римским поэтами, философами и поэтами около 400 лет до н.э. для обозначения смерти, которая наступает быстро и без больших и длительных страданий. Сегодня этот термин в основном используется как вмешательство других, чтобы облегчить смерть. В то же время существует довольно суженный подход, когда понятие эвтаназии понимается как «действия врача, который намеренно убивает человека путем инъекции по его/ее добровольной и компетентной просьбе».

Жизнь священна и неприкосновенна, утверждают одни учёные. Жизнь не должна превращаться в мучительное и бессмысленное существование, возражают другие. Проблема эвтаназии постоянно обсуждается среди юристов, врачей, философов, педагогов [3]. Их взгляды и позиции довольно неоднозначны и до сих пор нет единого мнения по поводу проблемы эвтаназии как в России, так и во всём мире в целом.

В соответствии со ст. 45 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. № 5487-1 медицинскому персоналу запрещается осуществление эвтаназии — удовлетворение просьбы больного об ускорении его смерти какими-либо действиями или

средствами, в том числе прекращением искусственных мер по поддержанию жизни. Лицо, которое сознательно побуждает больного к эвтаназии и (или) осуществляет эвтаназию, несет уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации. Уголовный кодекс РФ не содержит особого состава преступления, связанного с осуществлением или с побуждением к эвтаназии, т.е. особого наказания за совершение медицинскими работниками акта эвтаназии не установлено. Однако следствием эвтаназии является смерть пациента, что позволяет применять к данной ситуации ст. 105 (убийство) Уголовного кодекса РФ.

Предлагаю рассмотреть проблему эвтаназии с точки зрения моральных чувств практикующего врача, когда возникает дилемма между спецификой профессии врача и уважения автономии пациента. Традиционно, профессиональной обязанностью врача считается сохранение здоровья пациента и продолжение его жизни. При этом очевидно, что между обязанностью сохранения здоровья пациента и продолжения его жизни существует непрерывная связь, коль скоро смерть есть предельный случай утраты здоровья. Далее, очень важно, что минимальным условием внутренней согласованности любых профессиональных обязанностей является неприемлемость для представителя той или иной профессии выполнения одной профессиональной обязанности с намерением, которое противоречит другой профессиональной обязанности. Так, действуя с намерением умертвить пациента, врач попадает в противоречивую ситуацию: он укорачивает жизнь пациента, несмотря на профессиональную обязанность ее поддерживать, удлинять. И действительно, имеющиеся данные говорят о том, что врач, участвовавший в ассистируемом самоубийстве, испытывает неоднозначные, смешанные чувства. Так, в рамках одного из опросов, проводившихся в штате Орегон, 58% врачей, участвовавших в предоставлении услуги ассистируемого самоубийства, чувствовали себя комфортно, однако только 39% были уверены в том, что готовы участвовать в предоставлении этой услуги в следующий раз [3, 4].

Вместе с тем, принцип уважения автономии личности пациента предполагает, что врач должен считаться с представлениями больного о благе. В этой связи и оценивание на предмет достоинства той ценности, которую заключает в себе пациент как личность, — это дело не исключительно самого пациента, но и окружающих его людей. Примечательно, что сторонники эвтаназии не считают, что врач должен продолжать лечение, когда оно бесполезно (и даже болезненно), просто по той причине, что сам пациент этого желает.

В итоге обсуждение проблемы эвтаназии с очевидностью демонстрирует правоту суждения о том, что в биоэтике гораздо больше вопросов, чем ответов. Истинная цель медицины состоит не в продлении человеческой жизни как таковой, а в том, чтобы сделать ее для человека лучше. Часто и, как правило, это подразумевает продление жизни, но также и избавление от боли, а в ряде случаев и облегчение естественных процессов, на-

пример, умирания. Приходится заметить, что сегодня в России существуют институциональные барьеры, препятствующие врачам оказывать помощь больным в процессе умирания (речь идет о предоставлении паллиативных средств) в том случае, когда продление жизни утяжеляет положение больного, причиняя ему вред. В то же время следует отметить, что устранение подобных институциональных барьеров на пути к морально оправданной помощи в процессе умирания не должно пониматься и трактоваться как введение права на смерть, в частности, право выбора пациентом ассистируемого самоубийства или эвтаназии. По сути, имеется одна главная причина, по которой активная эвтаназия морально хуже, чем позволение терминальному больному умереть путем прекращения бесполезного лечения. Важно помнить, что, если решение оставить терминального больного умирать влечет за собой определенное страдание, тем не менее, это решение морально более приемлемое, чем намеренное убийство невинного. И последнее. Узаконивание права на смерть вполне может оказать влияние на то, как люди воспринимают существование друг друга. В частности, появление у пациентов возможности выбора эвтаназии может привести к тому, что их существование станет восприниматься не как нечто естественное, а как продукт их собственного волевого решения и выбора.

Проблема эвтаназии до сих пор остаётся противоречивой. В случае законодательной легализации эвтаназии многие так же будут считать, что она не имеет право на существование. Крайне велика опасность недобросовестного соблюдения всех этапов осуществления эвтаназии. Основная причина этому — человеческий фактор. С другой стороны, нельзя отрицать, что эвтаназия уже фактически существует в нашей жизни. С развитием трансплантологии появляются новые проблемы, напрямую связанные с эвтаназией. Речь идёт о возможной трансплантации органов от одного потенциально погибающего человека другому. Каков путь решения в этой ситуации? Потерять две человеческие жизни или дать шанс одному из двух пациентов? К сожалению, дать ответ на все вопросы не представляется возможным и поэтому тема эвтаназии ещё долго будет заставлять учёных всего мира обращаться к ней снова и снова.

Список литературы

1. Андрианов А. Понимание термина «Эвтаназия» / А. Андрианов // Ипатьевский вестник. 2019. № 7. С. 172
2. Романовский Г.Б. Эвтаназия: анналы истории // Медицинское право. – Москва, 2007. – № 3. – Стр. 16–19
3. Meier D. E., Emmons C. A., Wallenstein S., Quill T., Morrison R. S., Cassel C. K. A national survey of physicianassisted suicide and euthanasia in the United States // The New England Journal of Medicine. 1998. Vol. 338. P. 1193–1201
4. Hendin H. Seduced by death: doctors, patients, and the Dutch cure // Issues in Law & Medicine. 1994. Vol. 10 (2). P. 123–168

МЕДИЦИНСКАЯ АКСИОЛОГИЯ В СТРУКТУРЕ БИОМЕДИЦИНСКОЙ ЭТИКИ

Дондокова Б.Б.

Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова, Санкт-Петербург

Аннотация: Обсуждается необходимость рассмотрения медицинской аксиологии в структуре биомедицинской этики, поскольку медицинская коммуникация как предмет первой дисциплины, имеет существенное значения для анализа применения классических принципов биомедицинской этики. Речь идет о принципализме, его конструктивный потенциал может быть задействован в случае дополнения анализом ценностных измерений субъектов коммуникаций. Особую роль в этом анализе может сыграть этика добродетелей.

Ключевые слова: биомедицинская этика, медицинская коммуникация, принципализм, благо, врач, пациент, этика добродетелей, медицинская аксиология.

Abstract: The necessity of considering medical axiology in the structure of biomedical ethics is discussed. Since medical communication as a subject of the first discipline is essential for analyzing the application of classical principles of biomedical ethics. We are talking about principlism, its constructive potential can be engaged in case of supplementing with the analysis of the value dimensions of the subjects of communications. Virtue ethics can play a special role in this analysis.

Keywords: biomedical ethics, medical communication, principlism, weal, doctor, patient, virtue ethics, medical axiology.

В биомедицинской этике для анализа моральных аспектов здравоохранения, врачебной деятельности и биомедицинских исследований применяются моральные принципы, сформулированные в системе принципализма американских философов Томаса Бичампа и Джеймса Чилдресса. Принципы уважения автономии, «не навреди», «делай благо» и принцип справедливости разработаны на основе анализа истории медицинской этики и синтеза деонтологической и консеквенциалистской этики. На протяжении последних десятилетий принципализм выступает одной из самых уважаемых в мировой биомедицинской практике этических систем. Вместе с тем эта система является переходной моделью для российской биомедицинской этики и в ряде моментов требует существенного пересмотра ее сущностных, историко-культурных и правовых оснований. Биомедицинская этика изучает то, как в непосредственной ситуации коммуникации врача и пациента осуществляются этические принципы и правила, которые пронизывают медицинскую практику, биополитику и биомедицинские исследования на уровне нормативно-правовых актов, повседневных норм врачебной морали и ценностных позиций отдельных субъектов коммуни-

кации. Медицинская коммуникация — это процесс взаимодействия всех субъектов медицинских работников и пациентов, основной целью которого является улучшение состояния здоровья пациентов, содержанием коммуникации выступает медицинская информация и средства медицинской деятельности.

Рассмотрим действие принципа «делай благо» применительно к медицинской коммуникации. Сложность содержания принципа благодеяния состоит не только в том, что в каждом конкретном случае речь идет об определенных обстоятельствах, в которых находятся врач и пациент, которые могут существенно уточнять содержание фундаментальной ценности жизни и здоровья, которые выступают наиболее абстрактными коррелятами ценности блага. Так, состояния пациента, в котором он находится: острое, хроническое, терминальное — будут определять благо пациента с точки зрения первоочередности необходимых для квалифицированной медицинской помощи целей и задач. Но и в том, что благо с точки зрения врача, самого пациента или его родственников, благо с точки зрения государства, благо с точки зрения общества в целом и отдельных общественных ассоциаций — представляет несовпадающие цели и ценности. Соответственно, данный принцип означает необходимость согласования интересов и целей основных субъектов. Собственно, эффективность взаимодействия врача и пациента, а также всех субъектов сложнейшей системы медицинской коммуникации, которых сейчас достаточно много: родственники пациента (иные законные представители), руководители медицинских учреждений, страховые компании и т.д. зависит от достижения баланса в понимании ключевых критериев блага. Так, например, благо для пациента, который заинтересован в скорейшем возвращении в рабочий строй, будет заключаться в скорости и эффективности оказываемой помощи, для врача же таким критерием будет соответствие помощи клиническим рекомендациям и медико-биологическому стандарту, для родственников пациента — качество и долгосрочный эффект медицинской помощи, для страховой компании — снижение издержек на неоплачиваемые государством услуги, для руководства больницы — сохранение высоких показателей эффективности работы учреждения и т.д. В ситуации, когда хронически больной пациент обращается за медицинской помощью, его интересы могут не совпадать, а порой даже противоречить интересам всех остальных субъектов.

Этические теории, лежащие в основании принципализма, в контексте биомедицинской этики демонстрируют различия в ценностных основаниях и мотивации различных субъектов на различных уровнях медицинской деятельности. Этика долга может быть сформулирована в этических кодексах, регулирующих обязательное исполнение стандартов профессиональной деятельности и направленных на сохранение чести и достоинства медицинских профессий. Также она может стать основой для принятия этически сложных решений, когда моральные и социальные ценности личности

врача могут оказаться недостаточными для выполнения профессиональной деятельности (ситуации пандемии COVID-19 в 2020–21 гг.). Этика утилитаризма в многообразии вариаций может послужить основой для принятия решений в ситуациях, в отношении которых биомедицинская этика еще не разработала универсальных решений, или, где такие решения в принципе невозможны, например, для разработки критериев качества жизни больных с неизлечимыми заболеваниями, когда невозможно достижение традиционных целей медицины. Также нередко логика утилитаризма используется в организации здравоохранения на социально-политическом уровне. Как утверждает специалист по биоэтике Мишаткина Т.В., этика медицинской коммуникации состоит из двух взаимосвязанных частей: медицинской деонтологии, определяющей профессиональные обязанности и предполагающей осознанное и добросовестное исполнение их специалистом, и медицинской аксиологии, изучающей профессиональные базовые ценности сочувствия, заботы, уважения достоинства человека [1]. На наш взгляд, следует уделять отдельное внимание медицинской аксиологии. Здесь конструктивным может оказаться обращение к этике добродетелей. Она выступает отдельным теоретическим блоком выступает этика и не предполагает явно сформулированные правила. Итак, этика добродетели в медицине может быть применена для понимания истоков формирования профессионализма врача. Воспитание моральных качеств личности будущих врачей может рассматриваться в настоящее время как довольно существенный фактор становления профессионализма. Существуют такие модели профессионализма, в которых коммуникативные навыки врача и их формирование требуют развитой способности к эмпатии, наличия сформированной ценностной позиции. Для воспитания таких личностных качеств врача, как альтруизм, мужество, самообладание и т.п., в высшем медицинском образовании необходим личностный подход в практическом обучении, позволяющий в непосредственном взаимодействии педагогов и будущих специалистов передавать важность нравственности в любом взаимодействии с больными.

К числу важнейших признанных добродетелей врача на сегодняшний день относятся альтруизм, мужество, самообладание. Альтруизм — моральное качество, позволяющее осуществлять бескорыстную заботу о других, иногда в ущерб своим личным интересам и благам. Мужество, в свою очередь, позволяет врачу принимать сложные решения в ситуациях, связанных с неизлечимыми заболеваниями, критических и нестандартных ситуациях. Самообладание, как способность контролировать свои чувства и эмоции, необходимо в процессе выполнения врачами разнообразных профессиональных задач в военных действиях, терактах, во время природных катаклизмов и различного рода техногенных катастроф, в период вспышек эпидемий. Этика добродетели позволяет рассмотреть важность формирования моральных качеств личности врача, поскольку простое следование

институциональным требованиям биомедицинской этики неспособно само по себе сформировать моральную ответственность самого врача. Нельзя недооценивать значение личностных качеств врача и в особенности его способности к этической рефлексии совершаемых действий. Современная культура, система высшего медицинского образования остро нуждается в разработке таких ценностных моделей и образов личности врача. В этом направлении необходимы консолидированные усилия специалистов, преподавателей и исследователей, представителей медицинских вузов и профессионального сообщества. Особую роль могут сыграть представители гуманитарного направления внутри медицины.

Это позволяет нам сделать вывод, что биоэтика, в ее принципалистском измерении, а также на уровне ее современного институционального обеспечения не способна ответить должным образом на современные вызовы перед медициной настоящего века. Поскольку сложность медицины новейшего периода включает в себя помимо собственно этических проблем, возникающих в результате расширения вмешательства в человеческую телесность с помощью биомедицинских технологий, обширный спектр структурно-организационных (возрастающая узкая специализация врачей), экономических (коммерциализация медицинских услуг) и социокультурных проблем (цифровизация, возросшая информированность пациентов и т.д.). Соответственно, требуется расширение предметного поля сложившейся традиции биомедицинской этики и разработка новых конструктивных моделей и образов современного российского врача.

Список литературы

1. Социальная биоэтика сквозь призму глобальной биоэтики/ Т.В. Мишаткина, С.Б. Мельнов, Т.Н. Цырдя [и др.]. – Минск: ИВЦ Минфина, –2018. – 518 с.

РАЗДЕЛ 3.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ, ИСТОРИИ, ФИЛОСОФИИ, И ПСИХОЛОГИИ

ФИЛОСОФИЯ ПЛАТОНА И «ЗАБОТА О СЕБЕ» В ФИЛОСОФИИ М. ФУКО

Сегалерба Джанлуиджи, Собольникова Е.Н.

Кафедры социально-гуманитарных наук, экономики и права СЗГМУ им.И.И. Мечникова Минздрава России

Аннотация: В статье рассматриваются важнейшие аспекты лекций М. Фуко о «реальности философии», что равносильно вопросу о том, чем является философская истина (παρρησια), чем она отличается от простого высказывания истинных положений. Речь философа — это всегда высказывание о ценности жизни и не совпадает с политической свободой слова, а παρρησια, правдивая речь, обращенная к тирану, превращается у М. Фуко в тему «образа жизни». Философ становится выразителем правдивой речи, только когда его диалектика дополняется руководством души слушателя. По мнению М. Фуко, тема заботы — руководства души связывает все платоновские диалоги, которые посвящены описанию последних дней Сократа («Апология», «Критон», «Федон»), а финальные слова Сократа следует принимать как призыв к «заботе о себе».

Ключевые слова: Сократ, Платон, М. Фуко, постмодернизм, «забота о себе», философская истина, логос.

Abstract: The article considers the most important aspects of M. Foucault's philosophy, which repeatedly refers to Plato's philosophy in order to explore the problem of philosophical reality that creates conditions for true logos. M. Foucault attaches leading importance to the idea of the political vocation of free philosophical speech – «parresia» (παρρησια). Indeed, the question of the reality of philosophy, which M. Foucault distinguishes from the question of reality in philosophy, is equivalent to the question of what philosophical truth is in reality, (παρρησια), how it differs from simply speaking or uttering true propositions. Philosophical παρρησια does not coincide with political freedom of speech, which avoids a narrow political interpretation of philosophical speech. The speech of a philosopher is always a statement about the value of life, and the theme of a truthful speech addressed to a tyrant turns in M. Foucault into the theme of «lifestyle». A philosopher becomes an exponent of truthful speech only when his dialectic is supplemented by the guidance of the listener's soul. According to M. Foucault, the

theme of care connects all Platonic dialogues that are devoted to the description of the last days of Socrates («Apology», «Crito», «Phaedo»), and the final words of Socrates should be taken as a call to «take care of yourself».

Keywords: Socrates, Plato, M. Foucault, Postmodernism, «self-care», philosophical truth, Logos.

В философии М. Фуко, медицина — есть некое поле, где взгляд тождественен акту означивания, тело есть место, где образ тождественен слову, где о видимом можно говорить, где тело становится инструментом для говорения, делая разговор возможным вообще. В современной культуре, тело становится «алфавитом», на которое можно «наклеить» знаки («Взгляд — это, что создает индивида и делает возможным создание вокруг него рационального языка») [10, с. 32–38]. Именно эту тему продолжает исследовать в своих лекциях «Управление собой и другими» (1982–1984 гг.) М. Фуко, неоднократно обращаясь к философии Платона. Исследование проблемы социальности тела, его «означивания» в культуре, приводит М. Фуко к проблеме философской реальности, создающей условия для истинного Логоса.

Исследуя VII Письмо Платона, М. Фуко придает ведущее значение мысли о политическом призвании свободной философской речи — «парресии» (παρρησια). По мнению, М. Фуко, именно в VII Письме ставится вопрос о том, что возможно называть «реальностью философии», которое, по мнению Платона, может быть только в словах, в Логосе [3, с. 562–595]. Действительно, вопрос о реальности философии, который М. Фуко отличает от вопроса о реальности в философии, равносилен вопросу о том, чем является в реальности философская истина — (παρρησια), чем она отличается от простого говорения или высказывания истинных положений. Философская реальность, создающая условия для философской веридикции не сводима к логосу или словесной «игре», основанной только на логосе. Логос, лишенный реальности, — это «слова, произносимые во сне» [4, с. 596–602].

Исследуя философию Платона, М. Фуко формулирует следующие условия веридикции, согласующие философскую речь с реальностью философии:

1) «круг слушателей» или аудитория. Философ-советник поступает как «врач свободных людей», который не просто дает указания или заботится лишь о том, как устранить конкретное заболевание, но действует убеждением и устанавливает режим всей жизни. Это первое «испытание» философии на пути к обретению своей реальности, когда философ должен найти публику, желающую внимать философии;
2) «круг практики» или забота о себе. Философия определяет повседневный образ жизни того, кто занимается философией. Реальность философии предусматривает не постановку взгляда, но выбор жизненного пути;
3) «круг знания». Реальность философского понимания, соответствующая уму (νους), состоит в постоянном упражнении в знании (в Письме

указываются четыре формы: имя/ονομα; определение/λογος; образ/ειδολον; знание/επιστημη) [5].

Концептуализация «реальности философии» позволяет М. Фуко перейти к важным выводам: во-первых, он косвенно возражает Ж. Деррида в связи с деконструкцией платонизма в работе «Фармация Платона», поскольку Платон не противопоставляет устное и письменное слово, ведь с точки зрения «реальности философии» оба вида логоса на одной стороне; во-вторых, недоверие Платона к письменному логосу исключает возможность серьезного отношения к политическим проектам «Государства» и «Законов», поскольку эти диалоги, по мнению М. Фуко, следует читать как мифы. М. Фуко адресует это возражение К. Попперу, полагая что истинный философ не может быть ни законодателем, ни доктринером [12]. Философская παρρησια не совпадает с политической свободой слова, что позволяет избежать узкой политической трактовки философской речи. Речь философа — это всегда высказывание о ценности жизни, а тема παρρησια, правдивой речи, обращенной к тирану, превращается у М. Фуко в тему «образа жизни». Философ становится выразителем правдивой речи, только когда его диалектика дополняется руководством души слушателя, а в диалоге «Горгий» платоновская политическая риторика превращается в риторику, обращенную к собственной душе. В финале диалога разыгрывается игра истины между Калликлом и Сократом, в которой Сократ демонстрирует знание, благожелательность и правдивость. Лекция завершается пониманием того, что парресия связывает учителя и ученика в общность знания и бытия, которая подрывает прежние связи, обусловленные политической общностью [8, с. 596–602].

Вторая часть лекций — «Мужество истины», несомненно выступает интеллектуальным завещанием М. Фуко, где он выделяет три линии рассуждения: «сократовский момент» на примере «Апологии Сократа»; финал диалога «Федон»; комментарий к «Лахету» [12]. Благодаря этому, παρρησια выступает как **основание философского типа мышления**, как отношения учителя и ученика, что указывает на три уровня философской «реальности»: первый уровень — истины и веридикции; второй уровень — политии и управления; третий уровень — этоса или субъекта.

Философский дискурс существует благодаря возможности взаимодействия этих уровней: в логосе невозможно поставить вопрос об истине, не затрагивая одновременно проблем политики и этики, и то же самое относится к постановке политических и этических вопросов. М. Фуко выделяет четыре главные формы веридикции в греческой культуре: профетический (оракул); софийный (мудрец); технический (мастер); парресиастический (политик, философ). На основании этих модальностей он определяет четыре базовые философские позиции, которые могут комбинироваться, исключать друг друга или оппонировать друг другу, способов связи вопросов

истины, политики и этики. М. Фуко обращается к «Апологии Сократа» и задается вопросом: почему Сократ не участвовал в политической жизни? Что отличает «сократовскую» парресию? М. Фуко исключает версию о том, что Сократ опасался за свою жизнь, поскольку Сократ бесстрашно пошел на конфликт с властью. Скорее разгадка в том, что Сократ говорил афинянам правду, но особым не политическим способом. Забота Сократа о гражданах полиса стала длительным испытанием для Сократа, захватившим всю его жизнь, а «парресия» стала образом его жизни. В «Апологии Сократа» миссия философа отличается от других форм: он не мудрец, исследующий природу, он не мастер речей, получающий плату за свое искусство, это не политическая, а этическая миссия [6].

Своеобразным доказательством этической миссии παρρησια в философии Платона, является попытка М. Фуко «разгадать» загадку последних слов Сократа в диалоге «Федон» [1, с. 157–170], которые Ф. Ницше понимал, как признание Сократа в том, что для греческого философа жизнь — это болезнь, поэтому перед смертью он благодарит Асклепия за «излечение» от жизни [2, с. 659–660]. М. Фуко, не соглашаясь с Ф. Ницше пишет: «…мысль о том, что жизнь — это болезнь, от которой нас излечивает смерть, абсолютно не греческая, не платоновская и не сократовская» [11, с. 15]. Но как тогда понимать последние слова Сократа? Немецкий философ прекрасно понимает, что положение «жизнь-болезнь» не согласуется с мужественным образом жизни Сократа, а большинство исследователей предлагали искать отгадку в персидской мифологии, в которой петух охраняет душу после смерти. Но М. Фуко пытается найти разгадку в терминах греческой мысли, а именно в диалоге Платона «Критон» [7].

В диалоге «Критон» Сократ проводит аналогию между телесным недугом и порчей души под влиянием господствующих мнений, а последние слова Сократа в диалоге «Федон» обращены именно к Критону: «Критон, мы должны Асклепию петуха» [7]. М. Фуко отмечает, что в диалоге «Федон», когда первоначальные доказательства бессмертия души отвергнуты, собеседники Сократа впадают в непреодолимое отчаяние, но диалог возобновляется благодаря Сократу, что позволяет сказать Федону, что «Сократ прекрасно нас исцелил» [9, 90 e]. Даже Сократ говорит собеседникам, что не следует думать, что будто в самих рассуждениях нет ничего здравого, скорее «мы сами недостаточно здравы». Жизнь Сократа — постоянное испытание «риск поддастся ложному мнению», поэтому в благодарность за исцеление от ложного мнения Сократ просит принести в жертву петуха, и это он может сделать только в последний миг перед смертью. Наконец, М. Фуко обращает внимание на то, что Сократ прибавляет еще несколько слов: «Так отдайте же, не забудьте» (буквально — не пренебрегайте). По мнению М. Фуко, тема заботы связывает все платоновские диалоги, которые посвящены описанию последних дней Сократа («Апология», «Критон», «Федон»), а финальные слова Сократа следует принимать как призыв к «заботе о себе».

Список литературы

1. Глухов А.А. Политическая логика Платона // Вопросы философии. 2012. № 5. – С. 157–170.
2. Ницше Ф. Веселая наука, «Умирающий Сократ» / Собрание сочинений. В 2-х т. Том первый М.: Мысль, 1990. –С. 659–660.
3. Платон. VII Письмо / Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 2 / Под. общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; Пер. с древне-греч. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. – С. 562–595.
4. Платон. VIII Письмо / Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 2 / Под. общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; Пер. с древне-греч. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. – С. 596–602.
5. Платон. Алкивиад / Собрание сочинений в 4 т.: Т. I /Общ. ред. А.Ф. Лосева и др.; Авт. вступит, статьи А.Ф. Лосев; Примеч. А.А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1990. 860 с.
6. Платон. Апология Сократа / Сочинения в четырех томах. Т. 1 / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та: «Изд-во Олега Абышко», 2007.
7. Платон. Критон / Сочинения в четырех томах. Т. 1 / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та: «Изд-во Олега Абышко», 2007.
8. Платон. Горгий / Сочинения в четырех томах. Т. 1 / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та: «Изд-во Олега Абышко», 2007.
9. Платон. Федон / Сочинения в четырех томах. Т. 2 / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та: «Изд-во Олега Абышко», 2007.
10. Смирнов А.В. Рождение клиники или Тело через болезнь // Studia culturae. Научный журнал кафедры культурологии; кафедры эстетики и философии культуры; Центра изучения культуры Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. Вып.1. – С. 32–38.
11. Фуко М. Мужество истины. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983–1984 учебном году / Мишель Фуко; пер. с фр. А.В. Дьякова. – Санкт-Петербург: Наука, 2014.
12. Фуко М. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982–1983 учебном году / М. Фуко, Пер.с фр. А.В. Дьяков. – СПб: Наука, 2011 – 432 с.

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В ТРАНСГУМАНИЗМЕ

Введенская Е.В.

ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России

Аннотация: В статье рассматривается, что основной проблемой в трансгуманизме является проблема человека. Трансгуманисты считают, что необходимо расширить и усилить человеческие возможности за счет развития современных NBIC-технологий. В перспективе ими ставится задача преодолеть старение и смерть. Трансгуманисты ожидают цифрового бессмертия постчеловека, мозг которого будет загружен в компьютер. В статье решается вопрос, останется ли человек человеком, утратив свою телесность и привычные свойства.

Ключевые слова: трансгуманизм, постчеловек, генная инженерия, киборгизация, техновид, цифровое бессмертие.

Abstract: In the paper is treated the question that in transhumanism the main problem is the problem concerning man. Representatives of transhumanism think that it is needed to empower man thanks to development of modern NBIC technologies. In the long term, they set the mission of overcoming senescence and death. Representatives of transhumanism wait for a digital immortality for posthuman, whose brain will be loaded in computer. In the paper is resolve the question if man still is a man, even losing his body and habitual characteristics?

Key words: transhumanism, posthuman, genetic engineering, cyborgization, technological shape, digital, immortality.

Термин «трансгуманизм» был предложен биологом Джулианом Хаксли (основателем ЮНЕСКО) в 1957 году. Приставка «транс», как известно, имеющая значение «лежащий за пределами чего-либо», в данном случае обозначает «выходящий за пределы» гуманизма. Макс Мор (американский философ-футурист, основатель Института Экстропии) определяет «трансгуманизм» как интеллектуальное и культурное общественное движение, которое поддерживает стремление к целенаправленному фундаментальному расширению человеческих возможностей, особенно за счет развития и распространения современных технологий, обеспечивающих значительное усиление человеческих способностей [интеллектуальных, физических и психологических], позволяющих избежать старения, болезней и обрести качественно новые возможности [1]. К таким технологиям можно отнести генную инженерию, робототехнику, нанотехнологии, когнитивные технологии изменения человеческих способностей, информационные технологии формирования потребностей человека, медицинские методики, укрепляющие здоровье и увеличивающие продолжительность жизни, позволяющие осознанно трансформировать различные параметры человеческого организма, целенаправленно изменяя их. Трансгуманизм развивает идеи

преобразования человеком своей природы, перспективы выхода человека за свои собственные пределы и достижения человечеством такого этапа в своём развитии, как постчеловечество. Согласно идеологам трансгуманизма, человек будущего — постчеловек — будет радикально отличаться от современного человека, обладая сверхразумом и новой телесностью. Постчеловек будет сам осуществлять автоэволюцию, управляя своими психическими, качественными и когнитивными способностями, максимально расширяя свои возможности. Наделенный сверхразумом, новой телесностью и бессмертием искусственно созданный постчеловек будет радикально и неузнаваемо отличаться от человека.

Главной задачей для трансгуманистов является достижение бессмертия человека как на биологическом, так и на уровне мемокомплекса или мемотипа. Мемотип [по аналогии с генотипом] рассматривается как возможность быть потенциально вечным при условии умения загружать информацию в компьютеры и их сети. «Таким образом, сознание человека может продолжать жить своей жизнью неограниченно долго, в независимости от судьбы его исходной биологической основы, его оболочки-тела» [2]. В будущем, идеологи трансгуманизма видят идеал бессмертного постчеловека в гибриде человека и машины, т.е. в киборге. «Цель трансгуманизма — перегрузить содержание человеческого сознания в обширную компьютерную сеть и посредством этой сети обрести своего рода развоплощенное, но обладающее разумом бессмертие» [3]. Поскольку загрузка сознания в компьютер на сегодняшнем уровне развития техники невозможна, трансгуманисты обращаются к конкретным, реальным целям. Можно сказать, что медицинские и фармакологические манипуляции с телом и сознанием являются своего рода подготовительным этапом, апробацией возможностей будущего более эффективного взаимодействия человека с машиной, их взаимопроникновения и сращивания. Так, уже сегодня вполне реально расширять возможности человека до сознательного контроля над собственными мыслительными, эмоциональными и психическими процессами с помощью использования ноотропных препаратов и антидепрессантов.

Как было сказано выше, использование средств психофармакологии для улучшения когнитивных способностей человека лишь первая ступень, ведущая к формированию человека будущего. Трансгуманисты считают, что человек сначала превратитсяв трансчеловека (переходного человека), использующего все имеющиеся возможности для самоулучшения. Признаками трансчеловечности, по их мнению, являются: улучшение тела имплантантами, бесполость, искусственное размножение и распределенная индивидуальность. На место транслюдей в будущем придут постлюди. Постчеловек — это потомок человека, модифицированный до такой степени, что уже не является человеком. Для появления такого человеческого существа уже недостаточно одного психофизиологического воздействия. Здесь требуется кардинальное изменение всей структуры человека. И ме-

дицина будущего с ее способностью вмешиваться в геном человека призвана будет обеспечить возможность появления постчеловека. Однако перспективы столь глубочайшего вмешательства в органическую и психическую структуру вызывают серьезные опасения. Так, американский психолог Д. Палмер пишет: «Мозг/организм каждого индивидуума — это продукт личного онтогенеза, взаимодействующий с генами, которые являются наследием тысяч миллионов лет эволюции. Мы находимся на грани глубочайшего, наиболее обширного вмешательства в настройку нашей психики и органики, которое когда-либо предпринималось. Эти вмешательства являются настолько проникающими и всеохватывающими, что самые экстенсивные из нынешних химических и хирургических методов лечения покажутся по сравнению с ними всего лишь косметическими изменениями. Принимая во внимание случайности личного онтогенеза, наш организм и поведение можно в итоге свести к трем миллиардам парных нуклеотидных оснований, которые составляют наш геном. Способность непосредственно влиять на этот геном представляет собой наиболее значимую технологическую инновацию, которую когда-либо осуществлял наш вид» [4]. Трансгуманист Евгений Шумилов, полагая, что мозг человека — «конечный, завершенный продукт», считает, что его дальнейшее усиление возможно только с изменением «конструкции», и это не фармакология, а генная инженерия, а еще лучше — киборгизация [5].

Позиция трансгуманизма сводится к отрицанию реальных свойств человека и замене их биотехническими характеристиками. В перспективе такие человеческие качества, как болезни, старческие немощи, недостаточный объем памяти, ограниченность выносливости, физических и интеллектуальных способностей, будут преодолены, что «преобразит» сущность человека до неузнаваемости. Развитие технологии генотерапевтического вмешательства в зародышевую линию приведет кпоявлению постчеловека. Современные биомедицинские технологии, базирующиеся на РНК-интерференции, дают генным инженерам возможность изменять молекулу ДНК, генокод, генотип, телесность и нейросистему, делая их «редакторами» биологической судьбы человека. Таким образом, при помощи генной инженерии можно будет получать потомков с улучшенной внешностью, умственными и физическими способностями, характером и поведением. Так, Дэвид Пирс, один из основателей Всемирной трансгуманистической ассоциации (ВТА), говорит, что «с одной стороны, мы осуждаем программистов, которые создают компьютерные вирусы и наводняют сеть повреждённым программным кодом. С другой стороны, повсеместно передаём собственный повреждённый программный код из поколения в поколение — а именно, летальную генетическую болезнь [старение] и предрасположенность к психическим расстройствам, депрессии и другим нехорошим продуктам эволюции. При достаточном развитии репродуктивной медицины, почему бы нам не стать более ответственными родителями? Почему бы не спла-

нировать долговременное генетическое здоровье и счастье будущих поколений?». Предвидя такую возможность, он продолжает: «По мере того, как технологии всё больше совершенствуются, почему бы нам не заменить жестокую генетическую рулетку природного отбора генетически программируемым сверхсчастьем, сверхдолгой жизнью и суперинтеллектом?» [6]. К основным морально-этическим аргументам против генотерапевтического вмешательства в зародышевую линию относится право человека на сохранение и передачу потомкам неизменённого генома. Многие исследователи полагают, что передача трансгена по наследству может привести к засорению генофонда искусственными генными конструкциями или к внесению мутаций с непредсказуемыми последствиями вплоть до гибели человека как вида. К современным этическим аргументам относят и сложность проведения грани между нормой и патологией, между полезными и вредными признаками. При этом очевидно, что ответственность за изменение генетической природы человека превышает пределы ответственности врача по генной терапии.

Огромную опасность представляет реальная угроза манипулирования человеческими генами с целью создания детей с наилучшими умственными и физическими возможностями, так называемых «дизайнерских младенцев» по заказу родителей, что приведет к трансформации самой природы человека, его подлинной сущности. «Трудно даже вообразить, как сильно подобные эксперименты могут повлиять на само наше представление о том, что значит быть человеком» [7]. Существует также реальная опасность, что вместо понятия «здоровье» может появиться понятие «генетическая норма». Вместо понятия «болезнь» введут понятие «неполноценная жизнь», в которое будут включать не признаки заболевания, а признаки, не принимаемые индивидом или обществом. В понятие болезни может войти особая группа недостатков рождения — низкорослость, низкий коэффициент интеллекта, склонность к депрессиям, а также «особенности индивидуума в рамках нормального развития человека», что сейчас заболеваниями не считается [8]. Философ-трансгуманист Ник Бостром, говоря об этичности генной инженерии зародышевой линии человека, отмечает, что потенциальных выгод здесь несравненно больше, чем возможных негативных последствий [9]. Рожденный с помощью генной инженерии ребенок будет свободен от серьезных генетических заболеваний, избавлен от ненужных страданий, будет иметь развитый ум, чтобы быстрее учиться, и обладать устойчивой иммунной системой. Родители не будут относиться к своим заказанным детям как к вещам (что должно быть весьма вероятным), а будут их еще больше любить и уважать, ведь они будут здоровее, красивее и лучше, чем обычные дети. Трудно с этим поспорить, однако стоит заметить, что «здоровее и красивее» не тождественно «лучше». «Более здоровые» не значит «более счастливые». «Более умные» не защищены от преступных склонностей ума. Кроме того, очевидно, что генетическое улуч-

шение зародышевой линии человека будет доступно только обеспеченным людям, что может привести к еще большему расслоению общества. Человечество будет поделено на людей, улучшенных, обладающих повышенными возможностями, и обычных, «второсортных», сознающих свою неполноценность (по сравнению с улучшенными субъектами) и униженное положение. Решение этой проблемы Ник Бостром видит в осуществлении государственного субсидирования низших классов на генное улучшение потомства. Но реально ли это, если в США неимущие люди практически не имеют доступа просто к качественному медицинскому обслуживанию? Трансгуманисты считают, что генетические модификации человека надо начинать с увеличения продолжительности жизни, улучшения памяти и интеллектуальных способностей. В будущем, благодаря дальнейшему генетическому улучшению, будет много форм и видов «человека», в том числе те, которых пока нет. Как пишет Н. Бостром, «цель трансгуманистов состоит в том, чтобы дать людям возможность продолжить развитие самыми различными способами, в том числе такими способами, которые позволят эволюционировать в такие виды человечества, которые мы сейчас имеем» [10]. Здесь идет речь о морфологической свободе человека, который, по своему желанию, сможет выбирать для своих детей «форм-фактор», добавляя им не только улучшенные когнитивные и физические способности, но и способности, несвойственные человеческому виду, такие, например, как дышать под водой, летать, добывать энергию для фотосинтеза или впадать в спячку. Трансгуманисты отстаивают право человека на когнитивную и морфологическую свободу, что отражено в декларации международного трансгуманистического движения [11]. Возникает вопрос: не направлено ли такое усовершенствование человека, при котором он сможет обладать совершенно не свойственными ему качествами, на уничтожение физической и биологической сущности человечества? Здесь тенденция снятия биологического техническим выходит на первый план.

Радикальная генная модификация биологической природы человека, по чаяниям трансгуманистов, является лишь этапом в дальнейшем развитии человеческой автоэволюции, когда должен будет осуществиться синтез человека и машины, путем внедрения в тело и мозг искусственных имплантантов и чипов. Большее предпочтение трансгуманисты отдают цифровому бессмертию, то есть сохранению мозга человека и внедрению его в компьютер. Компьютерные технологии способны расширить интерфейс «мозг — машина». Бессмертный постчеловек являет собой гибрид человека и машины, т. е. киборга. Формирование киборга — это двусторонний процесс: с одной стороны, машинные элементы внедряются в человека («актуальная киборгизация»); с другой стороны, — человек погружается в мир машины, киберпространство («виртуальная киборгизация»). «Первый процесс — вживление в тело и мозг всевозможных компьютерных имплантатов, чипов: от уже применяемых «биомехатронных» протезов разных

органов, до устройств, усиливающих физические, сенсорные, когнитивные способности человека, и далее — к перспективе, когда участки мозга заменяются машинными элементами. Второй процесс не кажется столь революционным, но, как указывают психологи, выключая человека из актуальной реальности, он обладает потенциально более глубоким воздействием и, в частности, эффективно разреживает, раздробляет социальную фактуру» [12]. Затем с помощью нанотехнологий создаются трехмерные виртуальные пространства с полной сенсорной иллюзией пребывания в них. Постчеловек сливается с виртуальной средой. Этот процесс Рэймонд Курцвайль, известный американский программист и футуролог описал еще в 1999 г.: «Ваши нейронные имплантаты обеспечат симулированный сенсорный ввод виртуальной среды и вашего виртуального тела непосредственно в ваш мозг. Типичный «веб-сайт» будет виртуальной средой, воспринимаемой без всяких внешних устройств. Вы мысленно делаете выбор и входите в выбранный вами мир» [13]. Далее человек должен преодолеть зависимость от тела, освободившись от него и загрузить себя в компьютер. Цифровое бессмертие принесет с собой множество серьезных проблем. Так, ощущения помещенного на компьютерный носитель разума будут радикально отличаться от того, что ощущал бы его человеческий аналог. Осознавать себя такое сознание сможет, но развиваться, как развивался бы человек, скорее нет. Помещенное в чуждую среду сознание начнет «мутировать» и возможно, что через некоторое время оно потеряет большую часть своих человеческих качеств. Загруженные в сеть постлюди смогут видоизменять свою сущность, добавляя, или удаляя из нее часть информации, изменяя этим коэффициент собственной индивидуальности и, также, смогут размножаться необычайно быстро, например, копируя сами себя. Трансгуманисты говорят и о возможности топологической версии разума, т.е. без конкретного носителя, когда разумным будет все окружающее пространство. В итоге «расчеловеченный вечный разум» аннулирует полностью индивидуальную человеческую сущность. Человек, согласно трансгуманистам, уходит в прошлое как биовид и переходит в будущее как техновид. Человек сам конструирует себя, определяя свою физическую, психическую и когнитивную качественность. Граница между реальным и виртуальным в сознании постчеловека стирается, исчезает не только его телесность, но и подлинное индивидуальное «Я». Без души, без надежд, страхов, радостей и смыслов, бессмертный постчеловек полностью потеряет самоидентичность, превратившись биоробота, лишенного всего человеческого. В духе трансгуманизма рассуждает российско-американский ученый, доктор технических наук, профессор, специалист в области авиации, космонавтики, математики и компьютерной техники, Александр Болонкин, убеждённый, что бурное развитие компьютерной техники скоро позволит человечеству достичь бессмертия. «Мы привыкли: живое — значит, из белков. Мне же биологическая форма жизни видится лишь одной из ступеней развития,

которая вот-вот сменится электронной» [14]. А. Болонкин редуцирует душу человека к сумме хранящейся в памяти информации. «Информацию, поступающую в память каждого человека, уже сейчас можно начать переписывать на микрочип. Умирая, человек уносит с собой в могилу почти всё, что создал его мозг за десятилетия. Компьютерная техника, удваивающая свои возможности каждые два-три года, скоро позволит перенести душу человека на микрочип. А уж приделать к нему органы восприятия [глаза и уши] и исполнительные органы [руки и ноги], как говорится, дело техники» [14]. Таким образом, мы видим, что как справедливо когда-то сказал О. Шпенглер: «Воцаряется мозг, так как душа вышла в отставку» [15]. Не вызывает сомнений, что у постлюдей не будет души — с её эмоциями, страстями, интуицией, волей и способностью к сопереживанию, вместо этого, они будут обладать сверхразумом. Люди превратятся в настоящих «Животных Космоса», в совершенные организмы, малочувствительные к радостям и страданиям, о которых грезил еще отец космонавтики Э.К. Циолковский, которого трансгуманисты называют своим предтечей.

Очевидно, что проблема человека является центральной в трансгуманизме, а именно проблема преодоления человеческого в человеке. Трансгуманистический подход к человеку сближается с подходом знаменитого немецкого философа Ф. Ницше. «Человек есть нечто, что должно превзойти. Что сделали вы, чтобы превзойти его? Все существа до сих пор создавали что-нибудь выше себя; а вы хотите быть отливом этой великой волны и скорее вернуться к состоянию зверя, чем превзойти человека? Что такое обезьяна в отношении человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором», — писал Ф. Ницше в «Так говорил Заратустра» [16]. Ницше, который констатировал «смерть Бога», считал, что на место Бога должен прийти «сверхчеловек», обладающий мощью и волей, который сам творит себя. Человек — то, что преодолевается, а «сверхчеловек» — то, что создается вместо него. Но если «сверхчеловек» для Ницше является метафизическим идеалом, то в трансгуманизме он приобретает реальные черты бестелесного сверхразумного постчеловека, навсегда утратившего человеческие качества в виртуальности.

Список литературы

1. http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/276/94/
2. http://anthropos.narod.ru/transhumanism.html
3. Peters T. The soul of trans-humanism // Dialog. A Journal of Theology. 2005. V.44[4]. P. 384.
4. Палмер Д., Палмер Л. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens. М., 2003. С. 201.
5. http://www.kommersant.ru/doc/991797
6. http://www.hedweb.com/transhumanism/russian.html

7. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. http://lib.rus.ec/b/185580/read
8. Клопфер М., Кольбе А. Основы этики. Учебное пособие. http://www.twirpx.com/file/128789/
9. http://www.nickbostrom.com/ethics/genetic.pdf
10. http://www.hedweb.com/transhumanism/russian.html
11. http://humanityplus.org/philosophy/transhumanist-declaration/
12. Хоружий С. Проблема Постчеловека, или Трансформативная антропология глазами Синергийной антропологии. http://lib.rus.ec/b/295052/read
13. R.Kurzweil. The age of spiritual machines. London, 1999. P.182.
14. http://www.aif.ru/techno/article/39036
15. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. – М., 1993. – 540 с.
16. Ницше. Ф. Так говорил Заратустра. http://nitshe.ru/zara1-03.html

ЧЕЛОВЕК В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Шишков И.З.

ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России

Аннотация: В статье предпринята попытка реконструировать отчужденное положение человека в современной культуре на основе оригинальных текстов Ж.Ж. Руссо, И. Канта, А. Шопенгауэра, Фр. Ницше, Э. Фромма.

Ключевые слова: отчуждение, разум, культура, неравенство, человек, воля, прагматизм, общество потребления, модус иметь, модус быть.

Abstract: In the paper is made an attempt to remodel the estranged status of man in modern culture on the basis of J.J. Rousseau's, I. Kant's, A. Schopenhauer's, F. Nietzsche's and E. Fromm's works.

Keywords: alienation, reason, culture, inequality, man, will, pragmatism, consumer society, to have, to be.

Положение человека в современном обществе и культуре можно выразить как тотальную отчужденность от всего и вся. Такое его положение отмечалось некоторыми европейскими интеллектуалами еще задолго до формирования современной культуры — культуры модерна и постмодерна — на заре зарождения буржуазных отношений и великих монархий. Первым среди них был великий «женевский гражданин» Жан-Жак Руссо (1712–1778), антропология которого основана на вере в природную доброту человека и идее развращенного влияния культуры: развращенный культурой и отчуждающим его обществом, человек потерял свою изначальную (природную) целостность. Как известно, еще в пору своей зрелости, расцвета жизненных сил Руссо принял участие в конкурсе с рассуждением на тему, предложенную Дижонской Академией «Способствовало ли воз-

рождение наук и искусств очищению нравов?» (1750). Безусловно, на этот вопрос с просветительской позиции мог быть дан только положительный ответ. Однако, как гром среди ясного неба, прозвучал ответ Руссо: «Наши души развратились по мере того, как шли к совершенству наши науки и искусства» [1]. Стало быть, развитие наук и искусств не только не способствует совершенствованию нравов, но, напротив, развращает их. И нравственные вопросы, как отмечал Руссо, «лучше решать по указаниям совести, а не на основе требований просвещенного разума». И далее: «…я никогда не видел, чтобы большое количество знаний содействовало жизненному счастью» [2]. А следующее суждение женевского «одинокого мечтателя» вряд ли могло оставить равнодушным его недругов-просветителей: «состояние размышления — это уже состояние почти что противоестественное… человек, который размышляет — это животное извращенное» [3]. Стало быть, человек, по мнению Руссо испорченное, извращенное животное в силу своей способности размышлять. Именно ум развращает человека. «Горе от ума»! (как по классику). Чем же можно объяснить эту, по сути, антипросветительскую позицию Ж.Ж. Руссо? Эта на первый взгляд странная для просветителя Руссо позиция находит свое вполне разумное объяснение в идее женевского мыслителя о противоречивости прогресса. Руссо убедительно показал, что уже в самом начале человеческой истории произошло столкновение животного, естественного состояния с состоянием цивилизованным, культурным. Стало быть, культурное, цивилизованное развитие человечества не отвечает его природному, естественному состоянию, т.е. оно носит отчужденный характер. Из-за этого неизбежного противостояния культуры и природы человечества как физического рода возникло зло. Руссо считает, что все люди своей деятельностью привели себя к несчастьям и страданиям. Страсти людей порабощают их и причиняют им зло. В своей книге “Эмиль, или о воспитании» он формулирует основной тезис: «Человек! Не ищи иного виновника зла; этот виновник — ты сам». Этот знаменитый трактат начинается со следующей строки: «Все выходит хорошим из рук Творца, все вырождается в руках человека» [4]. Великий моралист исходит из того, что с тех пор, как науки и искусство «обтесали наши манеры и научили наши страсти говорить готовым языком, наши нравы, бывшие до этого грубыми и простыми, но естественными — они были таковыми, когда люди были невинны и добродетельны — стали обманчивыми и однообразными. «Человеческая природа, в сущности, — отмечает в этой связи Руссо, — не была лучшею, но люди видели свою безопасность в легкости, с какой они понимали друг друга, и это преимущество, ценности которого мы уже не чувствуем, избавляло их от многих пороков» [5]. По мнению Руссо, с момента «обтесовки» наших манер цивилизованными нормами людьми овладела неуверенность, за которой потянулась вереница пороков: исчезла искренняя дружба, настоящее уважение, доверие. Под коварным обличьем вежливости, под хваленой благовоспитанностью, которой люди обязаны

просвещенному веку, скрываются на самом деле невежество, подозрения, недоверие, страхи, холодность, ненависть, клевета и иные бесчестные пороки. Развращение человеческих душ, исчезновение добродетелей началось, по мнению Руссо, по мере его культурного развития. Уже в древних культурах Египта, Греции, Рима, Византийской империи царили разврат и испорченность, а с тех пор, как начали появляться ученые, «добродетельные люди сокрылись» [6]. Эти человеческие пороки стали наказанием для людей за их попытки выйти из неведения, в которое погрузила их вечная Мудрость. Природа хотела уберечь людей от знания и все тайны, которые она скрывает от людей, — это беды, от которых она их ограждает. Общий вывод из своих рассуждений Руссо формулирует так: «Люди испорчены; они могли бы быть еще хуже, если бы имели несчастье родиться учёными» [7] Раскрывая источники человеческих знаний, Руссо заключает, что «науки и искусства…обязаны своим происхождением нашим порокам». [8] Так, астрономия родилась из суеверий, красноречие — из честолюбия, ненависти, лести, лжи; геометрия — из скупости, физика — из праздного любопытства, а все они месте и даже сама мораль — из человеческой гордыни. Порочное происхождение наук и искусств становится очевидным, если оценивать их с точки зрения результатов, к которым они приводят. Рожденные в праздности и людском тщеславии они, в свою очередь, питают праздность, пустое времяпровождение — вот их вред, который они наносят обществу. Но еще большим злом является роскошь, которая редко обходится без наук и искусств. Неизбежным следствием роскоши оказывается распущенность нравов, которая, в свою очередь, ведет к испорченности вкуса. Успехи наук искусств ничего не прибавили к истинному человеческому счастью, напротив, они испортили человеческие нравы — таков окончательный вывод женевского «одинокого мечтателя». Стало быть, культура со всеми своими преобразованиями в научной и художественной сферах всё более и более удаляла человечество от идеального состояния. Руссо объявил культуру корнем того зла, которым болеет общество. Для него дальнейшее движение культуры — причина всей человеческой испорченности. Нет для человека спасения кроме как в естественном состоянии, и сословие, которое больше всего содействует развитию культуры, сословие ученых, — есть источник и средоточие всей человеческой нищеты и испорченности. Он противопоставил идеал золотого века человеческой культурной жизни. Именно культура вырвала человека из его блаженного природного состояния. Несмотря на развитие наук и искусств ничто на свете не стало лучше, человек не стал счастливее несмотря на то, что общество цивилизуется, оно не стало от этого справедливее. Развращенное более чем когда-либо общество держалось лишь путем обмана. И заслуга Руссо в том, что он разоблачил этот обман. Всем этим «гражданин Женевы» бросил вызов своему веку — веку Просвещения: «всемогущий Боже, избавь нас от просвещения» [9]. В этом заключалась его противополож-

ность Просвещению. Он показал, каким образом все приобретения науки и усложнение жизни, вытекающее из культуры, сделало человечество не более счастливым, а более несчастным. Всем этим Руссо окончательно отходит в своих воззрениях от друзей — философов: вопреки материалистам Д. Дидро и П. Гольбаху он верит в нравственную природу [природную доброту] человека и своим «Эмилем, или О воспитании» показал, как её можно сохранить в отчужденной культуре; вопреки сенсуалистам Ж. Ламетри, Э. Кондильяку и К. Гельвецию он отстаивает дуализм «дух-материя»; вопреки рационалистам открыл Европе красоту и благородство чувств, огромную силу эмоциональных переживаний, утвердив тем самым предпочтение сердца разуму и несостоятельность одного лишь «голого» разума. Но Руссо не удовлетворяется констатацией несчастья человека, он пытается вскрыть причину такого бедствия и находит её в неравенстве людей, которое и есть источник всего зла. А потому главный вопрос, волновавший его более всего, был вопрос: как преодолеть вред, приносимый человеку социальный неравенством.

По мнению Руссо, основным могущественным рычагом социального неравенства людей со времени Возрождения стало образование. Женевский «одинокий мечтатель» показал, как уже первые ступени культурного прогресса содействовали тому неравенству, из которого и возникло несчастье. Каждый шаг, посредством которого человечество возвышалось над природным состоянием, приводил к росту неравенства, порождаемого общественными установлениями в ходе последующего развития человеческого ума. Женевскому «одинокому мечтателю» удалось убедительно показать, что неравенство, почти ничтожное в естественном состоянии, усиливается и растет за счет развития человеческих способностей и успехов человеческого ума и становится, наконец, прочным и узаконенным в результате установления собственности и законов.

Среди видов неравенства Руссо различал:

1) физическое, или естественное (оно установлено природою и неизбежно и состоит в различии возраста, здоровья, телесных и умственных сил, но в естественном состоянии людей сказывается мало;
2) политическое (оно устанавливается с согласия людей, заключающееся в различных привилегиях, которыми некоторые пользуются за счет других, а именно: в сословном положении и выгоде правовых привилегий: «перед бедняком заперты все двери»);
3) имущественное.

Этими рассуждениями о неравенстве Руссо предвосхитил тот феномен, который был назван в последующем отчуждением. Он выделяет следующие формы отчуждения:

1) социально-экономическое (оно проистекает от различия собственности);

2) моральное (стремясь жить «лучше», люди ввергают себя в нравственное оскудение);
3) психологическое (по мере развития общества людьми овладевает чувство одиночества);
4) общекультурное (лживость и фальшь проникают в искусство и науку и отношения между людьми).

Моральное оскудение произрастает из того, что на смену естественному эгоизму, себялюбию приходит извращенная страсть самолюбия, тщеславного, властолюбивого, кровожадного. «Дикарь живет в себе самом, а человек, привыкший к жизни в обществе, всегда — вне самого себя; он может жить только во мнении других, и, так сказать, из одного только их мнения он получает ощущение собственного своего существования… всё сводится к внешней стороне вещей… всё становится притворным и наигранным — честь, дружба, добродетель и часто даже сами пороки, так как люди, в конце концов, открыли секрет, как с их помощью прославиться… мы обладаем теперь, несмотря на такое обилие философии, гуманности, вежливости и высоких принципов, одною только внешностью, обманчивою и пустою: честью без добродетели, разумом без мудрости и наслаждениями без счастья… не таково изначальное состояние человека… один только дух общества и неравенство, им порождаемое, так изменяют и портят наши естественные склонности» [10]. Моральное оскудение перерастает в опустошенность личности. Психологическое отчуждение «размышляющий отшельник» Руссо очень точно описал, списав его со своего отчужденного одиночества, в котором он оказался за более чем 15 лет до своей смерти, когда он, отвергнутый своими друзьями, отлученный от общества людей и доживавший свои последние дни в уединении, прослыл, по его собственным словам, «настоящим чудовищем, отравителем, убийцей», «извергом человеческого рода»: «И вот я один на земле, без брата, без ближнего, без друга — без иного собеседника, кроме самого себя… Всё кончено для меня на земле… Всё, что вне меня — отныне чуждо мне. У меня нет в этом мире ни близких, ни мне подобных, ни братьев. Я на земле, как на чужой планете, куда свалился с той, на которой прежде жил. Если я что и различаю вокруг себя, — лишь скорбные и раздирающие сердце предметы, и на всё, что касается и окружает меня, не могу кинуть взгляда без того, чтобы не найти там какого-нибудь повода к презрительному негодованию или удручающей боли… Одинокий на весь остаток жизни, поскольку лишь в себе нахожу я утешенье, надежду и мир, я не должен и не хочу заниматься ничем, кроме себя» [11]. Кульминацией отчуждения выступает всеобщий «разлом» культуры. Таким образом, если все успехи человеческого рода беспрестанно отдаляют его от первозданного его состояния, в котором человек пребывал как в раю, то отсюда напрашивается очевидная мысль, что для преодоления всех невзгод, несчастий и страданий человечества как продуктов неравенства людей имеется лишь один выход — возврат к истокам, к

природе, возврат к естественному состоянию, т.е. бежать от всего культурного, рассудочного, к естественному, устремиться от культуры к природе. Философский роман Руссо «Эмиль, или о воспитании» начинается со слов: «Люди, живя в обществе, портят всё хорошее, что было создано природой». Приобретая способность жить в обществе, человек делается слабым, боязливым, приниженным, а его образ жизни, изнеженный и расслабленный, окончательно подтачивает его силы и мужество. Разум порождает самолюбие, а размышление его укрепляет, в силу чего человек отделяется от всего того, что его стесняет и удручает. Дикий человек же по недостатку благоразумия и ума всегда без рассуждений отдается первому порыву человеколюбия, состраданию. Очевидно, что сострадание для дикаря — это естественное чувство, которое заставляло его, не рассуждая, спешить на помощь всем, кто страдает, оно-то и занимает в естественном состоянии место законов, нравственности и добродетели. В общественном состоянии же это чувство пытаются привить силою разума. Всё это свидетельствует о вырождении человеческой природы, в силу чего он оказывается существом злым.

Итак, главная причина вырождения человека, по мнению Руссо, — жизненные удобства, которые человек доставляет себе. Источник всех его несчастий — эта его способность к совершенствованию, которая и вывела его из первоначального, естественного состояния. И если «в одном только инстинкте (курсив мой — И.Ш.), — по словам Руссо, — заключалось для него (человека — И.Ш.) всё, что было ему необходимо, чтобы жить естественном состоянии», то «…в просвещенном уме (курсив мой — И.Ш.) заключается для него лишь то, что ему необходимо, чтобы жить в обществе» [12]. Безусловно, призыв женевского «размышляющего отшельника» «Назад к природе» не следует понимать буквально. Руссо вовсе не призывает к возврату в первобытное состояние (как надсмехался над ним Вольтер): он просто полагал, что движение к худшему бесповоротно. Люди стали злыми, но по природе своей они добры. Зло проистекает не из природы человека — оно заложено в культуре. Культура с её злом есть факт. Человек, рождающийся в обществе, не может вырасти дикарем. Хотя Руссо и идеализировал прошлое, но он прекрасно понимал, что современное ему человечество, испытавшее уже на себе все прелести, комфорт «окультуренной» научными и техническими знаниями жизни, по природе своей уже, извращенной, по сути, не готово отказаться от преимуществ «общественного состояния», тем более что естественное состояние утеряно раз и навсегда. А потому он призывал сохранить «общественное состояние», но дать ему другое направления развития, которое бы позволило устранить вредные последствия предшествующего развития. Поскольку все бедствия человечества были порождены противопоставленной природе культурой, то при таких обстоятельствах следовало придать культуре такой направление, которое бы приблизило её к естественному состоянию.

Призывая вернуться «назад к природе», Руссо имел в виду не от культуры возвратиться к природе, а натурализировать культуру, приблизить её, насколько это возможно, к природе. Отношение Руссо к естественному, «непросвещенному» состоянию может быть выражено так: необходимо не возвращение к грубому состоянию природы, а превращение людей в таких людей природы, которые способны жить в обществе, но в обществе не современном, а идеальном. Идея Руссо о вредном влиянии «просвещенной» культуры нашла свой отклик в умах многих мыслителей, но прежде всего в последнем поборнике великих идей Просвещения — Иммануиля Канта (1724–1804). По словам последнего, подобно тому, как Юм пробудил его от догматического сна в теории познания, Ж.Ж. Руссо, который стал для него «вторым Ньютоном», прервал его догматическую дремоту в метафизике нравов. Именно с «Трактата о человеческой природе» Д. Юма и романа «Эмиль, или О воспитании» Ж.Ж. Руссо началось духовное перерождение Канта и его переход на позицию критицизма. В своих работах «Предполагаемое начало человеческой истории» и «Идея всемирной истории во всемирно-гражданском плане» Кант непосредственно отталкивался от идеи Руссо о неизбежном противостоянии культуры и природы человечества как физического рода и следует целиком его логике рассуждений о вредном, тлетворном влиянии «просвещенного», «окультуренного» разума на нравственное состояние человечества. Как известно, присущий изначально категорическому императиву формализм Кант преодолевает, утверждая, что следовать императиву надо именно потому, что этого требует наш моральный долг, что долг каждого человека есть собственное внутреннее морально практическое совершенство и счастье другого, которые есть одновременно и цель. Стало быть, долг и цель каждого человека — сам человек, во имя которого должны вершиться все дела. «Сделать человека своей целью, — подчеркивает в этой связи Кант, — есть сам по себе его долг» [13]. Ту же мысль, но в развернутой форме мы находим в «Критике практического разума»: «Во всем сотворенном всё что угодно и для чего угодно может быть употреблено всего лишь как средство; только человек, а с ним каждое разумное существо есть цель сама по себе» [14]. Этим положением «прусский мудрец» придал своему учению о нравственности содержательный характер, что и нашло свое выражение в окончательной формулировке категорического императива: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству» [15]. Безусловно, Кант сам прекрасно понимал, что этот категорический императив не выполним в феноменальной [эмпирической] жизни, для которой естественна только этика гипотетических императивов. А интеллигибельный мир, мир человека как ноуменальной личности, к которому только и применим категорический императив, для реального, эмпирического человека остается пока что миром потусторонним, ибо сама жизнь неморальна или, как

справедливо заметил в свое время философ Франкфуртской школы Теодор Адорно, «в неправильной жизни не может быть жизни правильной» [16]. Эти слова, видимо, следует понимать так, что для реализации категорического императива необходимо соответствующим образом организовать человеческую жизнь, общество. Но применительно к современному социальному миру, в котором сама человеческая сущность и культура в целом отчуждены, этика Канта остается всего лишь идеальным нравственным проектом, который, если и может быть реализован когда-нибудь, то только в далеком будущем. И, тем не менее, мысль Канта о том, что человек всегда должен рассматриваться только как цель и никогда как средство, очень актуальна и своевременна для нас, живущих в эпоху научно-техногенной цивилизации. Последняя, как известно, характеризуется, прежде всего, разломом культуры, общекультурным кризисом, господством безличностных технологических структур над живой человеческой деятельностью. А это значит, что человек эпохи постмодерна есть, по сути своей, как его совершенно точно определил Г. Маркузе, «одномерный человек», придаток не только технологических процессов, но и всей созданной им «второй», искусственной, природы: он стал средством для экономики, политики, науки, искусства, морали, права и т.п. Для выхода из этого кризисного, грозящего катастрофой, состояния человечеству остается только один путь — переход на новый цивилизационный уровень, к антропогенной цивилизации, в которой «вторая природа» как средство должна быть подчинена одной единственной и высшей цели — человеку. Высшей и единственной ценностью должен стать Человек. Эта переоценка ценностей, как представляется, должна содействовать осуществлению «тайного плана природы» — нравственному совершенствованию человечества, которого, как справедливо полагал Кант, человеку так и не удалось достичь в своем культурно-историческом развитии, что объясняется следующим обстоятельством. Если в своем поступательном шествии к совершенству человеческий род действительно прогрессировал, то этого, как правильно считает кенигсбергский философ, нельзя сказать в отношении отдельного человека, который, выйдя из своего естественного, животного состояния, где царило одно добро, сразу же злоупотребил своим разумом тем, что противопоставил себя природе, покинул ее материнское лоно. «История природы, – отмечает Кант, — в … начинается с добра, ибо она произведение Бога; история свободы — со зла, ибо она дело рук человеческих» [17]. Тем самым уже в самом начале человеческой истории произошло столкновение животного, естественного состояния с состоянием цивилизованным, культурным. Формулируя эту мысль, Кант прямо указывает на справедливость в этом отношении позиции Руссо, который в своих сочинениях раскрыл неизбежное противостояние культуры и природы человечества как физического рода. Из этого столкновения возникло зло, и что ещё хуже пороки окультуренного разума [18, с.30]. Итак, прогрессирующая культура уродует естественную при-

роду человека, что, безусловно, губительно сказывается на нравственном состоянии человечества: развитие морали значительно отстает от роста культуры. Подтверждением этой мысли может служить следующий примечательный пассаж из «Идеи всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784): «Благодаря искусству и науке мы достигли высокой ступени культуры. Мы чересчур цивилизованы в смысле всякой учтивости и вежливости в общении друг с другом. Но нам ещё многого недостает, чтобы считать нас нравственно совершенными. В самом деле, идея моральности относится к культуре; однако применение этой идеи, которое сводится только к подобию нравственного в любви к чести и во внешней пристойности, составляет лишь цивилизацию» [19, с. 23].

Безусловно, Кант прав. Действительно, нынешний человек — человек цивилизованный, все его поведение подчинено не морали, а этикету, правила и нормы которого детерминированы внешней мотивацией [среда, сообщество, религия]. Стало быть, он поступает соответствующим образом потому, что этот способ навязывается ему извне. Правда, сам Кант как-то заметил, что если человек в течение длительного времени будет следовать внешним нормам приличия, то он к ним привыкнет, в дальнейшем они войдут в его плоть и кровь, и тем самым его поведение уже будет внутренне мотивировано. Но с этой мыслью Канта трудно согласиться, так как, с моей точки зрения, для перехода от состояния цивилизованности к состоянию моральности необходимо духовное перерождение человечества, которое, в свою очередь, предполагает соответствующее переустройство социального мира. Видимо, только таким путем можно осуществить прорыв от культурности, цивилизованности к моральности, торжеству морали, как и к преодолению противостояния культуры и физической природы человека. В результате мы получим новую — моральную — личность, поведение которой будет определяться внутренней мотивацией, мотивами, исходящими из глубин его души, или, как сказал бы Ницше, её нравственными инстинктами. А это значит, что моральный человек поступает так-то и так-то потому, что иначе он не может. Так нравственный проект, идеал Канта из утопии становится реальностью.

Одним из «великих наследников кантовского престола», получившего свое первое побуждение к философии от Канта, был Артур Шопенгауэр (1788–1860). Как философ современности А. Шопенгауэр предвосхитил культурную ситуацию XX столетия [20, с. 396-398], основные симптомы которой — страх, отчаяние, безысходность, ощущение и осознание конечности человеческого бытия — позволили его ближайшим последователям поставить основной диагноз современной европейской культуре: ее упадок и гибель (О. Шпенглер), трагический её конец («Бог умер!» Фр. Ницше). Логику антропологических рассуждений Шопенгауэра можно выразить вкратце так. Вступая в эту жизнь, каждый из нас исполнен притязаний на счастье и наслаждение, питает надежду на их осуществление. Однако жизнь нас

никогда не может удовлетворить, поскольку она есть не что иное, как простое отображение воли, ее явление, собственная тень, а не вещь в себе. Мы видим, что мир полон горя, вражды, злобы, глупости, абсурда. «Жизнь каждого человека, — пишет Шопенгауэр, — а если ее обозреть в целом, представляет собой трагедию; а рассматриваемая в частности, она — комедия» [21]. Она такова, потому что мир, а, следовательно, и жизнь существует благодаря тому, чего не должно быть. Живя в таком мире, человек рано или поздно начинает понимать, что счастье и наслаждение — это мираж, который, будучи видим лишь издали, исчезает при приближении к нему. В жизни же реальны, напротив, страдание и боль. Как только мы это осознаем, перестаем гоняться за счастьем и наслаждением и начинаем думать, как оградить себя от боли и страданий. Для этого, по мнению Шопенгауэра есть одно надежное средство — не требовать для себя большого счастья и вести одинокое, беспечальное, спокойное, сносное существование. Вполне в духе антиэвдемонистической этики Эпикура звучит следующее утверждение франкфуртского мыслителя: «Истинная ценность существования всякий раз измеряется лишь отсутствием страданий, а не присутствием наслаждений» [22]. К отрицанию волю к жизни человек приходит в результате осознания им того факта, что этот мир есть дело рук какого-то дьявола, который воззвал к бытию твари для того, чтобы насладиться созерцанием их мук. «Жизнь, по существу, — подчеркивает Шопенгауэр, — всегда есть страдание» [23]. Просветленный страданием, которое есть, по сути, предназначение нашего бытия, человек сокрушает волю к жизни, отвращает свою волю от жизни и тем самым освобождается от мира, являющегося лишь её видимостью. Только в умерщвлении воли к жизни человек находит свое спасение: освобождение от страдания и смерти; отвращение воли от жизни кладет конец нашим иллюзиям, избавление от которых позволяет выявить подлинный смысл бытия. Таким образом, наполненная страданиями жизнь есть необходимая предпосылка и условие транс формации воли к жизни и обретения нравственного смысла бытия. Если утверждение воли к жизни имеет в своей основе себялюбие, эгоистические импульсы, то отрицание воли к жизни не есть полное отрицание жизни, самоотрицание, самоубийство жизни. На самом деле оно есть всего-навсего трансформация эгоистических [безнравственных] импульсов в неэгоистические [нравственные], себялюбия — в человеколюбие, высшей формой которого у Шопенгауэра выступает сострадание. Последнее рассматривается им как акт мистического перевоплощения одного «я» в другое «я», когда, по его словам, «я соощущаю, чувствую не моё страдание как своё и всё-таки не в себе, а в другом... Но это предполагает, что я до известной степени отождествился с другим, и, следовательно, упразднилась на мгновение граница между «я» и «не-я»: тогда только обстоятельства другого, его нужда, его горе, его страдания становятся непосредственно моими» [24]. Именно в феномене сострадания Шопенгауэр находит полноту бытия и путь к спасе-

нию: в сострадании осуществляется мистерия перевоплощения нашего «я» в другое страдающее «я». Сострадание освобождает от бремени заботы о собственной жизни и заставляет заботиться о чужом благе, оно позволяет обнаружить в нас самих, в глубинах нашего «я» некое идеальное мерило нашей всечеловечности и всемирности, так что каждый из нас ощущает на себе вину за страдания всего живущего. Принимая вину на себя, тем самым мы «восполняем» несправедливость жизни. В целом можно сказать, что у Шопенгауэра феномен сострадания знаменует собой «переворот воли»: воля отворачивается от жизни и трансформируется в нравственную волю. «Сострадание, — подчеркивает в этой связи Шопенгауэр, — есть единственный источник таких поступков, если они должны иметь моральную ценность...» [25]. И далее: «сострадание, будучи единственно неэгоистичным, есть в то же время и единственный истинно моральный импульс...» [26]. Следовательно, сострадание есть основание морали и источник справедливости и человеколюбия. Подобно тому, как эгоизм является основанием всех безнравственных поступков, сострадание есть основание всех нравственных деяний человека и способ постижения истинного высшего блага.

Подводя общий итог реконструкции антропологисческой парадигмы Шопенгауэра, следует отметить, что ее основополагающей установкой было волевое отношение к миру. Оно нашло своё адекватное выражение в главных мотивах шопенгауэрианства: воля к жизни, страдание, сострадание, скука, боль, отчаяние, одиночество, аскеза, пессимизм, т.е. в те мотивах, которые были и остаются определяющими в духовных исканиях европейского человечества на протяжении всего XX столетия и нач. XXI века. В этом смысле можно сказать, что всей своей философией Шопенгауэр предвосхитил общую картину внутреннего, духовного состояния модернистского и постмодернистского человека, представляющего собой, по существу, гибрид декадента и варвара, который зародился из европейского нигилизма. Последний — главная тема мученических исканий философа-пророка Фр. Ницше.

Фридрих Ницше [1844-1900] — философ, предвосхитивший катастрофу современной культуры и подвергший ее неумолимой критике. Рисуя устрашающую картину современного ему мира, Ницше фактически предвосхищает картину грядущей ему культуры — культуры XX века. Характер современной культуры он определил так: «Вся наша современная культура уже с давних пор движется в какой-то попытке напряжения,... и как бы направляется к катастрофе...» [27]. Это движение к катастрофе сопровождается появлением и развитием нигилизма, означающего «то, что высшие ценности теряют свою ценность» [28] и заменяются ценностями decadence, упадка, нигилистическими ценностями. Что же явилось причиной этого упадка? И хотя крушение современной культуры Ницше видится в том, что образование подменяется пустым знанием, скука заглушается наркотиками и острыми ощущениями, но не это определяет его существо. На самом

деле — это лишь последствия, отголоски величайшего, происходящего в недрах современной культуры события, которого мало кто замечает и о котором лишь немногие ведают: «Бог умер» и «вера в христианского бога стала чем-то не заслуживающим доверия» [29]. От чего умер Бог? Причина смерти бога — христианство. Именно христианство разрушило всякую истину, которой жило человечество до него, прежде всего, разрушило трагическую истину жизни досократовских греков. На её место христианство поставило чистые фикции: бога, моральный миропорядок, грех, искупление, бессмертие. Так что теперь, когда начинает обнаруживаться фиктивность христианского мира, на место фикции не остается Ничего: как только были разоблачены христианские фикции человек провалился в Ничто. Потому нигилизм — закономерный результат всех наших высших ценностей, в нём они находят своё завершение, является необходимой логической и психологической предпосылкой к переоценке ценностей. Задачу переоценки ценностей Ницше выводил из необходимости апробировать ценность морали, для чего он ставит эту ценность под вопрос. Исходной в этом плане является его мысль о том, что мир, в котором живет человек, небожествен, неморален, «бесчеловечен». Человек в течение долгого времени толковал этот мир ложно и лживо, в угоду своему почитанию, а стало быть, в угоду некой потребности, ибо, по словам философа-пророка, «человек — почитающее животное» [30]. Таким образом, человечество уже изначально не находится на верном пути, оно «управляется вовсе не божественно, … напротив, среди его самых священных понятий о ценности соблазнительно господствует инстинкт отрицания, порчи, инстинкт decadence» [31], выражающийся в морали decadence. Последняя, по Ницше, ценится как мораль сама по себе и заключается в безусловной ценности, приписываемой неэгоистическому началу и враждебному всякому эгоизму. В физиологическом плане ослабление и разрушение инстинкта самосохранения свидетельствует о вырождении человеческого организма, в нравственном — о вырождении всего человечества, в рамках которого такие понятия морали как «душа», «дух», «свободная воля», «Бог» теряют всякий смысл, ибо презрение к телу, т. е. к жизни, нарушает равновесие, что и ведет к христианской морали самоотречения. Если мораль «господ» произросла из торжествующего самоутверждения, из обращения к самому себе, то мораль рабов измышляет «злого врага». Исходя из него как антипода, он выдумывает и «доброго» — самого себя. Так, по Ницше, началось восстание рабов морали, в результате которого победила мораль простолюдина, а мораль «господ» была упразднена.

С победой морали рабов наблюдается общее вырождение человека, возникло отвращение к человеку, вызванное тем, что людям «нечего больше страшиться в человеке», который стал «ручным», «пресмыкающимся», посредственным. Позволю себе в связи с этим следующий пространный, но характерный пассаж из «По ту сторону добра и зла»: «Снова появляется

опасность, великая опасность, мать морали… что же должны проповедовать теперь мораль-философы, появляющиеся в это время? Они обнаружат…,что всё идет к близкому концу, что всё вокруг них портится и наводит порчу, что ничто не устоит до послезавтрашнего дня, кроме одного вида людей, неизлечимо посредственных. Одни посредственные только и имеют шансы на продолжение и расположение, — они люди будущего, единственные, которые переживут настоящее; «будьте такими, как они! сделайтесь посредственными!» — вот что повелевает единственная мораль, еще имеющая смысл и находящая ещё уши. — Но как трудно проповедовать эту мораль посредственности!» [32] Посредственный человек стал чувствовать себя целью и смыслом истории, «высшим человеком». Именно в этом нивелировании европейского человека Ницше видит величайшую опасность, в которой таится рок Европы: «вместе со страхом перед человеком мы утратили и любовь к нему, уважение к нему, надежду на него… Вид человека отныне утомляет… Мы устали от человека…» [33]. Обнажив психологические корни христианской морали, Ницше приходит к выводу, что за внешней, казавшейся вполне гуманной формой морализирования христиан кроются, по существу, моральные ценности, природа которых восходит к естественной имморальности. Её истинная природа, как и природа всего живого, выражается в воле к жизни. А это значит, что все наши оценки моральных благ определяются ценностью для жизни, формула понятия которой гласит: «жизнь — это воля к власти»…, она есть выражение форм роста власти» [34]. Но поскольку воля к власти — это инстинктивная воля всего живого, стало быть, все моральные оценки, добродетели «суть физиологические состояния. Все добродетели, в сущности, не что иное, как утонченные страсти и повышенные состояния. Потому все моральные суждения стадной морали как система знаков, в которой находят свое выражение явления физиологического состояния, имеют у Ницше внеморальное происхождение, они находятся по сторону оценок добра и зла. А практикуемая христианско-европейским человечеством мораль, которая была, по сути, историей борьбы морали с основными инстинктами жизни и строилась на основе моральных явлений, оцениваемых критериями добра и зла, есть не что иное, как притворство, лицемерная маска, «увертка» для людей, нищих духом. Им мораль говорит: «ты всё-таки представляешь собою нечто весьма важное». Позволю себе привести следующий характерный пассаж из «Веселой науки»: «Мы, европейцы, вовсе не можем обойтись без того маскарада, который называется одеждой. Не должно ли иметь столь же прочные основания и одеяние «моральных людей», их закутывание в моральные формулы и правила приличия, вся благонамеренная подтасовка наших поступков под понятия «долг», «добродетель», «чувство солидарности», «порядочность», «самоотверженность»? … Европеец одевается в мораль, так как он стал больным, немощным, увечным зверем, имеющим все основания быть «ручным», так как он — почти уродец, нечто недоделанное,

слабое, неуклюжее… Мораль наряжает европейца … во что-то более благородное, более значительное, более импозантное, в «божественное»…» [35]. А если снять этот маскарадный костюм, который именуется моралью, то окажется, что этим моральным людям «присуще жало трусливой, скрытой даже от них самих злобы» [36]. Потому Ницше советует остерегаться таких людей. Если христианская мораль делает ставку на добро, то мораль Ницше — на зло, ибо «…зло есть лучшая сила человека… Человек должен становиться всё лучше и злее» [37]. В этом, собственно, и суть новой морали Ницше — имморализма. Имморализм призван восстановить натурализм в морали и прежде всего естественного, «дикого» [на моральном языке — «злого»] человека, излечить его от «культуры», читай: от морали, которая утвердила преимущество воли к «ничто» перед волей к жизни, иными словами, утвердила принцип жизни: «лучше не быть, чем быть», т.е. отвергла ценность жизни. Предлагаемая в противовес христианской новая мораль — имморализм — предполагает новый тип человека, обозначаемый Ницше как сверхчеловек. Своё учение о сверхчеловеке, вызвавшее множество толков, он вложил в уста «дионисического» Заратустры, истребителя морали. Если человек как вид есть животное, то между ним и сверхчеловеком лежит непроходимая пропасть. Человек как раз и есть мост, переход на пути к цели — сверхчеловеку. Для него человек есть бесформенная масса, материал, безобразный камень, требующий еще ваятеля. Как пишет сам философ-пророк: «Человек — это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, — в канат над пропастью» [38]. Её можно преодолеть, если превзойти человека. В этом Ницше, собственно, и усматривает сущность человека: «Человек есть нечто, что должно превзойти» [39]. Так понимаемый человек есть одновременно и переход, и гибель на пути к сверхчеловеку, который должен стать смыслом земли и человеческого бытия. Нынешний человек — человек толпы, «одномерный человек» — стоит посреди своего пути между животным и сверхчеловеком. Для него «умерли все боги…» [40], у него одна надежда на сверхчеловека, ради которого стоит принести в жертву царство толпы и не щадить своего ближнего. «Великий человек, считает философ-пророк, — тот, который ради своего дела отбрасывает прочь от себя сострадание и умеет сокрушить свое уступчивое сердце: он требует от себя и решается принести в жертву многих и многое для того, чтобы иметь успех самому…» [41]. Трагическое положение человека в мире доводит его до ужасного осознания, что дело, которому он отдал всю свою жизнь, не есть дело правды, а есть дело зла, разрушения, неправды. Слова и идеалы, к которым оперирует человек морали, чтоб утешить себя перед ужасами жизни, не защищают его от действительности. А потому любовь к року, к тому «Вечному Возвращению», на которое обречено человечество — вот формула человеческого величия. Перед лицом необходимости всякая мораль есть ложь. Стало быть, человек не может жаловаться на действительность, «разве всякая жалоба не есть обвинение?» — в а во-

прошает Заратустра. Отсюда вытекает то «поклонение» Ницше пред злом, которым так пугают публику, но которое, в сущности, разделяется всеми людьми. Сила философии Ницше в её реалистичности, почерпнутой из самой жизни. Философ-пророк говорит: «Ты не должен грабить! Ты не должен убивать!» — такие слова назывались некогда священными; перед ними преклоняли колена и головы… Но я спрашиваю вас: когда на свете было больше разбойников и убийц, как не тогда, когда эти слова были особенно священны? Разве в самой жизни нет грабежа и убийства? И считать эти слова священными, разве не значит – убивать саму истину? Или это не было проповедью смерти — считать священным то, что противоречило и противоборствовало всякой жизни?» [42]. В жизни есть зло — стало быть, нельзя его отрицать, проклинать; отрицания и проклятия бессильны. Нужно выбирать между ролью «нравственного» обличителя, против которого весь мир и вся жизнь, и любовью к року, к необходимости, к жизни, какой она является на самом деле. И Ницше выбирает правду жизни, ему противна немощная добродетель, которой учит мораль. Он вынужден оправдывать действительную жизнь с её ужасами, несчастьем, пороками и жертвовать редкими островками «добра» в безбрежном океане «зла».

Осуществленный выше историко-философский экскурс показывает, что уже начиная с XVIII столетия и вплоть до конца XIX в. такие величайшие умы человечества, как Руссо, Кант, Шопенгауэр, Ницше смогли уловить в духовной атмосфере своего времени первые отзвуки грядущей катастрофы. Провидец Ницше так о ней сказал: «Очень вероятно, что и у нас еще есть собственные добродетели, хотя …уже не те чистосердечные добродетели, за которые мы чтили наших дедов… мы, последние европейцы с чистой совестью… Ах, если бы вы знали, как недалеко, как близко уже то время, когда всё будет иначе!» [43]. Мы же, европейцы конца XX и нач. XXI вв. оказались недостойными внуками своих дедов, потеряв веру в добродетель, которая есть не что иное, как чистая совесть. В нашей отчужденной культуре непрерывно нарастает процесс деморализации общества. Сегодня мораль, как и все иные формы общественного сознания, носит отчужденный характер. Поставленный в такие условия современный человек вынужден нарушать общечеловеческие моральные принципы, заповеди: «Не убий!», «Не укради!» и т.д. Казалось бы, действенным противоядием процессу деморализации современного общества должна была стать религия. Великий Ф.М. Достоевский, видимо, заблуждался, провозгласив свою знаменитую максиму: «Если Бога нет, то всё дозволено». Применительно к современной России эта максима звучит абсурдно: после атеистической советской эпохи, бывшей по большому счету высоконравственной, наступает религиозная эпоха постсоветской России, погрязшей в грехе аморализма. Казалось бы, религия, церковь занимает сегодня в жизни россиян значительное место, религиозность стала массовой, но, увы, положительных результатов в деле укрепления нравственных устоев общества это не дало. И это естественно,

поскольку религия, как и вся культура в целом, стала отчужденной, пустой оболочкой. Почти сто лет назад, в 1922 г. на это обратил внимание русский религиозный философ Н.А. Бердяев. В современной культуре, в которой, по его словам, «слишком распространяется жадность к «жизни», … происходит социальная энтропия, рассеяние творческой энергии культуры, …обнаруживается слишком большая воля к новой "жизни», к власти и мощи,… к счастью и наслаждению, всё становится техническим, в ней побеждает техническое мышление, «разум просвещения», но разум этот уже не отвлеченный, а прагматический разум» [44]. Всё в этой культуре подчинено торжеству техники жизни, духовность, бывшая доныне высшим проявлением культуры, становится иллюзией, призрачной. В целом в культуре обнаруживается цивилизаторский уклон в сторону машинности, в которой торжествует техника над духом, прагматизм над романтизмом. Щупальца прагматизма простерлись в нашей культуре столь далеко и глубоко, что под их мощью пал бастион духовности религиозный разум. Последний стал таким же техничным и прагматичным, как и разум в целом. Прагматизация религиозного разума в качестве одного из следствий этого процесса имела глубинное преобразование самой религиозной веры: сегодня она выражает лишь внешний характер религиозности человека. Священники и служители церкви используют для обозначения религиозности большинства прихожан слово «захожане» (так именуют тех, кто захаживает время от времени в церковь для того, чтобы поставить свечку, освятить пасхальный кулич или набрать крещенской воды) [45]. Сегодня сама религия стала прагматической. Утилитарный характер религии стал источникомдуховной опустошенности, охватившей не только прихожан-захожан», но и священнослужителей, которые служат не Богу, а просто «ходят на службу» и с легкой руки которых таинства перестали быть объективным показателем религиозной веры, потеряли свою сакральность (вспомнить хотя бы тотальное освящение всего и вся с целью извлечения выгоды). Другой аспект отчужденного существования современного человека — это то, что Э. Фромм назвал модусом человеческого бытия иметь [обладание], являющимся альтернативой модусу быть. Под этими двумя модусами Фромм понимает «два основных способа существования, два разных вида самоориентации и ориентации в мире, две различные структуры характера, преобладание одной из которых определяет всё, что человек думает, чувствует и делает» [46]. Преобладание одного из них определяется, в конечном счете, природой и характером общества. Социальной основой модуса обладания служит современное общество потребления, в котором человек — «вечный потребитель» и в котором наиболее полно проявляется прагматическая, эгоистическая природа человека. Последняя выражается в неограниченном стремлении человека «потреблять» всё, обладать всем и вся: вещами, другим человеком, знанием и т.д. При ориентации на обладание исключается живая, внутренняя связь между человеком и тем, чем он владеет (об-

ладает), связь между ними чисто внешняя, а именно: она носит исключительно вещный, разобщенный, а не личностный характер. А это значит, что у человека чисто потребительское отношение к вещам, другим людям, знанию, тем самым он сам себя превратил в вещь. В отличие от модуса бытия, основанного на глубоком сопереживании человеком в себе всего, с чем он соприкасается в своей жизни, будь это вещь, знание или другой человек, и на отказе от себялюбия и эгоцентризма, при модусе обладания никак не затрагивается внутренний, духовный мир человека. В познавательном смысле человек общества потребления, рассматриваемый через призму модуса обладания, получает не реальную, а искаженную, иллюзорную картину жизни. Человек оказывается «заброшенным в мир вещей» («вещный мир»), которому он поклоняется как идолам и который правит всем человечеством. Его сознание, мышление принимает превращенную форму, что выражается в переворачивании всего мыслимого с головы на ноги, например, цели и средства: сам человек из цели превращается в средство для техники, политики, права, морали, экономики, образования, медицины, оказывающихся отчужденными от него. У человека с превращенными формами мышления нет подлинного, истинного знания, он не бытийствует в знании, а просто обладает им, что означает, что оно есть нечто чисто внешнее по отношению к нему. Содержание знания не становится частью его собственного мышления, он «становится обладателем некой коллекции чужих высказываний» [47], которая никак не стимулирует его собственные размышления. Если быть более корректным, то он обладает даже не знанием, поскольку знание всегда предполагает понимание и умение проникнуть вглубь вещей, а просто информацией, воспользовавшись которой он в лучшем случае сумеет, если вести речь о студенческой среде, сдать экзамен, но вряд ли сможет разрешить ту или иную жизненную ситуацию. Различие между модусом обладания и модусом бытия в сфере знания Э. Фромм кратко выразил в двух формулировках: 1) «У меня есть знание» и «Я знаю»[48] 2) «иметь больше знаний» и «знать глубже».[49] Рассматриваемый через призму модуса обладания человек, который по своей природе есть существо коллективное с присущим ему стремлением к единению с другими, оказывается в психологическом плане существом тотально отчужденным, он существует в атмосфере абсолютного одиночества, предоставленным самому себе, никому ненужным. Складывающиеся между людьми отношения, например, любви, дружбы, а также формы коммуникации носят чисто внешний характер, они не затрагивают само «нутро», душу человека, и по сути являются «фальшивыми», чисто потребительскими, так как они направлены на взаимное удовлетворение своих эгоистических устремлений, собственнической экзистенциальной сущности. «Для них (для людей – И.Ш.) любовь, — как тонко подметил Фромм, — это, сути дела, эгоизм à deux [50], укрытие от невыносимого одиночества» [51]. Иными словами, люди пользуются друг другом подобно вещами до тех пор, пока могут извлечь из этих

отношений какую-то выгоду, а затем подобно изношенным вещам из-за ненадобности «выкидывают друг друга на свалку». В этих отношениях человек не готов жертвовать собой ради другого человека, у него отсутствует потребность отдавать, делиться с другими, он безразличен в отношениях с другими. По аналогии со знанием здесь дружеские и любовные партнеры стремятся обладать как можно большим числом «друзей», «любовников» вместо того, чтобы быть в настоящей дружбе и любви хотя бы с одним, быть в мистической связи с ним. «В акте любви, — как точно подметил Э. Фромм, — «Я» и «Все» делаются единым и в то же время «я» остаюсь собой — уникальным, отдельным…» [52].

Подводя итог, можно сказать, что, живя в отчужденной культуре, современный человек совершил над собой акт духовного самоубийства. Если в конце XIX в. Ницше констатировал смерть Бога, то XX век — смерть человека. На эту связь между смертью Бога и концом человека указал М. Фуко: «В наше время…утверждается не столько отсутствие или смерть бога, сколько конец человека… между смертью бога и концом человека есть связь: разве не последний человек возвещает о том, что он убил бога…? …поскольку бога убил именно он, он и должен нести ответ за свое собственно конечное бытие; …само его убийство обречено на смерть; новые и старые боги уже вздувают Океан будущего — человек скоро исчезнет. Мысль Ницше возвещает не только о смерти бога, но и…смерти его убийцы…; это возвращение масок… В течение всего XIX века конец философии и предварение будущей культуры были, несомненно, едины с мыслью о конечном человеческом бытии… человек находится на пути к исчезновению» [53]. И далее: «…человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке» [54]. В состоянии разлома культуры, увлекающего человека в бытие вещей, в вещный мир, подлинная экзистенция, как справедливо заметил К. Ясперс, «самобытие утрачивается, заменяясь простыми ролями, которые мы сейчас исполняем» [55]. Мир современной культуры — мир предельно разорванный, исполненный вражды, лицемерия, отчужденный от самого себя, таким же отчужденным от самого себя оказался и современный человек.

Список литературы

1. Руссо Ж.Ж. Рассуждение по вопросу: способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов? //Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты. –М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц,1998. – С. 30.
2. Руссо Ж.Ж. Прогулки одинокого мечтателя. //Руссо Ж.Ж.Избранное. М.: «Терра»- «TERRA", 1996. – С. 562, 595.
3. Русо Ж.Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми. //Руссо Ж.Ж. Указ. раб., –С. 79.
4. Руссо Ж.Ж. Эмиль, или О воспитании. Книга 1. // Руссо Ж. Ж. Избранные сочинения в 3-х тт. Т.3. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1967. – С. 3

5. Руссо Ж.Ж. Рассуждение по вопросу: способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов? //Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты. – М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц,1998. – С. 28.
6. Там же. С. 34.
7. Там же. С. 36.
8. Там же. С. 37.
9. Труссон Реймон Жан-Жак Руссо. – М.: Молодая гвардия, 2015. – С. 108.
10. Руссо Ж.Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми. //Руссо Ж.Ж. Указ. раб., С. 138–139.
11. Руссо Ж.Ж. Прогулки одинокого мечтателя. //Руссо Ж.Ж. Избранное. – М.: «Терра» — «TERRA», 1996. – С. 535, 538.
12. Руссо Ж.Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми. – С. 94.
13. Кант И. Метафизика нравов. //Кант И. Собр. соч. в 8-ми тт. Т.6 — С. 437.
14. Кант И Критика практического разума. // Кант И. Собр. соч. в 8-ми тт. Т.4. – С. 478.
15. Кант И. Основоположения метафизики нравов. // Кант И. Собр. соч. в 8-ми тт. Т.4. – С. 205.
16. Адорно Т. Проблемы философии морали. –М.: Республика, 2000. – С. 5.
17. Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории. //Кант И. Собр. соч. в 8-ми тт. Т.8. – С. 79.
18. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты — М.: Канон-Пресс-Ц, 1998. — 416 с.
19. Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т.8. М.: Чоро 1994. — 718 с.
20. Шопенгауэр, А. Об интересном — Москва: Олимп: АСТ-ЛТД, 1997. — 432 с.
21. Там же, С. 232.
22. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. //Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. – М.: Республика, 1992. – С. 417.
23. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т.1 –М.: Наука,1993 – С. 412.
24. Шопенгауэр А. Две основные проблемы этики. Об основе морали. \\Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. – С. 222.
25. Там же, С. 221.
26. Там же, С.224.
27. Ницше Фр. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. – М.: REFL-book, 1994. – С. 33.
28. Там же, С. 36.
29. Ницше Фр. Веселая наука. //Ницше Фр. Сочинения в 2-х тт., Т.1. – М.: Мысль, 1990. – С. 662.
30. Ницше Фр. Весёлая наука. – С. 667.
31. Ницше Фр. Ecce homo. Как становятся сами собою. // Ницше Фр. Сочинения в 2-х тт. Т.2. – М.: Мысль, 1990. – С. 741–742.

32. Ницше Фр. По ту сторону добра и зла //Ницше Сочинения в 2-х тт. Т.2. – С. 387.
33. Ницше Фр. К генеалогии морали // Ницше Фр. Сочинения в 2-х тт. Т.2. – С. 430.
34. Ницше Фр. Воля к власти… С. 106, 336.
35. Ницше Фр. Веселая наука… С. 673.
36. Ницше Фр. Злая мудрость. Афоризмы и изречения. //Ницше Фр. Сочинения в 2-тт. Т.1. – С. 739.
37. Ницше Фр. Так говорил Заратустра. // Ницше Фр. Сочинения в 2-х тт. Т.2 – С. 208.
38. Ницше Фр. Так говорил Заратустра. С. 9.
39. Там же, С.8.
40. Там же, С.57.
41. Ницше Фр. Посмертные афоризмы. //Ницше Фр. Философия в трагическую эпоху. – М.: REFL-book, 1994. – С. 357.
42. Там же, С.145–146.
43. Ницше Фр. По ту сторону добра и зла. // Ницше Фр. Сочинения в 2-х тт. Т.2., С. 339.
44. Бердяев Н.А. Воля к жизни и воля к культуре. //Бердяев Н.А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – С. 164, 166, 168.
45. Подробнее об этом см.: Михайлова Л.Б. Специфика религиозного сознания в постсоветском социокультурном пространстве. // Эпистемология и философия науки. – Т.53, – №3, 2017. – С. 175.
46. Фромм Э. Иметь или быть? [2-е изд.] – М.: Прогресс,1990, – С. 30-31.
47. Там же, С. 36.
48. Там же, С. 47.
49. Там же, С. 49. – Как не вспомнить в связи с этим знаменитый гераклитовский афоризм: «Многознание уму не научает».
50. Фромм Э. Современное положение человека//Фромм Э. Вы будете как боги: [сборник]. – М.: АСТ,2013. – С. 104.
51. Фромм Э. Искусство быть. – М.: АСТ, 2014, – С. 11.
52. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб.: A-cad, 1994, – С. 402-403.
53. Там же, С. 404.
54. Ясперс К. Введение в философию. Философская автобиография. – М: Канон+РООИ «Реабилитация»,2017. – С. 102.

ОТ ЭВОЛЮЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ К НОВОЙ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ МОДЕЛИ, РАСПАДУ СТРАНЫ И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Ковтюх Г.С.

ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России

Аннотация: Статья посвящена проблеме перехода от эволюционного развития России к распаду страны и строительству нового общества. Рассматриваются вопросы социально-экономического и политического развития России накануне 1917 года. Подготовка революции связана с формированием отечественной интеллигенции.

Ключевые слова: революция, интеллигенция, эволюция, октябрьский переворот, цивилизация.

Abstract: the article is devoted to problem changing development of Russia? from evolution to revolution, questions of economic and social, political development before October revolution and it influence for word civilization.

Key words: revolution, evolution, intelligentsia, October revolution, civilization.

В год 100-летия октябрьской революции в России, уже не стоит вопрос приукрасить или очернить события тех дней, считать это переворотом или революцией. Ученые пытаются понять, почему так произошло, почему Россия и ее народ выбрал такой никому неизвестный на тот момент путь, изменив дальнейшее развитие не только своей страны, но и мирового сообщества. С 1917 по 1991 годы будет существовать социалистическое государство и оставит после себя огромное наследие.

Прошлое для историков неизбежно, однако можно констатировать, что выбранный Россией путь привел к безысходности, свернул поступательное развитие страны на дорогу, в конце которой не оказалось будущего, страна оказалась в тупике. О тупиковом пути развития предупреждали мыслители от Чаадаева до Соловьева и Льва Толстого. Об этом хорошо писал известный русский философ Николай Алексеевич Бердяев в работе «Философская истина и интеллигентная правда»: «… интересы распределения и уравнения в сознании и чувствах русской интеллигенции всегда доминировали над интересами производства и творчества». Чаще всего заранее было волевое решение — отвергнуть, изобличить, уничтожить до основания и создать заново.

В силу особой ментальности нашего общества, идущей от общинного сознания, стремления к общественному добру, к уравнительной справедливости, искажалась любовь к поиску истины. Как известно, революций не бывает без революционеров. Как правило, революции готовит интеллигенция, образованная, интеллектуальная далеко ни самая многочисленная

часть общества, которая чаще всего в оппозиции любому политическому режиму. В генезисе российской интеллигенции огромную роль сыграла та часть интеллектуальной традиции, которая исходила из осуждения существующих порядков: от Александра Радищева до славянофилов в лице Хомякова, братьев Кириевских и далее, до Николая Гоголя и Федора Достоевского. Прогресс, демократия представлялись русской интеллигенции не как результат эволюционного развития и результат проведенных реформ, а как естественное для человека состояние, стремления, реализации которых мешает только самодержавие. Это внушало надежду, что с упразднением социальной верхушки и переходом власти к обиженным, появятся новые приемлемы в управлении государством, приблизится равенство и общее счастье.

В России не было интеллектуальной многовековой традиции, сложившихся научных школ. Русская интеллигенция, вышедшая из дворянства, была интеллигенцией первого поколения. Она хваталась за заимствование западных концепций, которые производили на нее большее впечатление, чем русская действительность, что говорило об оторванности ее от собственной страны. Отсюда признание западных цивилизаций образцом для подражания, восхищения, европеизация. Как, впрочем, и сейчас. Дворянский поэт, помощник статс-секретаря Государственного Совета Алексей Жемчужников, создавший образ Козьмы Пруткова писал:

Все в ком любовь к отечеству сильна
Любовь, которая все лучшее в нем губит
И хочется сказать, что в наши времена
Тот честный человек, кто Родину не любит.

В начале XX века процесс формирование политических партий в России опровергал теорию и практику индустриальных стран. Программы партий почти не оказывали влияние на правительственную политику, они не влияли на процесс управления. Известный историк, специалист по истории политических партий Шелохаев считает, что партийный программы «носили, как правило, абстрактно-теоретический характер и были сравнительно слабо синхронизированы как с общественными потребностями развития страны вообще, так и с интересами различных классов, социальных групп профессиональных страт…». Формирование политических партий происходило не «снизу», а насаждались интеллигенцией «сверху». До 1917 года в России не сложились партии, которые на каком-либо основании можно было считать правящими. В первых Государственных Думах, в период столыпинских реформ на эту роль претендовали Октябристы, но и они превратились в партию оппозиции. Ни одна партия вплоть до февраля 1917 года не имела опыта практического государственного управления. Справедливо заметил А. Сахаров: Правые еще жили как бы в средневековом измерении, либералы в современном европейском, левые в фантастической и утопи-

ческой устремленности в будущее, т все они в нереальном, нероссийском мире». (Сахаров А.Н.//Отечественная история — №5, 2007).

Само понятие революция уходит в Античность. Так, известные греческие философы Платон в «Республике», Аристотель в «Политике» использовали термин «statis» близко соответствующий понятию революция, так как он обозначал общественный беспорядок. Аристотель вкладывал три понятия: незаконное и насильственное низвержение правителя, изменение институтов общества или конституционного строя, изменение форм правления. Если обратиться к латинскому языку, то термин «революция» означает «поворот назад», «возвращение», что не соответствует происходящим событиям. До Великой Французской революции термин революция не использовался в современном значении. По-новому подошел к революции Карл Маркс, соединив в своей теории революцию с учением об общественно-экономических формациях, доказав, что переход от одной к другой происходит только революционным путем. Социальная революция должна включать прогрессивный скачок в развитии производительных сил и производственных отношений, переход власти к новым общественным отношениям. Маркс пришел к выводу о бесперспективности капитализма и неизбежности революции, которая приведет к социализму, передаст власть из рук буржуазии и подконтрольных ей политиков в руки рабочего класса. За год до своей смерти, он пришел к выводу, что «Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе» (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, тт. 19–20) и даже выучил русский язык.

В.И. Ленин разрабатывает теорию революции в едином понимании сначала на 1/6 суши, а затем гораздо шире. Он считал Россию самым слабым звеном в системе империализма, отечественный империализм он считал военно-феодальным, отечественную буржуазию неспособной бросить вызов самодержавию и трансформировать развитие России по капиталистическому пути. Он говорил о благоприятных условиях революции в нашей стране: высокий уровень концентрации производства и государственного контроля над ним. В случае победы революции это облегчало контроль над экономикой. Ленина вдохновляла высокая концентрация пролетариата, как движущей силы революции в крупных городах и то обстоятельство, что у нас фактически не было «аристократической верхушки» пролетариата, поэтому рабочий класс был не восприимчив к оппортунизму, под которым понималась прежде всего борьба за экономические права в рамках легальности. (Ленин В.И. Полн. собр. соч., тт. 15–16). В феврале 1917 года в России произошла, по мнению большевиков, была буржуазной, то есть внутриформационная, поэтому в Октябре потребовалась еще одна революция, выполнившая роль локомотива истории и стала социальной, так как положила конец капитализму в России и открыла для всего мира путь в коммунистическую формацию.

Макс Вебер говорил, что революция — это «не только праздник униженных и оскорбленных, но и кровавый карнавал». О судьбах революции, предупреждали многие мыслители эпохи Великой Французской революции и причины революций видели не в действии объективных законов истории, а в несовершенстве человеческой природы. Психологию масс в период революции знаменитый русский социолог Питирим Сорокин объяснял «ущербностью главных инстинктов у значительной части общества, к ним он относил рефлексы самосохранения и физические потребности в жилище, еде, собственности, самосохранении. Следует отменить, что Россия достаточно устойчивое государство, которое в своей более чем 1000-летней истории только четыре раза переживала разрушение традиционных форм существования, теряла огромные территории, отбрасывалась назад, прежде всего в экономическом развитии, несла огромные человеческие жертвы и терпела приношение новых мировоззренческих ценностей. И это не всегда было связано с внешнеполитическим фактором. В XIII веке произошло завоевание раздробленных русских княжеств монгольскими войсками. В XVII веке не только внешние, но и внутренние причины, обусловленные борьбой за престол, Смута, привели к власти поляков. Революция 1917 года, Гражданская война, колоссальные жертвы, установление нового политического режима, поворот колеса истории к строительству коммунистического общества 1991 год — переход от СССР к новой России, сопровождающийся катастрофическому экономическому обвалу, крушению советских ценностей, провалу геополитики. Эти крушения А. Ахиезер, И. Клямкин и И.Я. Яковенко назвали «катастрофой российской истории» и связали с гибелью Киевской, Московской, Романовсклй и Советской государственности. (Ахиезер А, Клямкин И., Яковенко И. История России. Конец или новое начало: – М.,2005. С. 380–382).

Большевики, пришедшие к власти в 1917 году и открывшие путь к установлению диктатуры сначала одной партии, а затем одного человека, часто вспоминали в своих теориях и обосновывая их говорили о народе. Но исторический опыт показывает, что даже в самом демократическом обществе, народ является исполнителем, орудием в руках вдохновляющего и направляющего меньшинства. Так, Петр Струве писал: «Явление русской революции объясняется совпадением того извращенного идейного воспитания русской интеллигенции, которое она получила в течение всего XIX века, с воздействием мировой войны на народные массы: война поставила народ в условия, сделавшие его восприимчивым к деморализующие проповеди интеллигентских идей» (Струве П. Исторический смысл русской революции и национальные задачи. С. 37–35). Кстати, Струве не обвинял царизм в революции и не считал его виновником.

В первые годы Советской власти, когда еще в правящих кругах была сильна идея мировой революции и параллельно шло признание СССР миро-

выми державами, оценка революции, научная интерпретация и концептуализация проводились Западными учеными, советологами в СССР до конца 80-х годов XX века довольствовались смягченной марксистско-ленинской интерпретацией. Советологи трактовали происходящие изменения пессимистически. Заговорщики, свержение царя, предательство императрицы, Григорий Распутин, нежизнеспособный строй при безвольном правителе. Несколько другую оценку дал У. Черчилль: «Несмотря на ошибки большие и страшные — тот строй, который в нем воплощался (В Николае II — замечание автора) к этому моменту выиграл войну для России. Действия теперь осуждают, его память порочат. Остановитесь и скажите, а кто другой оказался пригоднее». Если посмотреть на факты, то растущие города повлекли за собой увеличение расходов на образование и здравоохранение в начале XX века. Так, за 1885–1913 гг. расходы на здравоохранение составили с 54 до 410 млн., 2 процента ВВП и это в 1,5 раза Россия уступала вложениям в эту отрасль правительств развитых индустриальных стран. Врачебно-санитарное дело и борьба с предупреждением эпидемий в России были возложены на министерство внутренних дел. В губерниях и областях существовали 4 тысячи врачебных участков в каждом была больница или приемный покой, доступные для бесплатного посещения. Лучшие учреждения здравоохранения находились под опекой земств.

Смертность от заразных болезней 529 случаев на 100 тыс. населения, в то время как в Западной Европе не превышало 100 случаев. И это без чумы и холеры. Продолжительность жизни мужчины составляла 32 года, женщины — 34. В Англии, например: мужчины — 50, женщины — 53, каждый четвертый ребенок умирал в возрасте до года. Средний рост мужчины увеличился с 163,9 до 169 см, а вес с 61 кг до 65.

В последнее десятилетие монархии можно говорить об интеллектуальном, культурном, художественном взлете. В это время были созданы шедевры в архитектуре, живописи, театральном искусстве, поэзии, искусстве. Серебряный век русской культуры не превзойден по богатству, разноплановости, творческому всплеску, эпатажу. Было ли Гражданское общество в России? При Александре II заложены основы самоуправления, прежде всего в земских учреждениях Культура печати, образования, урбанизация — все это привело к тому, что в начале XX века по всей России существовали тысячи добровольных ассоциаций, научных обществ, студенческих союзов, сельскохозяйственных объединений, национальных землячеств, спортивных клубов, обществ любителей животных и т.д. Широчайшее распространение получила благотворительность, соединившая православную идею милосердия с европейской идеей общественного служения. В России существовало 4,7 тысяч обществ для помощи бедным и обездоленным. Благотворительные общества создавались при больницах, огромную роль играл РОКК, созданный при поддержке Н.И. Пирогова и членов императорской семьи, вовлекающий в свою деятельность ведущих профессоров медицины,

в том числе и из нашего университета. В России работало Общество попечения о бедных и больных детях — «Синий крест» и т.д.

Ленин накануне революции называл Россию «тюрьмой народов». Да, в России проживало 140 национальностей, причем русские составляли 43–46 процентов. Православные — 70,8 процентов, католики — 8,9 процентов, мусульмане — 8,7 процентов. Повсеместно наблюдался подъем национальных чувств и движений, что питало великорусский национализм, выдержанный на принципах сохранения России как единого и неделимого государства. Ни в одной из национальных окраин, кроме оккупированной немцами части Польши, к 1917 году не было протестного потенциала, способного бросить вызов стабильности в стране. Огромную роль в сплочении Отечества, в обеспечении прочности российской власти во все времена играла церковь. Со времен Петра I церковь превратилась в государственный институт. Церковь не претендовала на то, чтобы стать единственной, поглощающей все верования. Царь старался не пропускать ни одной церковной проповеди. Вера государя поддерживалась привитым с детства понятием, что царь — помазанник Божий. Управлял Синодом обер-прокурор, патриархи не избирались. Вера была достаточна крепка во всех слоях общества. На основе этого граф С. Уваров в 30-е годы XIX века сформулировал теорию «официальной народности», базирующуюся на триаде: православие, самодержавие, народность. И это цементировало общество, безусловно, не спасая от отдельных потрясений. В начале XX века на подъеме была богословская наука. В тоже время накануне революции церковь оказалось в затруднительном положении. Подобно США, в России существовало огромное количество сект, старообрядческих движений и многие им симпатизировали. В канун революции церковь оказалась в тяжелом положении, чтобы быть надежной опорой государственности. По русской земле пронесся какой-то ураган неверия, безбожия, произвола.

В каждом социальном слое, конечно, были элементы, недовольные политическим режимом, но наибольшее число их было среди самого малочисленного слоя — интеллигенции, из которой вышли основные революционеры. Близких им по духу можно было найти среди дворян и предпринимателей. Рабочий класс в своей основе и был немногочисленный, а из крестьян, можно, пожалуй, рассматривать только ту часть, которая была в солдатских шинелях. После октября 1917 года, при переходе к строительству коммунистического общества именно интеллигенция, составляющая костяк революционеров, будет уничтожена новой властью, которая провозгласит создание новой интеллигенции, нового человека, на основе единой марксистско-ленинской идеологии, которая будет искажаться в зависимости от конкретных ситуаций. В итоге в течение более 70-ти лет мы строили новое общество, новую систему, воспитывали нового человека. Пытались навязать мировому сообществу новую коммунистическую идеологию. Великий русский философ И. Ильин писал: «Каждый народ творит то, что он может, исходя из того,

что ему дано. Но плох тот народ, который не видит того, что именно дано ему, и потому ходит побираться под чужими знаменами».

Перейдя в начале 90-х к строительству новой России или возвращаясь к традиционной эволюции, оглядываясь на 100-летний ее юбилей, мы можем сказать, что у нас сохранился свой менталитет, свои нравы, свое понимание добра и зла, своя модель государственного устройства, традиции, институты, нам трудно понимать чужие нравы, политику, мы так и не повторили путь Западной цивилизации но это ни в коем случае не преуменьшает прочность фундамента, на котором стоит цивилизация России, способная пройти через все испытания, доказать стабильность, крепость и жизнеспособность государства и его сильных непоколебимых граждан.

Список литературы

1. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России. Конец или новое начало. М., 2005.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, тт. 19–20.
3. Ленин В.И. Полн. собр., соч. тт.15–17.
4. Вебер М. О России. Избранное. М., 2007.
5. Статистический ежегодник России. Петроград, 1914–1915.
6. Струве П. Исторический смысл русской революции и национальные задачи. – М., 2006.

ЛЮБОМУДРИЕ КАК ВРАЧЕВАНИЕ

Кудрина С.А., Филькин А.Н.

ЯрГУ им. П.Г. Демидова

Аннотация: Любомудрие служит основой мудротерапии и врачует души. Мудрость не оказывает влияния извне, а пробуждается при условии соблюдения особого духовно-нравственного очищения души. Нравственные пороки губительны для здоровья, а заповедь любви предполагает исцеление.

Ключевые слова: любомудрие, мудротерапия, самоисцеление, религиозное очищение души, заповеди, любовь.

Abstract: Love of wisdom is used as basis of wisdom therapy and cures souls. Wisdom does not have an external influence, and wakes under observance of a special spiritual and moral purification of the soul. Moral defects are destructive for health, while commandment of love presupposes healing.

Key words: love of wisdom, wisdom therapy, self-healing, religious purification of the soul, commandment, love.

«Главное — мудрость: приобретай мудрость… высоко цени ее, и она возвысит тебя… Когда пойдешь, не будет стеснен ход твой, и когда побежишь —

не споткнешься», — так написано в Притчах Соломоновых [1]. Порою очень трудно объяснить людям, зачем нужна философия и что в человеке есть метафизическое начало, которое требует самораскрытия и при пренебрежительном отношении, к которому у людей возникает множество различных бед — уныние, недоверие к миру, нелюбовь к жизни, тревога. Философия, или, по-русски, любомудрие не только и не столько отвечает жажде познания, свойственной пытливому уму, сколько врачует души и, следовательно, служит основой мудротерапии. Мудротерапия ни в коем случае не отменяет и не заменяет психоаналитику, не предполагает никаких специальных процедур проникновения и вмешательства в подсознание. Она основывается на том духовном потенциале, который добыт и сохранен мудрейшими представителями человечества на протяжении тысячелетий и крупицы которого способны возыметь колоссальный эффект, если попадают на благодатную почву искренности и тем самым открывают возможности трансляции душеспасительного духовного знания. Как известно, существует риск злоупотребления доверием пациента со стороны психоаналитика. В случае, когда нравственный облик последнего оставляет желать лучшего, он может выдать свое желание завладеть волей пациента за свою заботу о нем. Пациент в таком случае становится рабом, оказывается в подчиненном положении, его сознание и внимание целенаправленно запутывается для того, чтобы он верил в то, что встретил спасительную доброжелательную силу и нашел реальную поддержку и помощь. Такой безнравственный «терапевт» может внушить человеку, что тот немощен и бессилен без его, «терапевта», опеки. Между тем, первое и главное правило мудротерапии состоит в том, что каждый способен к духовному самоизлечению, поскольку источник духовной мудрости сокрыт в нем самом. Мудрость не оказывает влияния извне, она не проникает откуда-то в глубины сознания, а лишь пробуждается в них при условии соблюдения особого духовно-нравственного очищения души.

Суть мудротерапии не в каких-то особых технологиях самоисцеления, а в развитии мировоззрения и нравственном самосовершенствовании, что служит высшей системой защиты человека от зла. К сожалению, об этом часто забывают в угоду естественнонаучной трактовке человеческого здоровья, забывают о том, что главные враги человека — это отсутствие любви и такие разрушающие его пороки, как гордость, тщеславие, уныние, зависть, поклонение материальным благам. Такие высокие заповеди, как, например, заповедь любви к врагам, имеют не только глубочайший духовный смысл, но и служат основой для мирного и гармоничного существования человека и, в конечном итоге, положительно влияют на его душу и тело. Дейл Карнеги в своей работе «Как перестать беспокоиться и начать жить» интерпретировал эту заповедь так: «Христос проповедовал не только правильные этические, но и правильные медицинские принципы… Давайте любить себя настолько, чтобы не позволять нашим врагам управлять

нашим счастьем, нашим здоровьем и портить нашу внешность. Как сказал Шекспир, «не слишком разжигайте печь для своих врагов, иначе вы сгорите в ней сами» [2, с. 609]. «Погибели предшествует гордость, и падению — надменность. Лучше смиряться духом с кроткими, чем разделять добычу с гордыми», — утверждал царь Соломон [3]. Награда за это — покой и легкость. Философия, и в особенности философия христианская, на протяжении тысячелетий подсказывала человеку, что нет ценности выше, чем любовь, мир, чистота сердца и спокойная совесть. Чем больше в человеке эгоизма, тем труднее справляться со своей плотью, со своими страстями, со своими буйными беспокойными мыслями, гневом, памятозлобием и ненавистью.

Человек, осознающий реальность существования и действия духовных законов существования человечества, из-за незнания которых многие события кажутся неожиданными, странными и несправедливыми, понимает также, зачем человеку очищение, смирение, любовь, почему нужно «собирать сокровища не на земле, а на небе». Существование духовных законов фиксирует и социология, вышедшая за рамки позитивистского теоретизирования. Один из примеров — теорема Томаса: «Если ситуации определяются как реальные, то они реальны по своим последствиям». Другой пример — положение феноменологической социологии, согласно которому социальная реальность конституируется сознанием.

Что же касается возможности мудротерапевтической помощи другим, то следует заметить, что, не имея мира в собственной душе, нельзя научить ему и других. Дать можно только то, чем владеешь сам: «И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь? Или как скажешь брату твоему: «дай, я выну сучок из глаза твоего «, а вот, в твоем глазе бревно? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего» [4]. С другой стороны, тот, кто обращается за помощью, должен быть уверен в чистоте помыслов того, кто берется оказать помощь. Как утверждал один из представителей ранней патристики Исайя Отшельник в своей «Сотнице об очищении и воскрешении души», «не всем открывай помыслы свои, но только тем, кто может врачевать душу твою» [5, с. 253].

Душа наша как образ и подобие Бога открыта врачеванию. Бог стучится в нашу душу, пытается уврачевать ее через мудрых людей, обстоятельства, наконец, если мы остаемся глухи к увещеваниям Его, сотрясает ее страданием, как образно выразился К. Льюис: «Господь говорит с нами тихо, доставляя нам радость, беседует с нами голосом совести и кричит, попуская страдания. Страдание — мегафон Божий» [6, с.99].

Премудрость Божия преображает наши злые поступки в целебное лекарство для души, но только если Божие послание принято и любовью наложено, как пластырь, на изболевшуюся душу. К сожалению, Божий призыв может быть истолкован эгоистичным человеком как посягательство на

его неприкосновенную свободу, но даже тогда Бог терпеливо и с любовью ждет, когда Его услышат, и не перестает стучаться в человеческую душу с еще большей интенсивностью. Может быть и так, что человек вовсе не захочет услышать Бога и уйдет в самодовольстве и ненависти туда, где пребывают подобные ему, где нет любви и Бога; и это будет его свободный выбор, который тоже уважает Бог. Пока время нашей жизни еще не истекло и душа не перешла в вечность, в перспективе которой и следует оценивать все происходящее, Бог оставляет для нас целебное средство — действенное смирение, которое, укрощая враждебную самость, через любомудрие врачует человеческое страдание и делает душу способной услышать голоса небесных сфер.

Список литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. –М.: Данилов ставропигиальный мужской монастырь, – 2015. 1408 с. Притч. 4:7–12.
2. Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. – М.: Прогресс, 1990. –720 с. –С. 609.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Данилов ставропигиальный мужской монастырь, 2015. 1408 с. Притч.16:18–19.
4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Данилов ставропигиальный мужской монастырь, 2015. – 1408 с. Матф. 7:1–5.
5. Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови в утробе моей. Сотницы. Москва: Профиздат, 1994. 306 с. - С. 253.
6. Льюис К.С. Страдание. – М.: Лепта, 2001. –192 с. – С. 99.

ПОСТИЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В XXI ВЕКЕ

Панченко О.Г.

ФГАОУ ДПО АПК и ППРО

Казурова О.А.

Институт туризма и предпринимательства ВлГУ

Аннотация: В контексте антропного принципа Вселенной понятие человек имеет такую же тройственную структуру, обозначенную в истории философии как триединство тела, души [сознания] и духа. В современном звучании мира и в научном мире квантовой физики это определяется как информация, энергия, материя.

Ключевые слова: антропогенез; философия образования; воспитание; гармония мира; творческая интуиция; синергетический эффект.

Abstract: In the context of the anthropic principle of the Universe the concept of people has the same triple structure designated in the history of philosophy as trinity

of a body, soul [consciousness] and spirit. In modern sounding of the world and in the scientific world of quantum physics it is defined as information, energy, and matter.

Key words: anthropogenesis; education philosophy; education; harmony of the world; creative intuition; synergetic effect.

Гуманитарная наука так тесно связана с ее историко-философским осмыслением. Её понятийный аппарат с древности до наших дней имеет универсальную природу и это прежде всего (задача преемственности опыта старшего поколения молодым, что есть основа функционирования любой общности) и потому определяется (формулируется) в лоне философских, то есть всеобщих и особенных категорий. Так как общество состоит из разных поколений, ни один из педагогических принципов не может исчезнуть по сроку давности, просто в разные эпохи одни из них отодвигались на периферию общественного сознания, другие выходили в центр его внимания — в зависимости от того, в какую философскую систему взглядов они входили и входят до сих пор.

История педагогической мысли целиком вкладывается в историю философской мысли, образуя в ней отдельную ветвь. Ни один из крупных философов мира не оставил без внимания эту тему. Ни один из великих педагогов мира не обошелся без теоретического осмысления своей практики. Именно наука закладывает на сегодня идею целостности, холистичности, а философская антропология привносит эти идеи в постижение человека. Ответы на вопросы о универсальных способностях человека, его способности изменять себя и мир, можно получить, если собрать воедино весь накопленный человечеством опыт о самом себе. «Познай самого себя и ты узнаешь мир, богов и Вселенную», — таков взгляд древних [Цит. по: 1, с. 14].

Взгляд сквозь время на человека это то, что пронизывало все науки о явлении человека во Вселенной, о его соответствия с природой. Во времена Античности познание концентрировалось на природе и космосе. В Средние века человек уже становится элементом упорядоченной Богом конструкции мира. Эпоха Просвещения возвела в Абсолют человеческий разум, позволив ему ощутить себя познающим и воспитывающимися субъектом, который опирается на принципы воспитательного процесса. Воспитатели отбираются из идеологических построений того или иного социального слоя, но базируются на духовных ценностях, что хранит для нас мировая и русская культура и, которые могут стать основой нашего будущего мировоззрения. Воспитание успешно также, если оно системно. Значит, изучение различных гуманистических концепций, существовавших в прошлом и развивающихся в области будущего сегодня, направлено на создание на их основе новых воспитательных систем — и это наиболее эффективный и верный путь в образовании, если оно хочет занять достойное место в культуре XXI века [1, с. 34].

В современном мире продолжаются поиски о сохранении и восстановлении целостности человеческого существа. Об этом заботились русские

философы, которые жили в России и те, которые оказавшись в эмиграции и занимались организацией образования для детей русской диаспоры в Европе — это В.В. Зеньковский и С.И. Гессен. Хотелось бы обратиться к их идеям. Так, в основе педагогических воззрений Гессена, лежат его представления в области философской антропологии [2, с. 26]. Он считал, что жизнь человека протекает одновременно в 4-х планах Бытия, причем высший уровень человеческого бытия наслаивается на низший, оформляет его, не нарушая, однако, его внутреннего устройства. Соответственно этим планам, образование также должно представлять собой сложный процесс: одновременно биологический, социальный, культурный и духовно-благодатный, который опирается на великое природное и духовное начало в человеке. На те духовные ценности, что хранит для нас мировая и русская культура и которые могут стать основой нашего будущего мировоззрения, миросозерцания, миропостижения и восприятия величия мироздания, включая понимание места человека в нем. Именно поэтому, велика роль образования и воспитания, которая успешна, если есть системность процесса.

Главные направления в педагогике, господствующие к XIX веку, определим из представлений С.И. Гессена, который классифицировал эту систему таким образом: «натурализм» сводил весь процесс воспитания к первому слою — опеке и дрессировке; «социализм» — ко второму слою, т.е. удовлетворению потребностей социальной группы, «гуманизм» — к третьему слою, т.е. к культурному образованию. Сам С.И. Гессен, сформулировал цели образования иначе. По его убеждению, это не только приобщение ученика к культурным ценностям, в том числе и научным достижениям человечества, но одновременно и формирование высоконравственной, свободной и ответственной личности, что реально может происходить только в опоре на ее способность к переживанию гармонии мира, прикосновение к плану Благодатного бытия [2, с. 62].

Значит, изучение различных гуманистических концепций, существовавших в прошлом и развивающихся сегодня, и создание на их основе новых воспитательных систем — наиболее эффективный и верный путь в образовании, если оно хочет занять достойное место в культуре XXI века. Гармония Мира есть наиболее проявленное и целостное состояние бытия. Гармония есть то универсальное совершенство мира, которое, как в фокусе, собирает все эволюционные устремления, удерживает их в состоянии единства и целостности. Гармония Мира лежит в основе Бытия, и потому, имеет много смыслов: физический, биологический, математический, эстетический, этический и несет синергетический эффект. Что такое синергетический эффект в теории, как его можно использовать на практике? Это теория, которая изучает процессы и закономерности, происходящие в неравновесных и сложных системах. Она так и называется — синергетика. Многие интуитивно понимают, что это понятие означает что-то весьма ценное и хорошее. А вот четкое представление о том, что же такое синерге-

тический эффект, есть далеко не у всех. Пришла пора разобраться с этим явлением и расставить, наконец, все точки над «i». Данное понятие очень тесно связано с термином «сложная система», которая является ничем иным, как структурой с обратной нелинейной связью и многими звеньями, как его можно использовать на практике? Когда говорят о командной работе, часто упоминают явление синергии. Именно в таких системах и проявляется синергетический эффект, который характеризуется тем, что суммарный набор свойств самой системы превышает сумму свойств отдельных ее компонентов. В далекие времена об этом принципе говорил еще Аристотель. Он утверждал, что знания и усилия нескольких человек всегда можно организовать так, что они станут взаимно усиливать и дополнять друг друга — сумма отдельных компонентов станет превышать целое [Цит. по: 3, с. 44]. Другими словами, синергетический эффект — это положительный результат совместного действия работающей вместе группы, коллектива педагогов, преподавателей. Это коллективная мысль, соборная и захватывающая многих: стратегия, концепция, исследование, проект и т.д. Синергия может оказаться позитивной. Однако, если собраться всем вместе и провести «мозговой штурм», то в этом случае синергетический эффект проявится в полной силе. Идеи и предложения одних людей неизбежно вызовут новые соображения у других, и таким образом общее количество вариантов решения проблемы будет несомненно больше. Позитивное развитие сущностных сил человека образует особую систему духовных потребностей в истине, добре и красоте и способностей человека к целостному мышлению, к сопереживанию и состраданию, а также к творчеству. Именно данные способности, как мы все это хорошо знаем, лежат в основе любого вида деятельности, в независимости от эпохи, страны, профессии, что и позволило нам назвать их универсальными или «космическими». С латыни «универсум» означает то же самое, что греческое слово «космос».

Связывая универсальные способности человека с его родовыми свойствами, качествами, мы вместе с тем хотим подчеркнуть их созвучие в геноме человека как эволюционного существа, ибо только положительный потенциал лежит в основе любого эволюционного процесса, а в основе развития человека — тем более. Это значит, что антропогенез, как становление человеческой сущности во времени и пространстве продолжается. Только он с биологической (внешней) формы развития перешел на внутренний уровень постепенного развертывания сознания человека, которое интегрирует универсальные способности в целостную систему их реализации. Мы можем сказать это по-другому: «через систему универсальных способностей выражается духовное ядро человека». Это его «зерно», из которого позже вырастает (или не вырастает) целое «древо» разнообразных талантов, при условии, что этому «древу» обеспечен доступ к плану, к информационному пространству духовных смыслов Бытия. О том, что именно такой качественный разброс способностей человека существует не только

в нашем воображении, но и в реальном потоке истории, свидетельствует факт величайшего разнообразия культурного наследия человечества. Если определять развитие человеческой истории как процесс перехода потенциальных способностей человека в реализованные в продуктах культуры, техники, науки, то можно проследить такую закономерность. Система универсальных способностей посредством специфических творческих форм деятельности (философия, наука, религия, искусство) воплощается (реализуется) в создании духовной культуры, которая из глубины столетий сохранила и донесла до нас силу воздействия духовных целей, тягу человека к совершенству и миропорядку и потому имеет вневременной характер. Таким образом, мы сможем сделать очень важный для нас вывод: духовная культура — это важнейший посредник между эволюцией мира и творческим проявлением человека на Земле.

Конструктивные основы культурного кода нации интересуют мировую и российскую общественность довольно остро на современном этапе. Президент России В.В. Путин в поздравлении россиян с Днем народного единства (2017 г.) отметил: «Бережное отношение к Родине, забота о ней, верность искренней дружбе и неприятие какого-либо давления извне — это несущие конструкции российской государственности, наш генетический и культурный код» [4]. Значит, чтобы обнаружить движущие силы антропогенеза в XXII веке, необходимы междисциплинарные исследования человека.

Список литературы

1. Бирич И.А., Панченко О.Г. В поисках новой методологии отечественного образования: История, современность, прогнозы: Монография. - Москва-Екатеринбург: Уральское изд-во; Большая Медведица,2010,-256 с.
2. Гессен С.И. Основы педагогики. Педагогика как прикладная философия. – Школа –Пресс, М., 1995,- 448 с.
3. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12.
4. Прием по случаю Дня народного единства // Кремль. URL: [дата обращения: 4.11.2017] http://www. kremlin.ru/events/president/news/56002.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ КАК УСЛОВИЕ ХОЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МЕДИЦИНЫ: ГАБРИЭЛЬ МАРСЕЛЬ

Гусейнов Ф.И.

Высшая школа социально-гуманитарных наук РЭУ им. Г.В. Плеханова

Аннотация: Фундаментальным понятием философии французского экзистенциального мыслителя Габриэля Марселя (1889–1973) является понятие испытания, в которое входят страдания, болезнь и смерть. Как сохранить радость жизни, если живого человека всегда сопровождают всевозможные страдания и болезни? Современному врачу-специалисту необходимо следовать новому антропологизму, его профессионализм должен сочетать в себе и прагматизм, и экзистенциальный гуманизм. Анализ центральных категорий «проблема» и «метапроблема» (таинство) из философии Г. Марселя позволяет совершить радикальный антропологический поворот в сфере холистической модели медицины.

Ключевые слова: бытие, существование, обладание, проблема, метапроблема, таинство, испытание, болезнь, смерть, конкретная философия, диспонибельность, феноменология, экзистенция, онтология.

ANTHROPOLOGICAL TURN AS A CONDITION OF THE HOLISTIC MODEL OF MEDICINE: GABRIEL MARCEL

Farid Guseynov

Higher School of Social Sciences and Humanities, Plekhanov Russian University of Economics

Abstract: The fundamental concept of the philosophy of the French existential thinker Gabriel Marcel (1889–1973) is the concept of trial, which includes suffering, illness and death. How to preserve the joy of life if a living person is always accompanied by all kinds of suffering and illness? A modern specialist doctor needs to follow a new anthropologism, his professionalism should combine both pragmatism and existential humanism. The analysis of the central categories of «possession» and «being» from the philosophy of G. Marcel makes it possible to make a radical anthropological turn in the field of the holistic model of medicine.

Keywords: being, existence, problem, metaproblem, mystery, having, trial, illness, death, concrete philosophy, disponibilité, phenomenology, exsistentia, ontology.

О метафизическом регистре проблем болезни и смерти в европейской медицине долго принято было молчать. Такое молчание до сих пор оправ-

дывается выражением «это естественное явление», которое, как писал французский философ Габриэль Марсель (1889–1973), будто камнем заграждает уста тех, кто тут видит самые важные вопросы жизни. В современном технизированном мире именно так в данном случае используют псевдонаучную категорию «естественного». Когда главные темы человеческого бытия объявляют «природными», «биологическими», всем, кроме специалистов-врачей или кладбищенских служб — остается только принять это к сведению, говорить тут, размышлять и печаловаться становится не о чем. «В таком мире, — утверждает Марсель, — онтологическая потребность, потребность быть, угасает ровно в той мере, в какой, с одной стороны, дробится личность, с другой — торжествует категория "совершенно естественного" и, следовательно, атрофируется то, что следует, наверное, назвать силами очарования» [1, 76][2]. Исчезает все чудо жизни, вся ее радость, которые приносятся в жертву мертвому слову, определению, убивающему главные вопросы, будучи псевдоответом. Если уж «естественное», «все живое болеет и умирает», так как будто и говорить не о чем. Потерянное слово о болезни и смерти оказывается потерянным словом о жизни, ибо от того, какова ценность жизни, как говорил тот же Марсель, зависит и значимость болезни и смерти, и наоборот [3, 222].

В современной медицине заявлен переход к холистической модели. В самых общих чертах это значит, что врач-специалист обязан теперь быть не только, условно говоря, специалистом и по правому, и по левому уху, но никак не в отдельности, но и видеть весь организм как единое целое. При этом относиться к нему именно как к организму, а не механизму, и как к человеку, наделенному таким же сознанием, чувствами, переживаниями, картиной мира, как и врач. Иначе мудрый старый совет лечить больного, а не болезнь, неисполним. Больной — не пассивный объект внешнего наблюдения, а бытие. Другими словами, врачу необходимо «преодолеть позицию внешнего наблюдателя [2,61]. Он должен стать участником процесса вместе с пациентом, и они должны говорить на одном языке.

На радикальную значимость опыта пациента указывал и психиатр-бергсонианец Евгений (Эжен) Минковский (1885–1972), ставший основоположником феноменологической психиатрии и входивший в круг общения Габриэля Марселя [5]. Интересную статью об использовании метода Марселя в философии медицины, написал лично знавший французского философа, Жан-Мари Гуллет — доминиканец, богослов, доктор медицины и богословия, профессор этики в Лионском католическом университете [6]. Но обратимся непосредственно к анализу идей Марселя.

В своей знаменитой книге «Быть и иметь» (1935) Марсель проводит разграничение важных категорий своей философии: «проблема» и «метапроблема», или «таинство». Проблема — это некое затруднение, встающее пе-

[2] Все шрифтовые выделения внутри цитат принадлежат цитируемому автору.

ред субъектом как проявление объекта, шлагбаум, который надо открыть, выработав механизм решения; проблемами занимается наука. Таинством Марсель называет метапроблему — такую ситуацию, в которой размывается граница внутреннего и внешнего, снимается противоположность объекта и субъекта; этим занимается философия, а также без всяких рефлексий дано в любви и братском отношении к миру в целом. Врачу следует научиться сочетать в себе и то, и другое, как бы это ни было трудным. Важно отметить, что такой вывод следует вовсе не из обще-гуманистических соображений, но из соображений вполне прагматических, если иметь в виду успех лечения.

Если для врача тело пациента — объект, то для самого пациента — «мое тело», а это совсем разный взгляд. Для пациента «Я» и «мое тело» нераздельны и неслиянны. В каких-то отношениях мое тело — мой инструмент (тело как работающий часовой механизм — это представление типично для официальной европейской медицины, спорта, косметологии; тело — это не я), в других тело — я сам (тело как воплощение я, как единство духа и материальной субстанции, тело как отражение ментальных и психических процессов уникального свойства, как отпечаток совершенных и несовершенных действий, желаний, страхов, надежд, любви и ненависти; это представление характерно для экзистенциализма, телесно-ориентированной терапии).

Болезнь — это всегда страдание. Разумеется, врач, сочувствуя больному, не может и не должен переживать те же страдания, что и он. Более того, при глубокой эмпатии хирург, например, не сможет оперировать. Однако и относиться к болезни и смерти всякий раз как к неизбежности — значит не быть врачом. И врач, и священнослужитель, и близкие могут и должны поддерживать в больном надежду и помогать ему, если он того желает, вырабатывать осмысление его положения. Ведь вымученное бодрячество родных и увещевания священника, например, о благотворности страданий способны вызывать зачастую резкое отторжение и воздвигать стену между больным и всеми остальными, оставляя его наедине с его страданием. В этом случае, пишет Марсель: «Поставим себя на место больного: что это за Бог, который мучает меня в моих же собственных интересах? И по какому праву?» [2, 60]. Смысл своему страданию больной может не получить через наставление, но из собственной глубины принимая его способен благодаря именно этому выздоравливать или существенно продлевать свою жизнь. В страдании человек может закрыться в себе, но может открыться страданию других.

В обычной жизни есть обстоятельства нормальные и экстремальные, как например, болезнь и смерть. Так, если я знаю, что смерть неизбежна (а она неизбежна для всего живого), то все обстоятельства становятся экстремальными, вся жизнь — экстремум. Отсюда марселевский парадокс, обе части которого, противоречащие друг другу, справедливы: жить сле-

дует так, как будто ты умрёшь через минуту — жить надо так, будто впереди у тебя вечность. Открытость другому, или, по слову Марселя, диспонибельность (disponibilité), позволяет так жить. Конечно, проблемный подход и метапроблемный, т.е. «дух истины» (научной) и «дух братства» (любви), как в другом месте определяет их Марсель, противоположны [3, 294]. Но парадигма должна смениться. Сциентистско-проблемный подход должен занять определенное место и не претендовать на универсальность, как это происходит сегодня. Впрочем, врач борется с болезнью как со злом и не обязан заниматься метафизикой, однако хорошо бы просто имел в виду ее выводы. «Но в то же время не менее ясно и то, — указывает Марсель, — что больной — и в данном случае я, прежде всего, имею в виду неизлечимо больного человека - может стремиться рассматривать свою болезнь в другой перспективе, что, впрочем, не препятствует тому, чтобы он доверял лечащему его врачу. Это зло, которым он задет, если и не все время, то, по крайней мере в некоторые исключительные моменты, может предстать перед ним не только как препятствие. … перед лицом такого зла, которое не только перед ним, но и в нем самом, философ может занять позицию аналогичную позиции такого больного, который в силу подлинного обращения пришел к тому, что в некотором смысле стал властвовать над своей болезнью, поставив ее на подчиненное место» [4, 100-101]. Властвовать над своей болезнью — в этом все дело для пациента даже в самых тяжелых случаях. И подлинная надежда — это такая надежда, которая поднимает с одра болезни вопреки обычному ходу вещей.

Надежда предполагает кредит доверия, причем как будто ничем не обеспеченный. «Надежда… состоит в утверждении, что есть в бытии, — по ту сторону данного, всего того, что поддается исчислению, что может лечь в основу каких-либо расчетов, — некое тайное начало, которое заодно со мной, оно не может не хотеть того же, чего хочу я, во всяком случае, если то, чего я хочу, действительно этого заслуживает, если этого взыскует все мое существо. Очевидно, — говорит Марсель — , что мы здесь в самом средоточии того, что я назвал онтологическим таинством» [1, 89]. Подлинная надежда — это вера в то, что реальность со мной заодно, когда вероятность или статистика говорят обратное. Например, надежда на выздоровление любимого существа от тяжелой болезни только тогда и надежда, когда, глядя на ситуацию как на проблему, ожидать благоприятного разрешения вряд ли можно исходя из опыта, из «случаев», как говорит Марсель. Кроме того, надежда оказывает совершенно реальную помощь в действительном выздоровлении, потому что есть восходящая трансцендирующая диалектика надежды.

Таким образом, антропологический поворот, совершенный Габриэлем Марселем и его единомышленниками в XX веке, теперь должен, наконец, случиться и в медицине. Нельзя не отметить, что имена Габриэля Марселя или Евгения Минковского до сих пор мало знакомы даже философам. Изучение этого наследия в целом и его прагматического аспекта в частно-

сти может оказаться воскресением потерянного слова, способного внести ценнейший вклад в медицину XXI века.

Источники и литература:

1. Марсель Габриэль. Трагическая мудрость философии. Избранные работы/ Пер. с фр. Г.М. Тавризян. –М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1995.
2. Марсель Габриэль. Опыт конкретной философии/ Пер. с фр. В.П. Большакова и В.П. Визгига. – М.: Республика, 2004.
3. Марсель Габриэль. О смелости в метафизике: Сб. статей / Пер. с фр., В.П. Визгина. – СПб.: Наука, 2013.
4. Марсель Габриэль. Люди против человеческого/ Пер. с фр., В.П. Визгина. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2018.
5. Эжен Минковский. Проживаемое время. Феноменологические и психопатологические исследования/ Пер. с фр. Е. Пучковой и Т. Юшкевич. – М.: ИД «Городец»,2018.
6. Jean-Marie Gueullette. D'un usage de Gabriel Marcel dans la philosophie de la medicine.p.61–81 – Maladie,morte,naissance. P.: Présence de Gabriel Marcel/2014–2015.

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.

Желнова А.М.

Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. В статье проводится анализ эпистемологических возможностей и границ знания социальной медицины о пациенте в свете декларируемого индивидуального подхода. Проводится сравнение современной социальной и средневековой университетской медицины в связи с эпистемологическими возможностями знания о пациенте и индивидуального подхода к нему. Вводится понятие «единица общественного тела».

Abstract. The article analyzes the epistemological possibilities and limits of social medicine knowledge about the patient concerning the declared individual approach. A comparison of modern social and medieval university medicine is made in connection with the epistemological possibilities of knowledge about the patient and an individual approach to him. The concept of "a unit of a public body" is introduced.

Ключевые слова: социальная медицина, средневековая медицина, индивидуализированный подход.

Keywords: social medicine, medieval medicine, individualized approach.

Идея данного исследования появилась из высказанной Фуко в начале текста о «Рождении социальной медицины» фразы: «…четко доказывает

индивидуалистический характер средневековой медицины, тогда как коллективное измерение медицинской деятельности является чрезвычайно неброским и ограниченным». В этом месте Фуко утверждает, что средневековая медицина была индивидуалистической, в отличие от пришедшей ей на смену современной социальной. Это замечание кажется нам чрезвычайно важным в свете того, что развитие современной социальной медицины как науки, в частности знаний о генетике человека преобразуется в разного рода государственные проекты. В частности, речь идет об известном проекте 4п медицины: предиктивность — предсказательность; превентивность — профилактика; партисипаторность — пациент является участником лечебного процесса; персонализированность — индивидуальный подход к больному, основанный на анализе генома пациента. На наш взгляд эпистемологический анализ всех 4 пунктов показывает не только их принадлежность к парадигме социальной медицины, но и уязвимость для критики. Мы остановится в данном кратком аналитическом наброске на ограниченности персонализированного подхода, укоренённого в парадигме социальной медицины.

Обратимся к тексту, на который ссылается Фуко: Варн Л. Буллоу (Bullough) «Развитие медицины как профессии: вклад средневекового университета в современную медицину» [3]. В этом тексте автор изучает формирование профессии врача в средневековых университетах. Врач — это не просто тот, кто может Вас вылечить. Точнее, не это его главная характеристика, которая дает ему право проводить разнообразные манипуляции с Вашим здоровьем. Врачи – это гильдия, занимающая достаточно высокое социальное положение, наравне с теологами, задача которых охранят догматы и выявлять ереси и с юристами как церковными, так и гражданскими. Врач — это тот, кто прошел обучение в университете. Кого считать врачом, а кого нет — решалось не по эффективности лечения, а по причине наличия у него соответствующего образования. Врач прошел серьезное обучение, в ходе которого ему разъяснили не только технику лечения, но и этику поведения лекаря в отличие от хирурга и аптекаря. Он должен быть целомудренным, трезвым, сострадательным и милосердным. Зависимость профессиональной деятельности врачей от церкви и монархов разнообразна. Однако главное – это то, что в своем подходе к лечению лекарь руководствуется рядом правил, которые он получил в университете. Медицина, которую он практикует, не является социальной. Под социальной медициной понимается «наука о закономерностях формирования здоровья членов общества, развития здравоохранения. С точки зрения науки социальная медицина рассматривает закономерности формирования общественного здоровья»[1, с. 7] .

Средневековые власти карают шарлатанов и тем самым стремятся к уменьшению последствий нерадивого лечения населения. При этом взгляд лекаря направлен не на общественное здоровье и не на «единицу общественного тела», а на пациента. Профессиональная гильдия врачей есть, а социальной медицины нет. Кого же лечить врач? Важно подчеркнуть, что

профессионализм врача обусловлен не абстрактными категориями вроде его таланта или искусства. Он четко связан с его образованием, с научным языком латыни, что отличает его от шарлатанов. До Средних веков медицинские знания были частью образования всякого человека. Теперь же врачи отделены от юристов и теологов в отдельную профессиональную группу, однако они должны знать и логику, и риторику, и натуральную философию. Особая гильдия, которую характеризуют наличие специального университетского образование и регламент поведения. Врача учат не просто лечить, но лечить человека: как приходить в дом к больному, как общаться или не общаться с хозяйкой и дочерями. Интересно то, как врач может выяснить, что пациент находится в ясном сознании. Например, он может подделать письмо, в котором больному будет сообщена информация, которая не сможет оставить его равнодушным. Если он в сознании, то обязательно будет реакция. Как назначается плата за лечение. Врач исходит из 3 факторов: собственной профессиональной компетентности, степени заболевания пациента и его финансового состояния.

Индивидуальный и персонифицированный подход принципиально важен в медицинской практике. Перед средневековым врачом не рабочий класс, не горожане, не «единица общественного тела» но больной. Благодаря анализу одной цитаты из текста Фуко, отсылающей к талантливой работе, посвящённой истории формирования профессии врача в средние века, становится яснее его, казалось бы брошенная в воздух фраза о том, что Средневековая медицина более индивидуалистическая, а следовательно более совершенная. Фуко пишет: «Я сторонник гипотезы, согласно которой, придя к капитализму, мы не перешли от коллективной медицины к частной, но случилось как раз противоположное; капитализм, развивавшийся в конце XVIII в. и в начале XIX в., вначале социализировал первый объект, тело, в функции производительных сил, рабочей силы. Контроль общества над индивидами осуществляется не только через сознание или идеологию, но и в теле, и вместе с телом. Для капиталистического общества важнее всего биополитическое, биологическое, соматическое, телесное измерения. Тело — биополитическая реальность; медицина — биополитическая стратегия» [2, с. 82] .

Под персонализированностью современной социальной медицины понимают, в том числе, индивидуальный подход к больному, основанный на анализе генома пациента. Индивидуальный подход понимается в генетическом ключе. Если оставить в стороне фундаментальные противоречия генетических и эпигенетических объяснений индивидуального состояния пациента, то перед нами очень специфическое понятие индивидуального. Медицина по-прежнему смотрит на пациента как на «единицу общественного тела», рассматривая его через проекцию закономерностей наследования у популяции. Его участие и роль в диалоге со врачам, в ходе которого решается его судьба, ограничены. К нему как к личности социальная медицина обратиться не может. Медицина смотрит на пациента сквозь

призму классификаций, нозологии и генетики, изучающей закономерности наследования, а не исследующая этот конкретный случай. При этом само название социальная медицина предполагает более высокий чем прежде (конечно же, чем в Средние века) уровень медицинской помощи человеку.

Список литературы

1. Каменева Татьяна Николаевна Социальная медицина. Директ медиа, 2020.
2. Фуко Мишель Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью М.: Праксис, 2006. Ч. 3.
3. Bullough Vern L. The development of medicine as a profession. The contribution of the medieval university to modern medicine. Basel, New York, Karger, 1966.

СИНТЕЗ НАУКИ И ГУМАНИЗМА КАК НЕОТЪЕМЛИМОЕ УСЛОВИЕ ПЕРЕХОДА ИЗ «ВЕКА БИОЛОГИИ» В «ВЕК АНТРОПОЛОГИИ».

Ибрагимова В.Э., Конторович Д.К.

Ростовский Государственный Медицинский Университет Минздрава России, Ростов-на-Дону

Аннотация. В статье автор рассматривает социально-философские проблемы комплексного подхода к изучению человека. Особое внимание уделяется биоэтике и ее потенциальной способности воплотить в жизнь идею создания единой науки о человеке, аккумулирующей в себе естественнонаучное и гуманитарное познание, тем самым дав толчок к переходу из «века биологии» в «век антропологии».

Ключевые слова: этика, наука, гуманизм, гуманитаризация, социальная ответственность, биоэтика.

Abstract: In the article the author examines the socio-philosophical problems of an integrated approach to the study of man. Special attention is paid to bioethics and its potential ability to realize the idea of creating a unified science of man, accumulating natural science and humanitarian knowledge, thereby giving impetus to the transition from the "age of biology" to the "age of anthropology"

Key words: ethics, science, humanism, humanitarization, social responsibility, bioethics.

Ни для кого не секрет, что абсолютизация возможностей современной науки привела к возникновению этических проблем, поскольку прогресс постепенно превратил науку в социальную силу, и человек и общество не всегда могут с ней справиться. Это указывает на необходимость пересмотреть традиционные представления о соотношении когнитивных и ценностных аспектов познания.

Если классическая антропология рассматривает человека как результат влияния природной или социальной среды и предметом изучения классической антропологии становятся факторы среды, которые являются внешними по отношению к человеку, и поведенческие характеристики человека в ответ на факторы влияния, то предметом изучения современной антропологии становится внутренний духовный мир человека, процессы которого определяют поведенческие характеристики человека.

Современная антропология говорит о том, что предназначение человека заключается в развитии и совершенствовании себя в разных формах деятельности, включая профессиональную; а деятельность, направленная на развитие человеком самого себя по своей сути, является способом развития биосферы и её перехода в стадию ноосферы.

Современная антропология показывает возможность формирования такого уровня развития человека, когда при определенных состояниях внутреннего духовного мира общечеловеческие ценности становятся индивидуальными потребностями. Общеизвестно, что ценность любого общества измеряется теми условиями, которые государство создает для борьбы со всевозможными проявлениями зла и созданием механизмов для преодоления наиболее опасных его проявлений [2], потому как если в добре воплощена прогрессивная линия развития общества, то зло является тупиковой ветвью, которая неизбежно приведет к регрессу.

В условиях современного общества, которое характеризуется стремительным прогрессом в области развития науки и техники, осмыслить все возможные последствия такого развития можно лишь выдвинув проблему профессиональной этики ученого на первый план. А добиться этого возможно через биоэтическое измерение всевозможных достижений и направлений в науке.

Дискуссии о возможности и необходимости включения этической компоненты в познавательный процесс познания привели к выработке следующих подходов:

1) общефилософский подход (И.Т. Фролов, Б.Г. Юдин и др.) с идеей становления нового типа науки, который включал бы в себя этический и гражданский самоконтроль с возможностью самостоятельной остановки ученым своих исследований;
2) научно-технический подход (Г.И. Полушина, Ю.Н. Тундыкова и др.) при котором выдвигается идея правомерности существования профессиональной морали ученого;
3) науковедческий, этико-социологический подход (М.М. Карпов, М.Г. Лазар, Е.З. Мирская и др.). При таком подходе провозглашается идея о необходимости наличия у ученого нравственного выбора, что является важным условием проявления ответственности в его деятельности;

4) позитивистский, сциентистский подход (Е.А. Мамчур, А.П. Огурцов и др.) — это идея этической нейтральности познания, она характеризует социальную и познавательную деятельность как два различных типа деятельности ученого.

Так, И.Т. Фролов, размышляя о ценности научного познания, неоднократно подчеркивал, что, в тех случаях, когда в центре внимания в ходе научного исследования оказывается человек, то любое на него воздействие невозможно без принятия ко вниманию этической и социальной стороны вопроса, а универсальные и общечеловеческие ценности служат своеобразными регулятивами, наполняя процесс познания конкретно-историческим содержанием.

На сегодняшний день не вызывает сомнения тот факт, что ученый в процессе научного исследования должен не только стремиться к гуманизации условий применения результатов своего научного познания, но и явственно осознавать необходимость постоянного внесения гуманистической проблематики в основание науки в целом. Истинный гуманизм возможно вывести из науки лишь тогда, когда мы станем понимать науку не просто как поиск истины, но будем рассматривать ее как социальный институт.

Два десятилетия XXI века для отечественных ученых и педагогов прошли под эгидой решения проблем гуманизации и гуманитаризации науки и образования, так как эти процессы являются теми самыми тенденциями современной науки, которые позволят справиться с новыми вызовами и угрозами, возникающими перед обществом.

В рамках новой парадигмы педагогами начат поиск самых эффективных методов образования и воспитания детей и молодежи [3]. Процесс гуманизации и гуманитаризации науки и образования осуществляется на той основе, суть которой заключается в переходе к новой человекоориентированной модели образования. В ходе гуманизации образовательного процесса внимание педагога сконцентрировано на интересах и индивидуальных особенностях каждого отдельного учащегося, своеобразным девизом педагога-наставника становится утверждение, что каждый обучающийся – это не просто потребитель образовательных услуг, но, в первую очередь, уникальная личность, которая никогда не существовала ранее и никогда не повторится вновь. Задачей педагога в условиях гуманизации и гуманитаризации образовательного процесса является не только передача навыков и знаний, развитие навыков самостоятельного познавательного процесса и мотивации к нему, но и сохранение уникальной личности каждого отдельного обучающегося. Для успешной социализации молодежи необходимо обязательное включение каждой отдельной личности в разнообразные виды духовно-нравственной и творческой деятельности. И роль педагога-наставника в этом процессе трудно переоценить.

Время показало, что одномерный подход к человеку в корне неверен и лишь всесторонний, многомерный подход к изучению человека позволяет решать гораздо больше современных проблем и является на практике более эффективным. Именно биоэтика изучает человека во всей его многомерности — и как телесное, и как биологическое, и как духовное существо, автономную личность и субъект социума.

В итоге, можно заключить: проникновение науки в жизнь человека, природы и общества и определяет характер постановки этических проблем. Наука, будучи освобожденной от философии, этики, религии и культуры, способна привести человечество к гибели. Именно агрессивное техногенное воздействие на биосферу и генотип человека сподвигли человечество на поиск иного способа существования, с новой парадигмой мировосприятия, которая будет состоять из маркеров ценности жизни, выраженных в отношении человека к самому себе, к другим, к природе и всему человечеству.

В заключении еще раз отметим, что человек – это уникальное по природе существо, которое остро нуждается в защите от агрессивного воздействия и влияния научно-технического прогресса. Безопасность биологической и социальной природы человека может быть обеспечена в том числе посредством воспитания социальной ответственности у граждан, а также создания этико-правовых норм в практической деятельности ученых. Разработкой таких норм занимается биоэтика как интегральная дисциплина, социальный институт и новая идеология, утверждающая ценность жизни [1].

Список литературы

1. Вигель, Н.Л. Биоэтика / Н.Л. Вигель, Г.Н. Шаповал; Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, Ростовский государственный медицинский университет. – Киров : Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2019. – 55 с. – ISBN 978-5-907091-79-5. – EDN BLVDQB.
2. Шаповал, Г.Н. Образы зла в художественной культуре: специальность 09.00.13 "Философская антропология, философия культуры" : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Шаповал Галина Николаевна. – Ростов-на-Дону, 2002. – 166 с. – EDN QDTGOV.
3. Ageeva, N.A. Semantic algorithms of bioethics / N.A. Ageeva, N.L. Wiegel, G.N. Shapoval // Bioethics. – 2019. – No. 2(24). – P. 6-11. – DOI 10.19163/2070-1586-2019-2(24)-6-11. – EDN RJEFXT.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ БЛАГА В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Козлова М.А.
ФГБОУ ВО МГИМО

Аннотация: В настоящее время проблемы в сфере здравоохранения приобрели общемировой характер, поэтому решение этих проблем рассматривается в качестве глобального общественного блага. В работе рассмотрено понятие глобальных общественных благ в сфере здравоохранения, основные виды глобальных общественных благ. Также в работе рассмотрено финансирование глобальных общественных благ в сфере здравоохранения и приводятся данные о размере финансирования за 2016 год.

Ключевые слова: глобальные общественные блага, общественные блага в здравоохранении, помощь в сфере здравоохранения.

Annotation: At present public health problems become truly global, that is why there solution is currently regarded as the provision of global public goods. This article deals with the notion of global public goods for health and the main kinds of global public goods. It also describes financing global public goods for health and gives data about the development assistance for health in 2016.

Key words: global public goods, public goods for health, development assistance for health.

В настоящее время все страны миры тесно взаимосвязаны, в том числе и в сфере экономики и здравоохранения. В январе 2000 года управляющий директор Всемирной организации здравоохранения Г.Х. Брундтланд объявил о создании Комиссии по макроэкономике и здравоохранению. Основной задачей Комиссии являлась разработка рекомендаций, которые могли бы спасти жизни, уменьшить связанные с бедностью проблемы и способствовать экономическому росту, который позволил бы развивающимся странам больше денег вкладывать в развитие сферы здравоохранения.

Рабочей группе 2 было поручено проанализировать предоставление глобальных общественных благ в сфере здравоохранения [6 с. IX].

Понятие глобального общественного блага

Рассмотрим подробнее, что понимается под глобальным общественным благом в сфере медицины. Рабочая группа 2, сопредседателями которой являлись Р.Г.А. Фичем и Дж.Д. Сакс, была первой попыткой проанализировать, как экономическое понятие общественных благ относится к здравоохранению и какие существуют возможности решения общемировых проблем, связанных со здравоохранением. Первоначально понятие «общественное благо» ввёл американский экономист П. Самуэльсон в 1954 году [9,с. 387]. В соответствии с его определением, общественное бла-

го — это благо, обладающее свойствами несоперничества и неисключаемости из потребления. Это подразумевает, что не заплативший за данное благо человек не может быть исключён из пользования этим благом, а потребление данного блага одним человек не уменьшает возможностей других людей пользоваться им. Общественное благо при этом противопоставляется частному благу, потребление которого одним человеком сокращает доступное количество этого блага для других пользователей. Впоследствии понятие общественного блага изменялось и дополнялось другими учёными. Дж.К. Гэлбрейт определил общественные блага как товары и услуги, которые должны предоставляться всем, если они предоставляются хотя бы кому-то, и должны оплачиваться коллективно или вовсе не смогут быть предоставлены. В такой трактовке общественного блага акцент делается на производстве и оплате общественных благ [6]. М. Вайтс полемизирует с определением П. Самуэльсона, утверждая, что «общественные блага определяются самим обществом в соответствии с тем, что понимается под «общественными потребностями», а не обладают определёнными изначально присущими им свойствами неисключаемости и несоперничества» [11]. Позже возникает понятие глобальных общественных благ, под которыми понимают «блага, выгоды (издержки) от создания которых распространяются поверх государственных, общественных и поколенческих границ» [1, с. 21]. С другой стороны, существует и обратное этому понятие, а именно глобальное общественное зло. Под ним понимают явления и процессы, уменьшающие общественную полезность людей (международная преступность, терроризм, распространение инфекционных заболеваний, загрязнение окружающей среды).

Виды глобальных общественных благ в сфере здравоохранения

В начале 2000-х годов Всемирная организация здравоохранения попыталась оценить применимость концепции общественных благ к здравоохранению. В 2003 году была опубликована книга «Глобальные общественные блага для здоровья: Перспективы экономики здравоохранения и общественного здоровья» [10]. В этой публикации Вудвард и Смит задаются вопросом, является ли здоровье глобальным общественным благом или нет. С одной стороны, индивидуальное состояние здоровья является частным благом, поскольку люди самостоятельно оплачивают расходы по лечению, пребыванию в больнице, профилактике. С другой стороны, система здравоохранения обладает и рядом свойств, характерных для общественных благ. Если удастся предотвратить инфекционное заболевание, то выздоровеет не только заболевший человек, но и все те, кто мог бы заразиться от него. Кроме того, оздоровление нации ведёт и к положительным внешним эффектам для экономики в целом: повышается качество человеческого капитала, растёт производительность труда, уменьшается число пропусков работы из-за болезни. Рассмотрим основные виды глобальных общественных благ в сфере здравоохранения. В докладе Комиссии по

макроэкономике и здравоохранению говорится, что к основным видам глобальных экономических благ относятся проведение работ, направленных на исследование заболеваний и мер борьбы с ними, борьба с инфекционными заболеваниями и сбор данных по анализу и оценке болезней [7, с. 12]. Проведение научных исследований важно для всего человечества в целом, однако отдельные компании не всегда заинтересованы в проведении исследований многих заболеваний. Проблема заключается в том, что международные организации, расположенные в развитых странах, ориентируются на прибыль и готовы инвестировать деньги в исследования, если рассчитывают её получить. В первую очередь, они вкладывают деньги в исследование заболеваний, распространённых в развитых странах. С другой стороны, развивающиеся страны имеют ограниченные ресурсы для финансирования исследований, а спрос на готовые лекарства в таких странах ограничен. Получается, что рынок не предоставляет достаточное количество данного общественного блага, поэтому требуется вмешательство государства. Борьба с инфекционными заболеваниями предполагает уменьшение и устранение заболеваний, контроль и уменьшение влияния микроорганизмов на создание новых лекарств. В качестве глобального общественного зла, напротив, выступает распространение инфекционных заболеваний (СПИД, малярия, туберкулёз) [7, с. 26]. В качестве примера деятельности иностранных фирм можно привести случай борьбы с полиомиелитом. В 1988 году Всемирная ассоциация, которая состоит из министров здравоохранения всех стран-членов ВОЗ, проголосовала за ликвидацию полиомиелита. Эту программу предполагали распространить на 125 стран и 5 континентов. К концу 2001 года все страны мира приняли программу против полиомиелита, которая предполагала усиление массовой иммунизации населения. Это привело к тому, что осталось только 10 стран с проявлениями полиомиелита, а общее число заболеваний в том году составило 480 случаев [4, с. 7]. Сбор данных об анализе и оценке болезней с. 26 это типичный случай общественного блага, поскольку информация обладает свойствами несоперничества и неконкурентности. Безусловно, информация может быть и исключаемым благом, если существует плата за доступ к собранным сведениям, однако все страны заинтересованы в сравнимости и анализе всех имеющихся данных о количестве больных, о числе заболеваний. Также следует отметить, что существует различие между окончательными и промежуточными общественными благами [8 с. 19]. Окончательные общественные блага — это выгоды, которые получает общество от их создания. А промежуточные общественные блага — это институциональные мероприятия, которые способствуют созданию глобальных общественных благ. Например, в сфере здравоохранения к ним относится общее состояние инфраструктуры в сфере здравоохранения [10 с. 4], способность существующей медицинской системы передать вакцины нуждающимся в них людям, удобство и простота доставки лекарств.

Финансирование глобальных общественных благ

В предоставлении глобальных общественных благ большое значение играют международные организации и частные благотворительные фонды. К ним относятся Всемирная организация здравоохранения, Всемирный банк, Глобальный фонд, благотворительные фонды, среди которых основное место занимает Фонд Билла и Мелинды Гейтс [3]. В 2016 году общая сумма денег, направленных на поддержку в сфере здравоохранения, составила 37,6 млрд долларов США. Большую роль в оказании помощи в сфере здравоохранения сыграли многие ведущие страны. США выделили 34 % от общей суммы помощи в сфере здравоохранения, Германия — 17,4 %, Япония — 12,3 %, Великобритания — 10,9 %, Норвегия — 8,7 % (Global Public Goods for Health, с. 12). Всемирный банк выделил 5,1 %, а Всемирная организация здравоохранения — 5,8 % (5, с. 19). В 2002 году был создан Глобальный фонд, деятельность которого направлена на прекращение эпидемий СПИДа, туберкулёза и малярии. Он действует в качестве партнёрства с участием правительств, гражданского общества, частного сектора (2). В 2016 году Глобальный фонд предоставил 9,9 % от общей суммы средств в сфере здравоохранения. Ещё одно партнёрство — Глобальный альянс по вакцинам и иммунизации (GAVI) — было создано в 2000 году, в 2016 году оно предоставило 4,9 % помощи. В альянсе GAVI участвуют правительства некоторых развитых стран, ВОЗ, ЮНИСЕФ, Всемирный банк, производители вакцин из разных стран, общественные организации. Среди частных компаний особенно следует выделить Фонд Билла и Мелинды Гейтс, который вкладывает деньги в создание глобальных общественных благ в сфере здравоохранения как напрямую, так и через существующие агентства — Глобальный фонд и GAVI. В 2016 году частные организации предоставили на эти цели 2,3 миллиарда долларов, из которых 78,5 % — помощь со стороны Фонда Билла и Мелинды Гейтс (7, с. 12). Среди других частных компаний следует назвать Фонд Рокфеллера, Корпорацию Мерк, Фонд Новартис, Ротари Интернэшнл. Таким образом, только совместные усилия стран позволяют решить проблемы в сфере здравоохранения. Поскольку многие развивающиеся страны не имеют достаточных финансовых средств и развитой инфраструктуры, а компании из развитых стран не заинтересованы во вложении денег в невыгодные им проекты, то только общие действия всех стран позволяют уменьшить число заболевших, сократить количество инфекционных заболеваний. В результате и образуется глобальное общественное благо, выгодное для всех стран.

Список литературы

1. Медведев С.А., Томашов И.А. Концепция глобальных общественных благ. Вестник международных организаций. 2009. № 2. (24). сс. 21–28 Сайт Глобального фонда // https://www.theglobalfund.org/ru/overview/.
2. Сайт Фонда Билла и Мелинды Гейтс // https://www.gatesfoundation.org/en/.

3. Хённеланд Г., Рове Л. Здоровье как международная политика – борьба с инфекционными заболеваниями в регионе Балтийского моря. Ashgate, 2004. // www.epinorth.org/dav/A3EB36639C.pdf
4. Financing Global Health 2016. Development Assistance, Public and Private Health Spending for the Pursuit of Universal Health Coverage. IHME, University of Washington. 2017 // www.healthdata.org/sites/default/files/files/policy_report/FGH/2017/IHME_FGH2016_Technical–Report.pdf.
5. Galbraith J.K. The Affluent Society. Houghton Mifflin Society, 1998. 276 c.
6. Global Public Goods for Health. The Report of Working Group 2 of the Commission on Macroeconomics and Health chaired by R.G.A. Feachem, J.D. Sachs. World Health Oganization, Geneva, 2002.
7. Kaul I., Grunberg I., Stern M.A. (eds.) (1999). Global public goods: international cooperation in the 21st century. NY: Oxford University Press. 1999.
8. Samuelson P.A. The Pure Theory of Public Expenditure. Review of Economics and Statistics. 1954, Vol. 36, no. 4, cc. 387–389
9. Woodward D., Smith R.D. Global Public Goods and Health: concepts and issues // www.who.int/trade/distance_learning/gpgh/gpgh1/en/index1.html.
10. Wuyts, M. Deprivation and Public Need in Macintosh, M. and Wuyts, M. Development Policy and Public Action Milton Keynes: Oxford University Press. 2002.

«ТЕОРИЯ ПОДРАЖАНИЯ» Н.К. МИХАЙЛОВСКОГО В ИДЕЙНОЙ БОРЬБЕ НАРОДНИЧЕСТВА И МАРКСИЗМА КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В.

Лямина Т.Е.

Смоленский Государственный Медицинский Университет Минздрава Росси

Аннотация: В статье рассматривается «теория подражания» Н.К. Михайловского в контексте дискуссии народничества и марксизма 90-х годов XIX в. Раскрывается изменение отношения Н.А. Бердяева к философской концепции идеолога народничества в период перехода «от марксизма к идеализму».

Ключевые слова: «теория подражания», «субъективный метод», толпа, «борьба за индивидуальность», народничество, марксизм.

Abstract: The article examines the «Theory of Imitation» of N.K. Mikhailovsky in the context of the discussion of populism and Marxism in the 90s of the XIX century. The change in N.A. Berdyaev's attitude to the philosophy of N.K. Mikhailovsky is revealed.

Key words: «Theory of Imitation», «Subjective method», «Struggle for Individuality», mob, populism, Marxism.

Развитие общественных отношений, исключающих «деперсонализацию» личности, формирование «холистических» взаимоотношений личности и социума невозможно без обращения к отечественному философскому наследию, в частности к творчеству выдающегося русского мыслителя, идеолога народничества, Н.К. Михайловского.

«Теория подражания», созданная социологом в период с конца 60-х до начала 80-х годов XIX в. не сводится к анализу психологического механизма массовых движений в известных статьях о «героях» и «толпе». Она тесно связана с «субъективным методом»; учением о формах кооперации, которые создают общественные условия для возникновения различных видов подражания; концепцией социального отчуждения.

Однако в ходе полемики народничества и марксизма 90-х годов XIX в. «теория подражания» рассматривалась, прежде всего, в контексте исторической концепции Н.К. Михайловского. Проблема роли личности в истории и, связанный с ее решением практический вопрос о том, какую роль должна сыграть русская интеллигенция по отношению к народным массам находился в центре общественного внимания.

Марксистская критика обвиняла идеолога народничества в субъективизме и волюнтаризме. Утверждалось, что Н.К Михайловский отрицает значение исторической необходимости и жестко противопоставляет интересы личности и общества. В соответствии с этим «теория подражания» рассматривалась как выражение утопического стремления героической народнической интеллигенции вести за собой безликие массы.

«Как ни любит герой толпу, как ни полон он сочувствия к ее вековой нужде, к ее беспрерывным страданиям, он не может не смотреть на нее сверху вниз, не может не сознавать, что все дело в нем, в герое, между тем как толпа есть чуждая всякого творческого элемента масса, что-то вроде огромного количества нулей, получающих благотворное значение только в том случае, когда во главе их становится добрая, «критически мыслящая» единица» — Г.В. Плеханов [6, с.605].

В действительности Н.К. Михайловский никогда не пытался опровергать учение о причинной обусловленности исторических событий. По его мнению, развитие общества с одной стороны — естественная эволюция, с другой — целенаправленный процесс. Личность — результат определенных причин, но цели, которые она ставит перед собой, и деятельность по их достижению делают ее, в свою очередь, активной и сознательной причиной дальнейшего хода событий. В рамках объективных условий личность способна влиять на исторический процесс, ускорить или замедлить развитие тех или иных тенденций. «Делай историю, двигай ее в направлении своего идеала, ибо в этом-то и состоит повиновение законам истории» — призывал идеолог народничества [5, с. 37].

Уже в 70-х годах XIX века Н.К. Михайловский обращал внимание революционной интеллигенции на различие «интересов» и «мнений» народа и предостерегал от идолопоклонства перед ним. В 90-х годах он пессимистически оценивает возможности народной революции в России. Народные массовые движения часто основаны на бессознательном массовом подражании, стихийны и неуправляемы. Они обращены вовсе не к социалистическим идеалам, а к прошлому, «золотому веку старины». У интеллигенции нет шансов попасть в герои к народу, который может выйти из состояния толпы только после длительной культурной работы.

После дискуссии с народничеством, в 90-х годах XX в. начались идейные споры в самом русском марксизме. Н.А. Бердяев в период перехода «от марксизма к идеализму» проявил интерес к философско-социологической теории идеолога народничества. Его первая большая книга «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» (1901) посвящена Н.К. Михайловскому.

В этой работе Н.А. Бердяев утверждает, что идеолог народничества не смог правильно поставить и решить вопрос о сущности исторического процесса и роли личности в истории. По его мнению, Н.К. Михайловский исключает человеческую волю из цепи причин и следствий в историческом процессе, призывает личность бороться с исторической необходимостью, видя, вместе с тем, в законах истории нечто непреодолимое. «Тут ошибки фатализма и индетерминизма соединяются воедино: естественный ход вещей оказывается фатальным, человеческая деятельность — индетерминированной» — писал Н.А. Бердяев [4, с. 119].

Неверно истолковывая взгляды Н.К. Михайловского, мыслитель, вместе с тем, признает отчасти правильной его критику плехановского марксизма. Стремясь дополнить марксизм неокантианством, он утверждает, что русские марксисты не понимают диалектику необходимости и целесообразности в историческом процессе.

Н.А. Бердяев, признавая определенное научные заслуги идеолога народничества в раскрытии механизма массовых движений, утверждает, что фактически он призывает интеллигенцию выступить в роли «благородного героя» по отношению к народу.

В годы первой русской революции 1905–1907 годов оживились надежды на объединение идеалов интеллигенции и народа. В статьях этого периода, оценивая революционные события, Н.А. Бердяев, окончательно порвавший с марксизмом, дает иную оценку и взглядам идеолога народничества.

По его мнению, как и всякая революция, русская революция «заражается тем духом против которого борется: один деспотизм порождает другой деспотизм, одна полиция другую, вандализм реакции порождает вандализм революции» [2, с. 374].

Среди части русской интеллигенции распространен нигилизм, порождающий «революционизм хулиганского типа» и идеализацию толпы. В таких условиях наиболее культурная, сознательная и ответственная часть революционеров неизбежно потеряет свое влияние на массы и не будет играть никакой роли в революционном захвате власти.

В этих условиях Н.А. Бердяев считает необходимым напомнить интеллигенции учение Н.К. Михайловского об «интересах» и «мнениях» народа и некоторые положения его «теории подражания». В своих более поздних работах, посвященных уже анализу последствий революции 1917 года он неоднократно отмечал, что идеолог народничества «предвидит ситуацию, в которую будет поставлена радикальная, стремившаяся к революции интеллигенция» [1, с. 303].

Однако собственные мысли Н.А. Бердяева о том, как следует «управлять стихией революции» содержат возможность принять толпу за народ, а сознательное за бессознательное. Так как не бывает «умных», рациональных революций, утверждает философ, то социал-демократы, относящиеся к политике как к «религиозному деланию» и воздействующие на чувства народных масс, имеют больше шансов, чем рационалистически настроенные кадеты.

«Положение спасти могут только новые религиозные идеи, не менее сильные и привлекательные, чем социал-демократические или черносотенные. Политика должна быть не отвлеченным началом, как у кадетов, а должна быть связана с полнотой духовной жизни народа» [3, с. 395] — писал мыслитель. Интересно, что в среде крайне левых русских марксистом в это время также проявляется интерес к «богостроительству».

В 20-х годах XX в. основные идеи этих дискуссий получают развитие в спорах о характере Октябрьской революции, путях построения социализма в СССР.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма // Сочинения. –М.: Раритет, 1994.
2. Бердяев Н.А. Революция и культура // Бердяев Н.А. Sub spesie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные. (1900–1906). – СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, –1907. –С. 374–381.
3. Бердяев Н.А. Русская Жиронда // Бердяев Н.А. Sub spesie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные. (1900–1906). –СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1907. – С. 391–397.
4. Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском. – СПб.: Изд. О.Н. Поповой, –1901. –267 с.
5. Михайловский Н.К. Идеализм, идолопоклонство и реализм //Михайловский Н.К. Сочинения. СПб.: Изд. редакции журнала «Русское богатство». Т.4, 1897. С. 31–70.

6. Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Избранные философские произведения: В 5 т. –М.:Госполитиздат. Т.1., 1956. –С. 507-772.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ В ЕЁ ПРОЕКЦИИ НА МЕДИЦИНУ В СТРУКТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ К. ЛЕВИ-СТРОСА

Ковалюнас Н.В.

Институт развития образования, Самара

Аннотация: Рассматриваются вопросы традиций в изучении культуры в ее проекции на медицину, параллелей между прошлым и современными медицинскими подходами. Анализируются понятия структурного метода, методологии структурной антропологии и концептов современной парадигмы медицины и медицинской культуры.

Ключевые слова: медицинская антропология, бессознательное, структурная антропология, культура, врач, культурные барьеры, культура и язык, коммуникация.

Abstract: The issues of traditions in the study of culture in its projection on medicine, parallels between the past and modern medical approaches are considered. The concepts of structural method, methodology of structural anthropology and concepts of the modern paradigm of medicine and medical culture are analyzed.

Key words: medical anthropology, the unconscious, structural anthropology, culture, doctor, cultural barriers, culture and language, communication.

Антропологические традиции изучения культуры в ее проекции на медицину обращают внимание на то, что задача исследований медицинской культуры — «понять и сохранить те символы, от которых зависит здоровье и жизнь человека [2, с. 65]. Известная работа Клода Леви-Строса «Структурная антропология» ставит вопрос взаимосвязи природы, человека и его культуры и в этом смысле поднимает актуальные для философии медицины вопросы. Для ученых и философов давно очевиден тезис, что наличие культуры, во всем многообразии ее феноменов, есть, прежде всего, продукт идеальной активности человека. В 1958 г. вышла в свет работа выдающегося французского ученого К. Леви-Стросса «Структурная антропология», где автор не просто обозначил, но проследил систему этой связи: «Мы еще недостаточно отдаем себе отчет в том, что язык и культура являются двумя параллельными разновидностями деятельности, относящейся к более глубокому слою» [1, с. 67]. Культура, в предложенном Леви-Стросом контексте, не является ни естественным, ни искусственным образованием, так как за-

висит ни от генетики, ни от сознания и рационального мышления человека: суть ее «в правилах поведения, которые не были изобретены, и функция которых не осознается теми, кто им подчиняется». Между биологически передающейся наследственностью и имеющими рациональное происхождение правилами «пребывает самая важная и самая действенная масса бессознательных правил», которые и соответствуют понятию культуры. По логике К. Леви-Стросса любой из культурных объектов имеет значение, утверждает, о чем-то ином, нежели он сам, и здесь семиотический подход к культуре тесно соприкасается с психоаналитическим утверждением, что в сфере человеческой духовности есть область неявного, подсознательного, неосознанного. Одно из фундаментальных допущений структурной антропологии состоит в тезисе, что феномены культуры предполагают знаковую природу и цель исследования структурного антрополога — вывести на поверхность то, что на поверхности не лежит. «Цель заключается в том, чтобы обнаружить за осознаваемыми и всегда различимыми образами, посредством которых люди понимают историческое становление, инвентарь бессознательных, всегда ограниченных по числу возможностей. Их перечень и существующие между ними отношения совместимости или несовместимости создают логические основания для разных видов исторического развития, если не всегда предвидимых, то во всех случаях закономерных» [1, с. 30]. Во всех ипостасях язык у К. Леви-Строса имеет базисный статус, определяющий все прочие в мире культуры отношения: «язык можно рассматривать как фундамент, предназначенный для установления на его основе структур, иногда и более сложных, но аналогичного ему типа, соответствующих культуре, рассматриваемой в ее различных аспектах [1, с. 65]. Методология структурной антропологии позволяет проводить параллели между лечебными методами древности и современными методами излечения. Не применяя механической редукции настоящего к прошлому, можно тем не менее констатировать, что Леви-Строс прав в своем утверждении: «психоаналитики лучше поймут механизм действия своего метода и свои цели, если сопоставят их с методами и целями своих великих предшественников-шаманов и колдунов» [1, с. 182]. И это касается не только психоанализа. Весьма критично относясь к тому, что в этой области было сделано до него [3,4], Леви-Строс выделяет 3 типа способов врачевания в древности, не исключающие друг друга [1, с. 169]. Первый — физическое воздействие на больной орган, манипуляции с ним, имеющие целью удалить причину заболевания. Второй способ — имитация битвы со злыми духами. Третий способ предполагает, что врачеватель произносит заклинания и предписывает различные действия, непосредственных связей которых с подлежащим излечению заболеванием проследить не удается. При объяснении воздействия подобного вида врачевания и его эффективности используется апелляция к психологическим возможностям исцеления, когда психологические представления становятся тем механизмом, который

положительно влияет на строго определенные физические расстройства. При этом своими действиями древний врачеватель (шаман у Леви-Стросса) предоставляет в распоряжение пациента ЯЗЫК, с помощью которого могут выражаться неизреченные состояния и без которых их выразить было бы нельзя. В результате «нахождения общего языка с болезнью» и достигается эффект, когда патологический процесс разворачивается в благоприятное для выздоровления направление. Создание «символического разговора» с болезнью — процесс осуществления контакта на бессознательном уровне и со стороны врачевателя, и со стороны пациента. Сам термин «бессознательное» у Леви-Строса обозначает символическую функцию, отличительную для человека, но у всех людей проявляющуюся согласно одним и тем же законам. Это иное понимание бессознательного, нежели, например, у З. Фрейда. Бессознательное, по Леви-Стросу, всегда остается пустым (в отличие от подсознательного, которое есть хранилище воспоминаний и образов). Бессознательное имеет такое-же отношение к образам, как желудок, к находящейся в нем пище. Бессознательное — инструмент с единственным назначением: оно подчиняется структурным законам, которыми и исчерпывается его реальность, нерасчлененные элементы, поступающие извне: намерения, представления, воспоминания. «Можно сказать, что подсознание — это индивидуальный словарь, в котором каждый из нас записывает лексику своей индивидуальности, и что бессознательное, организует этот словарь по своим законам, придает ему значение и делает его языком, понятным нам самим и другим людям» [1, с. 181]. Отметим, что позиции, выдвинутые Леви-Стросом в качестве оснований «Структурной антропологии», несколько видоизменялись в процессе творчества ученого. Первоначально, бессознательное выступает у Леви-Строса как фундаментальное понятие, как та реальность, опираясь на которую можно преодолеть субъективизм теорий и концепций культуры. В 60-е годы ученый меняет взгляды. В его трудах начинает преобладать биологический редукционизм, проявляющийся в частности в проводимой им параллели между коммуникацией, возникающей и существующей между людьми, и коммуникацией, возникающей между живыми клетками и аминокислотами. В середине 70-х он вновь возвращается к противопоставлению культуры и природы и восстанавливает фундаментальную роль бессознательного.

Для современного исследователя символических форм культуры обращение к методологии Леви-Строса обретает несомненную ценность, особенно в контексте попыток найти складывающийся в отечественной науке тенденции анализа антропологического материала при исследовании проблем, связанных с жизнью, смертью, исцелением; при определении границ медицинской культуры и всего, что связано со здоровьем и болезнями современного человека.

Литература.

1. Леви-Стросс К. Структурная антропология/ К. Леви-Строс. – М.: Наука 1985.
2. Наследков В.Н. Антропологические представления о медицинской культуре/ В.Н. Наследков, Н.В. Ковалюнас // Методологические и социальные проблемы медицины и биологии: сб. науч.тр. Вып.14. – М.: Медпрактика, 2006.
3. Тайлор Э.Б. Первобытная культура/ Э.Б. Тайлор. –М.: Политиздат, 1989.
4. Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии/ Дж. Дж. Фрезер. – М.:Политиздат, 1989.

РАЗДЕЛ 4.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВЕДЕНИЯ, ПЕДАГОГИКИ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

NATURAL AND POSITIVE LAW IN THE CONCEPT OF CORRECTING OFFENDERS

Bagreeva E.G.

Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract: In the article it is proposed to consider the relationship of purposeful process of correcting convicted persons in places of detention based on the norms of natural and positive law with the prevention of recurrence. Most philosophers consider legal regulation as a mandatory condition for the stable functioning of the state and recognize the law, as a system of norms, which is divided into natural law and positive one. In the penitentiary practice the concept of correcting offenders, which is based on the socio-cultural norms of natural law and the mandatory norms of positive law, should become an essential knowledge of convicted persons with the aim of preventing recurrence. In penal practice the concept of correcting criminals, which are recognized as socio-cultural norms of the natural law and the binding rules of positive law, should become a necessary knowledge of the prisoners for the purpose of prevention of recurrence. The author analyzes the outstanding experience of A.S. Makarenko, as an example of a multidimensional process of "vaccination" convicts by the norms of natural and positive law for their successful resocialization. The article demonstrates the author's method of comparative analysis of philosophical and legal ideas and also analysis of international law. The study assures that the actual task for the modern prison systems is not only serving the sentence in a safe environment, but also to help convicts to be ready for successful resocialization, as prevention of recurrence on the basis of norms of natural and positive law.

Keywords: Crime relapse, philosophy of law, natural law, socio-cultural norms, positive law, the process of resocialization, experience of A.S. Makarenko, the penitentiary system, the correction process, socio-cultural regulators.

At all times the communities of the people, the states are "affected" by the phenomenon of crime. Its distinctive feature is the social nature and social conditionality of criminal acts committed by people in society against their interests and needs, socio-cultural norms and established rules of social behavior as a set of social relations with their regularities and contradictions. Despite the wide range

of efforts, crime in the world is “a chronic disease” of human communities. “The central message … is that criminality is an integral part of how society, and its culture, is constructed. Thinking of crime as generated by abnormal individuals that is the responsibility of law enforcement and the judicial system is to ignore the endemic processes that sustain it and those who deal with it on a daily basis ” (1, p. 8) In this regard, the recurrent crime as an indicator of «incurability» of the society is particularly troubling. In 2015, the leadership of the Federal penitentiary service pointed out a high percentage of recidivism among prisoners: “at hearings in Public Chamber of the Russian Federation first Deputy Director of the Federal penitentiary service Anatoly Rudy said that of 673 thousand convicts 85 percent are people who were convicted two or more times”. (2) A more detailed analysis of this situation was given by scientists-criminologists: “In 2015 the problem is accentuated by a contingent of convicts in correctional colonies, when the dominant position in the prison began to occupy previously convicted persons (62,0 %). According to recidivism rates, a significant proportion were persons convicted three or more times — 48,35%. The share of persons convicted the second time made up of 13.65%” (3, p. 193). The state of crime and, especially, a recurrent one, is always in the center of not only the criminal policy of the state, but also the whole society. However, “the analysis of the socio-criminological characteristics of crime in January — December 2016 shows that more than a half (674 935; APPG — 688 817) crimes committed by persons previously committed crimes. Their percentage is 56.7% (APPG — 54,9%) of all preliminarily investigated crimes in the reporting period”. (4, p. 8) Thus, the current situation, despite the complex law enforcement, unfortunately, is sustainable, which in turn can affect the stability of the state and its security. Thinkers-philosophers in all times have tried to formulate the idea of an optimally functioning state, realizing the complexity and diversity of that task. Today, the search for new approaches to the concept of criminal reform in the name of stability of the state forces us to revisit the ideas of philosophy in general and philosophy of law in particular. Humanity for long years of existence has developed the understanding of conditions for stable functioning of the state only in the presence of legal regulation. In the process of state development such factors are legal norms that are binding on all citizens: understanding the law as a system of norms it is in use to divide it into a natural law and a positive one. Long–lasting, dynamic and fruitful evolution of the philosophy of a natural law, (prominent representatives of which were Aristotle, the Greek Stoics, Cicero, the Roman Stoics and the medieval scholastics), led to the understanding of the need for consideration of socio–cultural norms and rules of conduct prevailing in a natural way, coming from the needs and interests of the individual. In this way the natural law was formed as a list of freedoms and duties of man, provided he was born by nature.

Natural rights — the right to life, dignity, fair treatment, freedom of thought, etc., are not directly linked to the state, and therefore they cannot be controlled by it. They are prevalent in the socio-cultural environment and are supported by

different forms of public opinion. "...Even in societies where "kings", "chiefs" or any formal state institutions are absent, regulators of social behavior that make social life predictable and, moreover, guarantee a more or less stable reproduction of its forms are visible... the famous American jurist Roscoe Pound suggested that "the force of politically organized society" (5, p. 4). At the same time, the natural norms become a benchmark for the state that creates their positive analogues. Thus, the rules of positive law are mandatory requirements to conditions and organization of society, responding to the goals and objectives of the state, established at the state level and regulated by law. The problem, including a crime as "a disease of society," consists in finding a balance in the use of norms of natural law and positive one for optimization of the functioning of the state. However, the norms of positive law can interact with the natural ones, but at the same time and contradict them. And it concerns not a solitary idea, but a whole philosophical-religious theory and dogma. The historic confrontations between these two types of law have developed under the burden of social changes in society. The natural norms that are treated differently may be the causes of deviant behavior of some individuals. The tyranny and violence, various kinds of abuse of citizens perpetrated by them can be explained by misunderstood religious attitudes. The norms of positive law preserve society from such attitudes. Most of modern scholars agree with the idea that "as internally balanced social system, the legal state has few leading, necessary and sufficient signs.

1. The priority of law over the power

It requires a balanced system of legal restrictions on the activities of state authorities. The norms of law inhibit the likelihood of the arbitrariness of the authorities; prevent any attempts of the state to exercise their authority to the detriment of civil society. They forbid the state to interfere in the private lives of law–abiding citizens, forced it to reckon with the principle of the inviolability of the rights and freedoms of the individual.

2. The priority of natural law over positive one

State legislation is based on the principles of inalienability and inviolability of the natural rights and freedoms of the individual. The natural right of everyone to life, liberty, property, dignity, well-being and happiness is a fundamental social value protected by the current legislation. Laws only prove that the natural rights are not bestowed by state, but are owned by the person initially." (6, p. 9). Thus being relatively mutually independent the norms of natural and positive law determine, penetrate, interact with each other, and without them it is not possible to regulate relations in the society. Another condition for the stability of the state is the individual who follow or does not follow the norms of natural and positive law. Thus, the concept of correcting criminals can and should rely on knowledge and acceptance of the norms of natural and positive law. This way, that is confirmed theoretically by researches and practitioners will give possibility to reduce recidivism and overall crime.

High recidivism rates indicate unsolved problems: on the one hand — the problems of execution of punishment, and, on the other — with the rejection by society of people who do not accept the rules of life, embodied in the laws of the state, as well as socio-cultural norms prevalent in the society. The value of the ideas of philosophers who defend the existence of natural law is that it appears there and then, where the human community is born. Firstly, it forms elements of subculture, and then, with the development of society and the elements of cultural that are accepted by the whole society. Philosophy itself takes the concept of natural law on the base of analysis of the psychological, physiological, biological, cultural and socio-historical factors. In turn, the study of diverse customs, traditions and rules of human behavior, opens up some of the general and permanent rules that are derived from the generic essence of man, and that creates the culture of a society. Unfortunately, the modern theory of natural law is far from a fairly wide recognition of the specialists of the penitentiary system. At the same time, natural law is one of the most sustainable concepts of the philosophy of law, due to the interests and needs of man, forms the set of sociocultural rules and rules of conduct. A natural law should be understood as a set of socio-cultural natural regulators of human behavior. Of course, it is rather an ideal, whereas positive law is the reality that monitors and provides by the state. Legal anthropologists focused on the socio-cultural variability are to admit the doctrine of natural law. Let us remember G. Grotius, who in his famous work " On the law of war and peace" in the Chapter "Evidence for the existence of natural law" in support of his concept brought similar thoughts of other philosophers: Andronicus of Rhodes wrote: "…the people gifted with a right and sound mind, firmly adhered to the so-called natural law. For those ones whose spirit is painful and upset, everything seems different, and they have nothing in line with the subject. So does not mistake the one who finds honey to be sweet, whereas for the patient it seems to be otherwise". The opinion of Plutarch was close to the abovementioned authors and in the life of Pompey he noted that "…by nature no man is and was not a wild and unsociable creature, but he goes wild when he get used to indulge in Vice, distorting his nature; however, following the other habits, changing his lifestyle and place of residence, he can return to his former meekness" (7, p. 12). Socio-cultural disadoptation and asocialisation of criminals is a complex and has taken place process of social and cultural «fall out» of the offender from society. Anthropology of deviant and later criminal behavior can be explained by the neglect firstly the norms of the natural law and then the positive one. The concept and process of returning the offender in open society should consist of repentance and acceptance of the two systems of law. On the one hand, sociocultural norms, born by natural law and reducible mainly to the existing moral values and standards, containing the stereotypes of socially approved behavior, the system of prohibitions, sample of activities and forms of interaction, and even conflict resolution. On the other hand — the rules of positive law, concentrated in the current legislation of the society. "The idea that legal rules and categories define social wrongs, determines their consequences,

and resolve conflict remains strong, despite the fact that jurists …as well as anthropologists, have remarked that some societies seem to do very well without law when settling disputes. During my own fieldwork in Ladakhi village it quickly became apparent that the villagers felt no need to refer to any rules to address disputes or discipline those guilty of aberrant behavior". (8, p. 9). The position of the modern scholars of the University of Oxford has underlined the importance not only of the norms of positive law, but also a specific function of social and cultural norms as regulators of social relations. Thus, the time allotted by the court for the enforcement of penalties should be used for «passing» by the convicted the «reverse» path through repentance, the acquisition of social-psychological health in the process of psychological harmonization of the personality, and the way of knowledge and recognition of sociocultural rules and norms of the legislation of the country.

The practice, established in places of deprivation of liberty, as a rule, is focused on the security of the convicted person and society from the convicted person, on the conditions of punishment and some kind of social assistance in solving of his humanitarian problems. If one does not see necessity of providing conditions for prisoners to study socio-cultural and legal norms, we leave the door closed for prisoners after their release in the legal field of socio-cultural space of the country. Understanding of the importance of social and cultural norms of the natural law and the positive law in terms of the correctional institution is the incentive and support, the need and confidence on the path of humanization of the process of correction and resocialization of convicts. Not caring about the knowledge and acceptance by prisoners in the places of deprivation of freedom socio-cultural and legal norms of the state, we create the conditions under which it becomes impossible to re-identity them in open society, which again leads to their internal instability, the loss of moral standards, disharmony, stress, and recurrent crimes. In the twentieth century, the foreign practice of corrections was focused only on the need for security of detainees. For almost a century, the foreign colleagues gave preference to the guard of prisoners, technical means of protection and security. However, in the beginning of the century originated the first institutes of social work with prisoners in places of deprivation of liberty. Staff social workers of corrections took over the care of education of convicted persons and their subsequent employment. However, later it became apparent that the creation of technically advanced conditions of imprisonment, and efforts of social work was not enough for the solution of personal problems. Modern international legislation (a notable example is the law concerning minors, in particular, the Rules of the United Nations for the protection of juveniles deprived of their liberty) recommends the development of an individual program of returning the minors in the socio-cultural environment of society based on the formation of appropriate attitudes and skills in terms of isolation. "One should guarantee the implementation in correctional institutions the effective events and programs in the interests of minors that would ensure maintaining of their health and self-respect, foster their

sense of responsibility and encourage the formation of such attitudes and skills that would help them to develop their potential as members of society...with the aim to counteract the adverse effects of all types of detention and to facilitate their integration into society". (9, p.1.3). In favor of successful «soft» re-socialization in the Rules the series of events are regulated. Particular importance is attached to the staff — humane, conscientious, efficiently performing their duties with the goal of assisting offenders in their return to society. The Rules establish the right of minors to education, training and employment, leisure, medical care, freedom of religion. However, international law does not demand from convicts to study the legal and socio-cultural norms of the law of the state of re-resocialization. However, the already accumulated experience in the use of socio-cultural factors in penal practice. In the legislation of many countries, enshrine measures that protect the rights of prisoners with regard to their cultural traits — from the need for general and professional education and the development of specific, individual programs for their social and cultural reintegration to provide their preferred food (vegetarian, kosher) and the ability to follow religious customs and rituals in places of deprivation of liberty. Since the early 80-ies of the last century the names of the proponents of art–therapeutic work with prisoners are well known: Carrell C., J. Laing, 1982; Laing J. 1984; Liebmann M., 1994; B. Karban, 1994; Innes R., 1996, and other specialists. Definitely interesting is the experience of Mr. Colin Tisdale (Great Britain), who became the winner of the award for the implementation of art therapy in correctional institutions (1997). «I am sure, wrote researcher, that each client-convict must be given the opportunity of art-therapeutic work in order in particular to understand the causes of their socially dangerous behavior, ...art therapy helps understanding why a person feels anger, and, ultimately, helps to «dealing with anger». (10, p. 324) It is known that in the history of our penitentiary system there is a convincing example of the multidimensional process of acquaintance and upbringing of minors, first of all with sociocultural norms. This is the experience of Anton Semenovich Makarenko in the penitentiary institution. He was a genius teacher and psychologist and he managed to find a golden middle in the use of «carrot and stick» in the process of correction. He, perhaps for the first time in the world, made an attempt of the balanced use of two regulators — norms of natural and positive law: "...Anton Makarenko, first embodied the idea of training young delinquents in a special children's colonies, which combined work with training". (11, c. 580). "Makarenko's ideas concerning the relationship between education and other disciplines, whether in the humanities (philosophy, ethics, aesthetics) or in the natural sciences (biology and physiology) deserve serious attention. More particularly, his far-reaching investigation of the essentials of a new, socialist pattern of moral and ethical relations led him to enunciate this very important idea: make as many demands as possible on a man, and at the same time show him as much respect as possible. This idea is occasionally criticized by some modern educators for putting the principle of demanding something of people in such a prominent position in the 'demand–respect' dyad. Makarenko himself

pointed out that from a genuinely humanitarian point of view, respect for and demands on a person were not separate categories and attitudes, but were dialectically related facets of an indivisible whole"(12, p. 2). This statement of a modern scientist, formulated after nearly 80 years, confirms the relevance and prospects of Makarenko's ideas even in our days: for and from juvenile offenders Anton Semenovich organized theaters and orchestras (brass and strings), groups of fine art and the art of reading, dancing and singing. In Kharkov, city drama theatre every day was booked a bed for juvenile offenders. He attached great importance to the culture of the staff and the aesthetics of the surrounding environment of the colonists, introduced the concept of aesthetics, beauty, discipline, etc. In fact, A.S. Makarenko placing an emphasis on natural law, in his practice realized the necessity of ideas for new penitentiary culture! Today we need to revisit his legacy and, given modern conditions, to implement his experience purposeful creation of a sociocultural environment in a closed society. "Some of the ideas proposed by Makarenko in "The pedagogical Poem" were more original than others, but they should be considered in the context of the time and place in which they were produced. Moreover, these were not abstract proposals made by Makarenko in the isolation of an office, but as a result of concrete, practical experiences in which success was often preceded by trial and error". (13, p. 4) However, until now we almost never use the norms of the natural law as a social regulator of relations in a closed society. Instead of purposeful, consciously formed and managed external influences, sociocultural norms are"born" inside, fueling a subculture of the criminal world. Thus, the administration of most prisons, unfortunately, do not use the possibility of recovering and acceptance by prisoners the sociocultural rules as one of the significant factors affecting the process of successful re–socialization of prisoners and, thereby, 50 % delays and complicates the process of correction. Ongoing in Russia process of reforming of criminal executive system is aimed at further humanization of the conditions of serving the punishments and the order of execution of criminal sanctions, bringing them to international standards. The correction of the convict, which is the goal of corrections, provides, first, the return to society law–abiding and socially useful citizens who have successfully completed the process of re–socialization.

In conclusion, we can say that a consistently high percentage of recidivism stimulates scientists and practitioners to search for new concepts and ways of correcting the convicts. Despite the almost century-old history of the social experience of A.S. Makarenko to return a minor stumble in an open society, there is a need to analyze and use relevant ideas in modern penal practice. Implementation of the proposed penal concept of criminal reform will require, in practice, its deeper comprehension, understanding of the mechanisms and prerequisites of its implementation. It is important and necessary to establish in the minds of the convicts the balance between the rules of natural law and mandatory rules of positive law. Today they of not only the legal norms of positive law, but also socio-cultural norms of the natural law should see the difficult way of return of criminals from a

closed society to an open one as a twofold process of recovery and acceptance as the mandatory conditions of life in society. This concept definitely requires from management of penitentiary institutions not only to create the conditions for safe keeping of criminals, but a purposeful complex of socio-cultural, psycho-pedagogical and organizational-legal measures to create special conditions, which implement the norms of natural and positive law in the concept of correcting criminals.

Literature:

1. Journal of the Academy of Social Sciences, Volume 11, 2016, Issue 4: Crime and Society (01.12.2016) Professor David Canter is Editor in Chief of Contemporary Social Science, Director of the International Research Centre for Investigative Psychology at The University of Huddersfield and Emeritus Professor at the University of Liverpool. He has published widely on many aspects of applied and social psychology over the last 45 years. Dr Donna Youngs is a Reader in Investigative Psychology at the University of Huddersfield, UK. Her research explores offenders' behavioral patterns and their psychological correlates as well as the behavioral distinctions between criminals and the general population.
2. Vesti.Ru "Bitterish statistics: 85 percent of prisoners in Russia are recidivists". 24 March, 2015.
3. Avdeev V.A., Avdeeva O.A. Recurrent crime in Russia: state and development trends. Criminal liability and punishment. The collection of materials of all–Russian scientific–practical conference dedicated to the memory of professors of the Department of criminal law of the Ryazan higher school of the Ministry of internal Affairs of the USSR V.A. Eleonsky and N.A. Ogurtsova (Ryazan, 17 February, 2017) p. 193.
4. Genproc.gov.ru A criminality condition in Russia for January – December 2016. Moscow, p. 8.
5. Armando Marques Guedes "Law as Culture?" Published in(ed) A. Hespanka "Feelings of justice in the Chinese community of Macao", ICS Press, Lisboa 2003 p. 4.
6. © V.A. Bachinin, Sociology. Publishing house of R. Aslanov «Law center Press», 2004, p. 9.
7. G. Grotius. On the law of war and peace. Electronic library "Civil society", p. 12 www.civisbook.ru.
8. Fernanda Pirie, 2013, "The Anthropology of Law", CLARENDON LAW SERIES, Oxford University press, p. 9.
9. Resolution # 45/113 of the UN General Assembly on 14 December 1990 , p. 1.3 www.base.garant.ru.
10. Workshop on art therapy, 2000, SPb: PETER , p. 324.
11. History of Humanity – Vol. VII, Twentieth Century: Scientific and Culture Development, 2008, Civilization, p. 580.
12. G.N. Filonov The following text was originally published in Prospects: the quarterly review of comparative education (Paris, UNESCO: International Bureau of Education), vol. XXIV, no. 1/2, 1994, p. 77–91. ©UNESCO: International Bureau of Education, 2000, p. 2.

13. Elena Kuzmich and Daniel Schugurensky, 2009. "Selected Moments of the XX Century", History of Education, Ontario Institute Studies in Education of the University of Toronto, p. 4.

ДЕГУМАНИЗАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ ОБЩЕСТВА, ОПТИМИСТИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Алеева Л.В., Андреева Е.Г., Брюханцева Н.В., Терешкова Н.Ю.

МАДОУ № 13 г. Томск

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы разобщенности уровней образования, утверждается ценность гуманитарных знаний и гуманного отношения к человеку. На примере деятельности дошкольного учреждения представляются возможные пути в реализации новых подходов для совершенствования не только образовательного процесса, но и создания условий для развития личности и ребенка, и педагога. Поиск определен межинтеграционными связями в процессе реализации проекта «Аксиологическое акме педагога», экспериментальными площадками по безопасности, инклюзии, художественному образованию. Доказывается тесная связь форм деятельности, конкретной практики педагога с развитием его мировоззренческих ориентаций, широким гуманитарным кругозором. Ставится вопрос о возможности и необходимости холизма всех уровней образования. Образование рассматривается как сложная открытая нелинейная подсистема социума. Цель работы — поиск новых форм взаимодействия в образовательном, информационном пространстве в условиях, когда рост коммуникаций обусловил появление новых технологических методов в современном социуме. Ставится вопрос о возможностях и перспективах инклюзии в образовании, что становится толчком для позитивного развития человека и общества.

Abstract: In the paper are analyzed questions about lack of education level lack of unity, is confirmed the value of humanities knowledge and human attitude to personality. Using as example the activity of an infant school, are shown possible ways to improve new approaches for developing both educational process and creation of conditions encouraging the development of children's and educator's personality. Such research is defined by interintegrative links in the frameworks of projects "Axiological achme ofeducator", testing sites in the field of security, inclusion, artistic education. Has been established the tight link of kinds of activity, concrete practice of educator with development of his worldview orientation, wide humanitarian outlook. In the paper has been set the question if is possible and necessary a holism of all educational levels. Education is meant as complex, open and not-linear subsystem of society. The goal of the present paper is searching for new kind of interaction in educational and information space when the introduction

of different kind of communication promoted the advent of new technological methods in modern society. Moreover, in the paper has been set the question if it is possible and perspective an inclusive education, which may give impulse to a positive development of personality and society.

Занимаясь проблемами первого уровня образования — дошкольного, мы осознаем, что система данного уровня в основном решает задачи активного развития личности ребенка и подготовки его к школе. Считаем важным подчеркнуть, что образование как феномен культуры всегда является фактором развития личности педагога. В сфере профессиональной подготовки педагогов-«дошкольников» делается все возможное, но в плане совершенствования ментальных, личностных, ценностных и мировоззренческих установок в условиях постоянно изменяющегося информационного общества ситуация не столь оптимистична. Нас интересует не только профессиональные качества педагога и развитие личности дошкольника, но и соответствующее современным изменениями в жизни социума развитие личности педагога, поскольку уровень, качество, потребности и мотивы его самосовершенствования профессионального и личностного непосредственно оказывают воздействие на детей, их родителей, членов их семей и общество в целом. Проблема личности, её развития и становления не нова, но нам интересна проблема развития личности педагога. Справедливо считается, что педагогом можно назвать того, кто сам постоянно учится, совершенствуется всю жизнь. Поэтому мы обращаем своё внимание на личность педагога, работающего с детьми до школы. Л.Н. Толстой утверждал, что воспитание детей есть только самосовершенствование воспитателей. При этом нельзя забывать, что объект воспитания — ребенок — непрерывно растет, развивается, год от года меняются условия воспитания, и все это влечет за собой совершенно неизбежную эволюцию педагогического знания. Каким должен быть педагог детского сада? Естественно, обладать определенным набором личностных качеств. Круг наших интересов в отношении личности связан с проблемами ее становления, развития и зрелости в педагогической сфере дошкольного образования. Более того, мы представляем изучение особенностей развития личности педагога в тесной связи с развитием личности ребенка и членов его семьи. Мы осознавали, когда создавали многолетний инновационный проект «Аксиологическое акме педагога», что изменения в мировоззрении педагога повлекут изменения в мировоззрении воспитанников педагогов и их родителей. Но мы поняли во время реализации проекта, что для успешных исследований мы должны быть связаны со школой, высшим образованием и многими другими федеральными и городскими и федеральными структурами. Это мы осознали тогда, когда на всероссийских конференциях постарались решать проблемы данного образовательного уровня.

Современная ситуация дегуманизации общества фактически заставляет нас серьезно обращать внимание на мировоззренческие установки в

коллективе. Они всегда являются сложными для коррекции, изменений, поскольку носят глубинный характер в структуре личности, требуют достаточно много времени. Мы убеждены, что одним из безусловных вызовов нашего времени является требование профессионального обеспечения решения проблемы культивирования человеческого в человеке. Это условие напрямую связано с преодолением отчужденности человека, его дезориентированности в современной жизни, порой опустошенности и усталости от стремительной и многоплановой жизни. Современный образованный человек, особенно педагог в сфере дошкольного образования, уже знает теоретически, что в первые пять лет жизни ребенок усваивает порядка 70 % всей информации, всех базовых и необходимых жизненных навыков. Тем не менее, педагог не всегда может увидеть, осознать результативность своей педагогической деятельности, а также уровень своей ответственности перед ребенком, его семьёй и обществом за свой уровень профессионализма. Эта проблема усложняется, если у ребенка есть проблемы со здоровьем. Именно поэтому мы уделяем особое внимание постоянному самосовершенствованию педагога дошкольного образовательного учреждения с привлечением специалистов разного профиля. Уже сегодня мы активно сотрудничаем с научно-исследовательскими институтами генетики, психического здоровья, сибирским медицинским институтом, ведущими университетами города Томска.

Одним из важных факторов в системе образования мы считаем личностные и социальные идеалы и ценности. Осознать и оценить систему существующих сегодня идеалов и ценностей в социуме сложно. Вопросы, связанные с позитивным — оптимистическим мировоззрением кажутся нам принципиально важными для полноценного развития современного педагога каждого из уровней образования. Мы уверены, что образованный, интеллигентный, воспитанный педагог с оптимистическим мировоззрением, основанном на широком кругозоре, педагогическом опыте, освоенных современных технологиях и высоких личных качествах станет для воспитанников и членов его семьи авторитетной и уважаемой личностью в сложном процессе познания мира. Но мы понимаем, что принципиально важно, какого уровня профессионалы его будут встречать на последующих ступенях образования. Это необходимо серьезно исследовать, обсуждать, корректировать. Поскольку ни для кого не секрет, что сегодня дети испытывают, как правило, стресс не только при переходе из детского учреждения в школу, но и при переходе из школы в университет, любое среднее специальное образовательное учреждение. Мы уверены, что встречи педагогов и специалистов разных уровней образования необходимы, обязательны в ближайшее время, поскольку специфика современной социокультурной ситуации характеризуется возрастанием значимости каждого уровня образования. Благодаря созданию и реализации проекта мы заключили договоры и сотрудничаем с большим количеством партнеров в городе Томске и за его

пределами. Эффект проекта, как мы и предполагали, не стал явно заметным за короткий-двухгодичный срок. Справедливости ради, следует заметить, что уже после нескольких проведенных лекций и практических занятий, можно было говорить о том, что педагоги уже задумались о подлинных ценностях в жизни, своем будущем в профессии, обратили внимание на собственные перспективные возможности педагогической деятельности данного уровня. Мы не исключали, что кто-то из членов педагогического коллектива может поменять профессию после того, как однозначно поймет, что педагогическая сфера деятельности является не его сферой профессиональных интересов. Единично это случилось. Кто-то из педагогов не изменился вообще, поскольку не готов к поискам и тем более изменениям — это всегда запрограммированные риски. Тем не менее, мы были уверены, что все педагоги в процессе реализации проекта получат много важной информации и научатся находить важные знания для самореализации, создания собственных мировоззренческих установок в самосовершенствовании.

Ментальное восприятие жизни как постоянного движения и развития позволяет расширять и уничтожать рамки личных комплексов и проблем. Мы уже сегодня имеем квалифицированного педагога, работаем над тем, чтобы получить педагога-исследователя, педагога-акмеолога. За два прошедших года в проекте опубликовано более 50 статей членами педагогического коллектива по самой разнообразной тематике в сборниках всероссийского уровня. Мы создаем педагогику нового времени — креативную педагогику, основанную на развитии личности самого педагога. Вызовы времени и потребность в инновациях заставили нас сделать этот шаг и это принесло уже сегодня свои результаты: активность в творческой, профессиональной, социальной жизни педагогического коллектива. В результате нашей исследовательской и инновационной деятельности мы получили:

- Теоретический и практический ресурс для создания банка тестов по определению уровня квалификации педагога, его коммуникативных, психологических, творческих, педагогический способностей и возможностей;
- Разработали более гибкую и современную политику управления персоналом на основе формирования высокого уровня ответственности, информированности, сплоченности педагогического коллектива;
- Новую модель самосовершенствования личности педагога и современный уровень повышения профессиональной квалификации;
- Расширили в своей деятельности социальные и научные контакты;
- Повысили методическую и научную, творческую и профессиональную активность педагогического коллектива;
- Стабильность и регулярность научно-педагогических публикаций в научных и методических изданиях города Томска, Сибирского региона, Российской федерации.

Методология научно-педагогического, акмеологического и аксиологического исследований, как основных методов, активно переплетались в нашем проекте с антропологией, системным анализом, философией, социальной деятельностью, медициной, социологией, философией и другими научными направлениями.

Управление проектом для нас в самом начале представлялось достаточно сложным. Мы объединяли очень разные виды деятельности воедино и подключали к работе в детском саду специалистов из разных сфер деятельности, квалификации, постоянно искали новые формы вовлечения педагогов в инновационные формы и методы исследований и практики. Приказом была утверждена созданная активом проекта схема регулирования, контроля, анализа, корригирования и стимулирования участников проекта. Управление проектом предполагало создание дополнительных структур для полноценного существования и реализации намеченного в проекте. Это открытие кафедры образовательной политики и лаборатории креативной педагогики. В настоящее время формируется кафедра психологии ребенка. Работа в проекте фактически заставила нас серьезно заняться проблемами инклюзивного образования, поскольку это стало естественное необходимостью — две проведенные нами всероссийские конференции 2016 и 2017 года (последняя с международным участием) предполагали и реализовывали только одну из секций по инклюзии. Сегодня мы поняли, что должны провести конференцию полностью по инклюзивному образованию. За время активной работы в проекте, сотрудничая с университетами, научными институтами, образовательными учреждениями, мы поняли, что для воспроизводства общества как целостной системы, образование тоже должно стать целостным, то есть взаимодействие между уровнями системы должно быть более активным. Феномен образования в современной культуре заключается в том, что он является фактически единственным социальным институтом для раскрытия потенциальных возможностей, творческих сил человека. Именно в данной сфере жизни человека формируются гуманистические установки. Образование как сфера бытия человека соотносится с экзистенцией человека. Современное общество, выдвигая только креативный идеал образованности, возлагает надежды на то, что в таком аспекте образование призвано стать механизмом противодействия обезличиванию личности в социуме с диктатом массовой культуры и коммуникации. Нам важно увидеть преемственность всех уровней образования в самых разных направлениях: сохранения здоровья и возможностей самосовершенствования, умения использовать современные технологии и развиваться духовно. При этом должно быть обеспечено гармоничное соотношение реализации внутренней свободы личности, высвобождение потенциальных возможностей, спонтанный акт творчества и ответственность личности, что обеспечивает естественное вхождение в социальную культуру, не разрушая её целостности и продуктивности.

Список литературы:

1. Брюханцева Н.В. Возможности фантазии и перспективы идеала / под ред. А.А. Степанова. – Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2006. – 134 с.
2. Брюханцева Н.В. Образование, творчество, одухотворяющие истины и святыни Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее. – Вып. 3. Российское предпринимательство и духовная культура / Под ред. Протоиерея Л.М Хараима и к.филос.н. О.Т. Лойко – Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1995. – С. 61–67.
3. Алеева Л.В., Брюханцева Н.В. Аксеологическое акме педагога как основа его профессионального самоопределения //Деятельность образовательных организаций по реализации ФГОС дошкольного и начальногообщего образования. Материалы III Всероссийской научно–практической конференции. – М.: Педагогическое общество России, Московский государственный областной гуманитарный институт, 2014. С. 10–12.
4. Алеева Л.В., Брюханцева Н.В. Целостность и ценности мировоззрения XX в. в современной педагогической практике. Целостное мировоззрение: опыт исследования и интерпретации. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2015. – С. 78–85.
5. Алеева Л.В., Брюханцева Н.В. Инновационный проект «Аксиологическое акме педагога» МАДОУ № 13 г. Томска // Дошкольное образование: проблемы, перспективы и возможности. Материалы IV Всероссийской научно–практической конференции. Москва: Педагогическое общество России, 2016. С. 3–7.
6. Алеева Л.В., Брюханцева Н.В. Особенности аксиологического акме педагога дошкольной организации. // Дошкольное образование: опыт, проблемы, перспективы развития: материалы IX Международной научно–практической конференции. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016 – № 2, С 9–13.
7. Алеева Л.В., Брюханцева Н.В. Целостное мировоззрение и ценностные основания современного менеджмента в дошкольном учреждении: нравственность идеалы, справедливость. // V Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость» Екатеринбург, 2016. – С.149 -1498.
8. Алеева Л.В., Брюханцева Н.В., Терешкова Н.Ю., Трофимова Е.С. От идеалов к реальности, от реальности к идеалам: ценностные установки и мировоззренческие ориентиры педагогов дошкольного образования //Международная научно–практическая конференция «Профессиональная деятельность педагога в условиях преемственности дошкольного и начального общего образования» г. Орехово-Зуево – г. Москва, 2017. – С. 8–12.
9. Алеева Л.В., Брюханцева Н.В., Реализация и новые перспективы инновационного проекта «Аксиологическое акме педагога» //VI всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Детский сад XXI века: «нестандартный» педагог в мире стандартов 2017. – С. 5–15.
10. Алеева Л.В., Брюханцева Н.В. Мировоззренческие ценности и перспективы холизма всех уровней образования России // Всероссийская научная конференция с международным участием «социально–культурные процессы в условиях интеграции и дезинтеграции», Улан-Удэ, 2017. – С. 168–172.

ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ КНИГИ ПРОФЕССОРА А.В. ЯГОДЫ. РУКОВОДСТВО ПО КЛИНИЧЕСКОМУ МЫШЛЕНИЮ ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ

Сергеева Т.Б.

В 2018 году в издательстве Эко-Вектор, вышла книга заведующего кафедрой госпитальной терапии Ставропольского государственного медицинского университета, заслуженного врача Российской Федерации профессора, заслуженного деятеля науки РФ Александра Валентиновича Ягоды «Руководство по клиническому мышлению для начинающих». Первое издание этого труда состоялось в 2017 году в издательстве СтГМУ. Его высоко оценил профессорско-преподавательский состав, осуществляющий практическую подготовку врачей на уровне как основного, так и последипломного образования. Особый интерес к книге проявили молодые врачи, ординаторы, аспиранты — то есть те, которым она была адресована. Медицинское сообщество отметило её высокий теоретический уровень, практическую направленность, широкий диапазон описанных клинических случаев.

Своеобразие труда А.В. Ягоды «Руководство по клиническому мышлению для начинающих» состоит в том, что в нем соединились методологический и педагогический аспекты, а также оригинальный жанр изложения.

Методологический аспект заявлен автором в названии работы, где ключевым словом является философская категория «МЫШЛЕНИЕ».

В конечном счете, и сама философия есть не что иное, как мышление о мышлении. Автор демонстрирует начинающим врачам образцы когнитивной самостоятельности, широту и глубину знаний фундаментальных наук, на которых базируется медицина, переходы от эмпирических к теоретическим формам познания, от наблюдаемых фактов к научным фактам, построение теоретической модели патологии с помощью системного представления о функционировании взаимообусловленного действия органов, тканей и клеток. Автор создает системный паттерн т.е. образ, рисунок, отражающий целостность процессов, который в режиме одновременности восприятия и мышления выявляет взаимосвязи и закономерности течения болезни [4; 166]. Это поддерживается такими когнитивными структурами как: а) целостный образ, дающий возможность схватывать ситуацию в целом; б) интуиция (предпонимание, озарение), т.е. довербальное схватывание смысла; в) подготовка к решению проблемы. Эти процессы детально описаны им при рассмотрении клинических случаев во всем массиве представленного труда А.В. Ягода называет это в Идением болезни: «заметьте не диагнозов, а именно в Идений, то есть понимания того, что и почему происходит» [4, с.235–236]. Приведенные в «Руководстве» описания клинических

историй свидетельствуют о том, что поиск истины в постановке диагноза идет от фактов действительности («живое созерцание», наблюдение за состоянием «жизненного тонуса» больного). На этом же этапе отмечаются и дополнительные факты, которые порождают некоторые предположения, но они могут быть временно «отодвинуты», но не элиминированы. К ним он автор в своей практике не раз возвращается, применяя фиксированные измерения. После каждого исследования у автора появляется проблема, на основе которой возникает рабочая гипотеза, верифицируемая при помощи сравнений, сопоставлений, аналогий, синтеза, создания теоретической модели патологического процесса. По поводу синтеза: я как преподаватель философии медицинского вуза утверждаю, что студенты второго и даже третьего курса лечебного факультета, а тем более студенты первого курса стоматологического факультета не силах понять, в чем заключается смысл и тайна синтеза, который порождает новое качество и в материальной и в когнитивной сфере деятельности. Именно об этом напоминает автор: «искусственное деление болезней у одного человека на группы по признаку поражения отдельных функциональных систем приводит к диагностическому тупику» [4; с. 229].

Диагностический (исследовательский) процесс в контексте «Руководства», как он изложен автором, — это обращение к проявлению общего, особенного и единичного, необходимости и случайности, возможности и действительности, сущности и явления, причины и следствия. А.В. Ягода постоянно обращает внимание врачей на то, что самым важным практическим моментом диагностики является выяснение причинно-следственных связей в возникновении патологии. Он рассматривает самые простые схемы цепи причинений, где: A — причина, B, C, D — следствия. Или B, C, D — причины, A — следствие.

Эти схемы справедливы в механистической парадигме мышления. Однако профессор Ф.В. Ягода, как видно из контекста, всегда держит в уме правило римлян «Cum hoc non est propter hoc» (после этого не значит поэтому)». Кроме того, он несколько раз упоминает роль условий, которые стали решающими для развития патологического процесса. Он неоднократно указывает, что в причинно-следственные связи вторгается случайность, источником которой могут быть непредсказуемые действия больного, непредсказуемая реакция на препарат и т.д., приводящая к трагической развязке. «Что-то ведь запустило весь этот трагический каскад. Что?» [4; 38] О случайности следует говорить особо. Единого

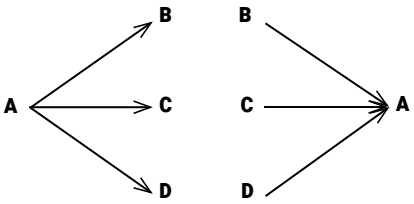

Рисунок 1

мнения по этому поводу нет даже у физиков: два Нобелевских лауреата Альберт Эйнштейн и Нильс Бор — вели длительный спор по этому поводу. Первый, будучи сторонником классической фундаментальной физики, считал, что случайности в природе исключены, что все движется по установленному Богом распорядку. Ему принадлежит утверждение: «Бог не играет в кости». Его коллега сторонник квантовой механики, где случайный фактор доказуем, Нильс Бор был противоположного мнения: «Эйнштейн, перестань указывать Богу, что Он должен делать со Своими игральными костями!». При этом они испытывали друг к другу глубочайшее уважение и восхищение друг другом. Философский аспект этого спора имеет прямое отношение к медицине. Речь идет о том, что множество предсказуемых каждых по отдельности, но независимых событий приводят к полной непредсказуемости результата [1, Сачков]. В науке это называется точками бифуркации. Но случайность непредсказуема, а ошибка наказуема, Мы видим, как шельмуют врачей, принимая случайность за врачебную ошибку. Так проще: мать-природу под суд не отдашь, а врача можно. Кроме непосредственных, прямых причинно-следственных связей автор раскрывает сложную, опосредованную цепь причинений на основе «единой идеи» [4, с. 229].

Врач при первом осмотре видит «D2» — «манифестацию», как выражается А.В. Ягода [4, с.224], а призван найти причину, т.е. «А». От момента появления причины до появления следствия «D2» происходит масса процессов, в которых как причины влияют на следствие, так и следствия на причину. Например, следствие «В» в процессе развития болезни является уже не следствием, а причиной возникновения «С», «С» — причиной появления «D» и т.д. Но и эта цепь причинений при осуществлении диагностического процесса все же некорректна. В живой системе человеческого организма самой природой предусмотрены влияние факторов, условий, имманентная темпоральность организма, на что неоднократно указывает проф. Ягода. На множестве примеров он показывает, что процессы в живой системе идут нелинейно, альтернативно, многовариантно, с различными темпами количественных и качественных изменений. Им присущи возвратно-поступательные движения, включение обратной положительной и обратной отрицательной связи, наличие аттрактора, (т.е. «пускового фактора» по выражению автора). Понятие аттрактора возникло в ходе становления новой парадигмы мышления — синергетики. Эта точка, как и всякая точка пространства, вовсе не материальный субстрат. Это точка возможного

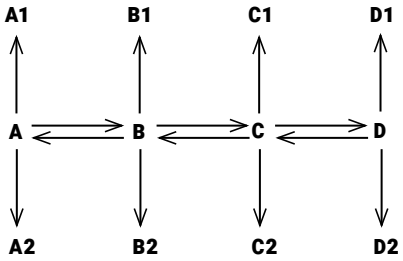

Рисунок 2

пересечения траекторий развития патологического процесса, которая, собрав траектории, выдает парадокс, коренным образом меняя ход ожидаемых событий: или внезапная неожиданная и необъяснимая смерть, которую легче всего объяснить врачебной ошибкой, либо выздоровление, которое можно объяснить чудом. В каждом клиническом случае аттрактор уникален и принадлежит одному единственному организму. Очевидно, что задача автора состояла в том, чтобы предложить начинающим врачам свое представление о мыслительной деятельности врача, методологию диагностического процесса. Мы видим истинное мощное системное мышление, помноженное на фундаментальные научные знания и наброшенное на конкретную ситуацию, происходящую с организмом и личностью больного. Это и есть клиническое мышление.

Книга профессора А.В. Ягоды «Руководство по клиническому мышлению для начинающих» написана в парадигме современной методологии, философии науки, о которой виднейший философ современности В.В. Степин сказал: «Особенности развития научного знания стимулировали пересмотр стандартной методологической концепции. Возникла новая концепция, в которой единицей методологического анализа выступала целостная система теоретических и методологических знаний научной дисциплины, взаимодействующей с другими дисциплинами и погруженной в исторически развивающийся социокультурный контекст» [2; с. 7].

Книга читается с огромным интересом, поскольку автор использовал редко употребляемый в научной литературе жанр — жанр размышлений. Интерес вызван не только тщательным описанием клинических случаев, но и интонационной особенностью: читатель чувствует себя участником описанных событий. Вместе с тем ощущается, что у автора «Руководства» есть свой собственный оппонент, внутренний собеседник, взращенный им же самим — его самосознание. К.Д. Ушинский утверждал, что самосознание и есть духовная деятельность, которая отлична от психических процессов, в том числе от эмоций, и имеет иную природу: духовная деятельность не повторима в эксперименте, она — самопорождающееся и саморазвивающееся строго индивидуальное явление. Текст «Руководства» — это развернутое описание деятельности самосознания в конкретной клинической ситуации, когда полностью включается рефлексия — обращение профессионала на самого себя, на оценку своих знаний, опыта, возможностей, на оценку допустимого и недопустимого. Профессор А.В. Ягода утверждает, что высшей формой профессиональной ответственности врача является ощущение им знания о незнании, а иллюстрирует этот тезис собственным примером: «..в то время я не имел возможности, знаний, опыта, интуиции», «…сам я до знакомства с настоящим случаем не знал, что..», «…при возникновении непростых вопросов в диагностике иногда помогает анализ литературы», «…выполняя «домашнее задание», я обнаружил интересный вариант». Автор советует, предостерегает, описывает состояние своего

самосознания в критические моменты. Однако есть одна особая черта личности врача, пишет А.В. Ягода, делающая его жизнь особой. Это интеллектуальный азарт, считает он. Итог, доставляющий особое состояние самосознания — озарение — это только результат серьезной многочасовой работы [4, с. 223].

В послесловии своей книги профессор А.В. Ягода пишет «Я люблю свою профессию. Люблю за реальную возможность помочь человеку. Люблю за ту радость, за чувство победы, которые возникают после правильно поставленного очень сложного, редкого диагноза». Но как человек, мыслящий реально, он предупреждает «начинающих»: вы должны быть готовы к неблагодарности, глупости, бесстыдству, алчности, неаккуратности, безответственности, лживости, эгоизму.

Здоровье и болезнь — это факторы судьбы. Взять на себя ответственность исправить судьбу не каждому по силам. Поэтому книга профессора А.В. Ягоды «Руководство по клиническому мышлению для начинающих» заканчивается на невеселой ноте: молодые, подумайте перед тем, как примите решение стать врачом. Это предупреждение, о том, что больные – это просто люди, отягощенные воспитанием, условиями жизни, недостатком образованности, наследственностью. Но у врача другой счет, и он никогда не судья больному. Об этом К.Д. Ушинский писал: «Мы, по крайней мере, не можем себе представить человека, который углубившись в самого себя, не признал бы, что он, как бы высоко он ни был поставлен, — в конце концов только человек, — и с ним равное право на жизнь имеет калека, преступник, нищий и т.д.» [3, с.314].

Книга А.В. Ягоды — значительное явление в медицинской педагогике. Он говорит о медицине как искусстве в том смысле, что это искусство сопоставлять, соединять противоречия и, анализируя, расчленять неразрывно связанные между собой звенья, постоянно возвращаясь к клинике и к книге, что возможно лишь при свободном владении эмпирическими и теоретическими способами познания, мыслительными операциями и правилами диалектической логики. Здесь, как считает автор, необходима научная зоркость как способность найти единственное главное, выделить преобладающую проблему[4; с.64]. «Руководство» содержит культурно-педагогический контекст, размышления над смыслами и ценностями, образующими основания медицинской культуры. Это не только рациональное постижение медицинских явлений, но и понимание человеческого жизненного мира, эмоциональные оценки состояний и ситуаций реальной жизни реального человека. Культура медицинского сообщества транслируется, передается и усваивается через образцы поведения и деятельности, через вовлечение в различные виды деятельности, профессиональный язык, через формирование знаний. Те субъекты этого процесса, которые находятся в позиции обучающихся, «начинающих», как их называет проф. А.В. Ягода,

могут и не осознавать этих факторов влияния, хотя они и переживают их. В этом заключается вся сложность педагогики высшей медицинской школы. В данном случае подробный научный текст содержит педагогический смысл. Автор сумел продемонстрировать образец гражданского поведения, включить в текст идеи благоговения перед жизнью, создать с помощью научного текста силовое поле этических, профессиональных и воспитательных принципов особым способом — описанием собственного опыта, наблюдений, размышлений, самоанализа, откровенности.

Талант профессора А.В. Ягоды как врача-педагога проявляется в том, что он старается упредить самонадеянность молодых врачей, приучить их к сомнениям, для чего использует настораживающие обороты: «у некоторых больных», «это могли быть», «нечасто, но встречается», иногда он ставит «?» после собственного предположения. Читатель вместе с автором проходит возвратно-поступательный путь от эмпирического опыта к теории и обратно, от предположений к методам подтверждения и, наконец, к окончательному выводу. Каждый описанный клинический случай демонстрирует волю автора, умение и упорство в удерживании цели до конца, до завершения действия.

Воспитание профессионального благородства — особая педагогическая задача, к которой автор обращается постоянно: «спасибо коллеге за этот царский подарок», «попытки строить свой авторитет в ущерб авторитету других врачей никогда не венчаются успехом», «я благодарен…». В тексте ощутим такой аспект профессионального благородства, как благодарность своим непосредственным учителям и уважение к научному наследию великих врачей. Он упоминает их с обязательным полным именем и отчеством. Эта незаметная деталь имеет огромное педагогическое воздействие.

Несомненным вкладом в медицинскую педагогику является описанная автором практика включения в картину болезни особенностей личности больного. Каждый клинический эпизод, приведенный в книге, начинается с характеристики больного: возраст, темперамент, характер, внимание, память, мышление, эмоциональный тонус, образование, профессия и деятельность, социальный статус, особенности речи, социальная активность, наличие живых социальных контактов, организованность и аккуратность, воспитанность, способность к самоконтролю, самообладание, религиозные убеждения, привычки. Для доктора важно знание общей социальной обстановки, в которой проживает пациент, в том числе национальность и связанные с этим обычаи, ритуалы и табу, уровень доходов, семейный уклад. Это междисциплинарный подход в клинической деятельности, при котором поле медицинских знаний сопрягается с полем медицинской педагогики. Не декларируя специально воспитательных задач, автор добился того, что в целом книга производит огромный воспитательный эффект.

В тексте «Руководства» автор многократно обращает внимание на необходимые качества начинающего врача:

- умение выслушивать коллег, включаться в ход их размышлений и аргументов, вбирать знания из сопряженных медицинских специальностей; осознавать несовершенство своих знаний на фоне знаний «узких специалистов» [4, с.188];
- способность проявить волевые качества в уместных случаях; проявление воли является не только актом мужества, но принятием на себя ответственности, без чего врач как личность не состоится;
- совершенствование мануальных навыков, доведению их до изящества, что не доставит больному неприятных ощущений, а врачу доставит удовлетворение от красиво и быстро исполненной работы [4, с. 93];
- умение провести тщательно продуманную беседу с больным при выяснении анамнеза (anamnesis vitae, анамнез жизни), раскрепостив его память. Считалось, что богиня памяти Мнемозина в греческой мифологии обладала способностью не только извлекать из прошлого давно забытые события, но и на этой основе могла предвидеть будущее, что важно иметь в виду и врачу;
- врач должен учитывать, что жизнь отдельного человека — это часть, продолжение жизни большого клона родственно близких людей, передавших ему биологическую информацию о том, где могут находиться и генетические аномалии [4, с. 212]. Он неоднократно напоминает, что результативность беседы с целью анамнеза зависит от доброжелательного внимания врача;
- способность учитывать изменения социального статуса больного: перемещение социального лифта как вверх, так и вниз почти всегда сопровождается стрессом. А лекарство от страха, стресса известное – алкоголь. Прямые вопросы относительно употребления алкоголя не только невежливы, но и ответы на них часто неискренни, в то время как это часто бывает пусковым фактором дремавшего заболевания [4, с. 213];
- тщательность в работе с текстом истории болезни, к привычке самым внимательным образом изучать результаты исследований и верно интерпретировать их, постоянно обращаясь к научной литературе, справочникам;
- умение объяснить больному сущность заболевания и вытекающую из этого тактику лечения и поддержания жизненного тонуса больного, включение больного в процесс излечения.

Эти рекомендации следуют из контекста всех глав книги.

Список литературы

1. Сачков Ю.В. Эволюция учения о причинности / Ю.В. Сачков// Вопросы философии. – 2003.– № 4. – С. 101-118.
2. Степин В.В. Историко-научные реконструкции плюрализма и кумулятивная преемственность в развитии научного знания/ В.В. Степин // Вопросы философии. – 2016. – № 6. – С. 6-15., С. 7.
3. Ушинский К.Д. Собр. соч. – Т.10. – М – Л.: АПН РСФСР, 1948. С. 314.
4. Ягода А.В. Руководство по клиническому мышлению для начинающих: А.В. Ягода. – Ставрополь: Изд-во СтГМУ, 2017. – 261 с.

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ БОЛЕЗНЕННЫХ ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ К СКАЗКАМ НАРОДОВ МИРА

Мишин И.С.

СГМУ им. В.И Разумовского г. Саратов

Введение. В настоящее время можно увидеть огромное количество людей, страдающих от различных болезненных психических проявлений. Такое состояние людей может быть связано с множеством факторов: от каких-то объективных непреодолимых преград или же субъективных, например, непонимание собственного положения, а вследствие и ухудшение собственного состояния. Поэтому в данной работе мы хотим проанализировать болезненные психические проявления на примере такого феномена — фрустрация, в русских народных сказках, чтобы упростить понимание этого сложного, а также разобрать на тех же сказках составные части фрустрации. Русский фольклор пронизан тематикой страданий и потерь. При этом исход фрустрированности героев часто достаточно оптимистичен. Фрустрация — психическое состояние, вызванное неуспехом в удовлетворении потребности, желания (Большой психологический словарь, 2003). Нами проанализированы русские народные сказки на предмет героев подверженных различным типам реакций на фрустрацию.

Цель исследования: проанализировать болезненные психические проявления в виде фрустрации в русских народных сказках.

Материалы и методы исследования. выборка текстов описаний иллюстраций к сказкам народов мира.

Результаты исследования

В данном исследовании мы будем изучать болезненное состояние фрустрации на примере трех сказок “Колобок”, “Царевна Несмеяна” и “Алиса в стране чудес”. Во всех трёх можно заметить состояние фрустрации у ко-

го-либо из героев сказки. Анализировать же каждую сказку мы будем по следующим критериям:

1. Облик Героя.
2. Поведение Героя.
3. Типичные фразы Героя.
4. Причины впадение в состояние фрустрации.
5. Тип реакции на фрустрацию.
5. Проявления, последствие фрустрации.
6. Способ выхода из состояния фрустрации.

В ходе исследования проводится анализ сказки «Колобок» на наличие у кого-либо из героев состояния фрустрации. Состояние фрустрации испытывает старик со старухой, косой зайчик, серый волк и медведь.

Облик Героя. Облик следующих героев примерно одинаков: старик со старухой, косой зайчик, серый волк и медведь. Они практически ничем не отличаются и сразу выявляют желание съесть колобка.

Поведение Героя. Поведение героев с фрустрацией, также примерно одинаково, все они, как только встречаются с колобком, сразу говорят ему, что хотят его съесть. На этом моменте и появляется фрустратор-чувство голода, от которого они хотят избавится, съев колобка.

Типичные фразы Героя. Фразы героев, как и их поведение, четко обозначают фрустратор.

Причины впадение в состояние фрустрации. Причиной впадение всех пятерых является то, что колобку удаётся обхитрить их песней и убежать.

Тип реакции на фрустрацию. Соответственно, мы видим фрустрацию по типу лишения у всех перечисленных ранее героев. Но конкретно тип реакции на фрустрацию мы не видим, так как повествование сказки ведётся от лица колобка, и он попросту убегает от фрустрантов. Потому проанализировать реакцию на фрустрацию мы не можем.

Проявления, последствие фрустрации. Также, как и выше последствий фрустрации мы не видим, только можем предположить, что она продолжает голодать, отдельно хочется отметить, старика со старухой, ведь они наскребали последние, что было у них в доме, чтобы испечь колобка.

Способ выхода из состояния фрустрации. Выхода из фрустрации у перечисленных выше героев мы также не видим, повествование сказки это не уточняет. Но один из героев всё-таки вышел из состояния фрустрации — это лиса. Хитростью она смогла решить своё состояние фрустрации и съела колобка.

Вторая сказка, которая была проанализирована — “царевна несмеяна”.

1. Облик Героя. Царевна несмеяна красива, живет роскошно, имеет все, что душа желает. Но всегда печальна главная героиня, ее плач не останавливается, что расстраивает царя.

2. Поведение Героя. У царевны было все, но ее сердце ничему не радовалось, никогда царевна не улыбалась и не смеялась, а только плакала.
3. Типичные фразы Героя. Несмеяна молчала всегда, но после того, как работнику удалось рассмешить царевну — ее молчание закончилось. Она указала на работника и именно несмеяна сказала отцу, кто ее развеселил.
4. Причины впадение в состояние фрустрации. О причинах состояния фрустрации мы можем только догадываться. Царь желал выдать замуж свою единственную дочь, а во времена Руси выбирали женихов исключительно родители, поэтому царевна не хотела отказываться от отцовского дома и изобилия во дворце.
5. Тип реакции на фрустрацию. Тип реакции на фрустрацию является повтор действий — плачь.
6. Проявления, последствие фрустрации. Последствием фрустрации является постоянная печаль главной героини, из этого состояния она не могла выйти очень долго.
7. Способ выхода из состояния фрустрации. Выход из фрустрирующих ситуаций для Царевны оказался благоприятный. Несмеяну рассмешил рабочий-простолюдин, упавший перед ее окном в лужу. Она поняла, что с таким женихом горя и тоски не будет и что ее горевания закончатся. Вскоре Царевна вышла замуж за этого рабочего. Благополучный выход из фрустрации осуществила сама Несмеяна. Она обратила внимание на своё социальное окружение.

По результатам этой сказки мы видим хороший конец. Несмеяна развеселилась, потому что волей случая встретила нужного человека, который смог её рассмешить, но окружение царевны не понимало, что нужно сделать для этого.

И последняя сказка «Алиса в стране чудес». В ней также наблюдается фрустрация у главной героини — Алисы. Алиса также сталкивалась с неприятными ситуациями, которые вызывали у нее фрустрацию.

1. Облик Героя: Алиса — молодая девочка, любознательная и смелая, но иногда наивная и неопытная.
2. Поведение Героя: Алиса часто озадачена и смущена окружающими ее событиями. Она стремится понять и приспособиться к новой среде, но ее непонимание логики и законов этого мира приводит к ее фрустрации.
3. Типичные фразы Героя: «Это вовсе не имеет никакого смысла», «Почему все так запутано здесь?», «Я не могу понять, что происходит».
4. Причины впадения в состояние фрустрации: Алиса сталкивается с препятствиями, которые кажутся ей абсурдными и необъяснимыми. Она не может понять или принять логику и законы этого мира, что вызывает у нее чувство беспомощности и разочарования.

5. Тип реакции на фрустрацию: Алиса часто выражает свое недовольство и смущение, иногда даже проявляя раздражение и отчаяние.
6. Проявления, последствие фрустрации: Фрустрация делает Алису менее уверенной в себе, она чувствует себя потерянной и неспособной разобраться в происходящем.
7. Способ выхода из состояния фрустрации: Она училась адаптироваться к странностям и принимать их, а не сопротивляться. Например, она нашла радость и удовольствие в разговоре с безумным Шляпницей или Чеширским Котом, несмотря на их необычное поведение. Она использовала фантазию и воображение, чтобы справиться с фрустрацией. Алиса создавала свои собственные истории, в которых она являлась героиней, истории, которые отличались от реальности Страны Чудес. Ещё одной важной составляющей выхода из фрустрации для Алисы было получение поддержки от других персонажей. Она общалась с Мартовским Зайцем, Козой-Рыцарем и другими жителями Страны Чудес, которые помогали ей понять и преодолеть ее чувства.

Заключение. Исследование психических проявлений в русских народных сказках позволило выявить разнообразные способы проявления и борьбы с болезненными психическими состояниями, такими как фрустрация. Анализ показал, что влияние народных сказок на формирование психологических аспектов у детей и взрослых имеет место. Поэтому данное исследование может послужить основой для дальнейших исследований в области психологии литературы, а также помочь в понимании и помощи людям, переживающим болезненные психические состояния, на более простом визуализированном в форме сказок примере.

НОВАЯ МЕДИЦИНА ДЕКАРТА: МАШИНА ТЕЛА И РАЗДВИЖЕНИЕ ЕЕ ГРАНИЦ

К.А. Куксо

РГПУ им. А.И. Герцена

Рождение нового анатомического знания, произошедшее в Европе в XVI–XVII столетия, было проникнуто духом авангардизма. Авангардизм здесь характеристика эпистемологической ситуации, в которой развивались новые формы исследования телесной жизни, а не метафора, ретроактивно подытоживающая силу колоссальных воздействий анатомии данной эпохи на медицинское дело. Так адепты новых способов познания телесной жизни с однозначностью констатируют учреждающий характер своих изысканий. От Везалия и Декарта мы узнаем, что знание, скрупулезно добываемое в череде аутопсий, есть первополагание на крайне неблагоприятной почве. Уже в предисловии к парадигмальному для новоевропейских исследований тела труду «О строении человеческого тела» Везалий яростно крити-

кует упаднические состояние современных ему хирургии и анатомических практик [1, с. 5-14] и определяет собственные заключения о природе тела как «истинную анатомию», знание которой служит упрочению порядка как такового (посвящая данный трактат Карлу V, Везалий фиксирует соответствие ранга анатомического знания божественности императора) [там же, с. 20-21]. Декарт же с постоянством возвращается к прославлению возможностей новой медицины — вне зависимости от предметных переориентаций своего познавательного интереса он дифирамбично отзывается о будущности медицины, разработкой оснований которой он занят.

В «Рассуждении о методе» медицина представлена как некий философский камень, служащий целостной трансформации человека, преодолению его духовных и телесных слабостей, которому Декарт собирается посвятить всю жизнь [2, с. 286-287]. В позднем незавершенном трактате «Описание человеческого тела и всех его функций, как зависящих, так и не зависящих от души, а также о важнейших причинах образования его членов» Декарт акцентирует продуктивность медицины, последовательной в натурализации тела, не допускающей при его анализе никаких спиритуальных задних миров [3, с. 423]. В беседе с Бурманом Декарт вновь захвачен утопической аурой новой медицины — с познанием естественных причин физиологических явлений он прямо связывает возможность избавления от старческой расслабленности [4, с. 486-487].

На имманентный авангардизм новой анатомии указывают и процедуры маркирования ее методов и результатов в качестве эпохальных. В крайней степени занимательно, что адепты нового знания о теле позиционируют свои разработки как структурный элемент самого духа эпохи. Следуя фронтиспису главного труда Везалия, знаковые фигуры эпохи захвачены магией прозекторского действа. А Декарт в систематизирующем его биологические и анатомические исследования «Описании человеческого тела» флегматично констатирует социальную очевидность интереса аутопсии: его замечание о том, что все видели вскрытие различных животных, указывает на присутствие интереса к секциям в качестве социального бессознательного и некоторую степень понятности их предназначения для коллектива.

Конструктивистская природа данных «социальных очевидностей» обнаруживается при обращении к социологии наиболее ранних для Нового времени анатомических разработок. Так историки медицины отмечают, что аудитория первой волны регулярного анатомирования в Европе имела довольно герметичный характер – практики анатомирования проводились исключительно при университетах и способствовали резкому скачку престижа врачебной профессии [5, с. 242]. Тогда как в широком обиходе была пестрая смесь медицинских предписаний, имеющих совершенно разнородные истоки – здесь активно присутствовали галеновские рецептуры оздоровления, бытовые проекции христианской теологии болезни и крайне запутанная в происхождении народная натуральная фармакология [6, с. 68-79].

Авангардизм познания соматического материала, рождающийся в движениях скальпелей анатомов раннего Нового времени, сводят, как правило, к тотализации наблюдения как способа уяснения природы тела. Однако сама по себе интенсификация эмпирического компонента в исследованиях тела может быть мало значима, что явно обнаруживает опыт наиболее продуктивной в терапевтических разработках средневековой медицинской традиции. Так начало рационализации физиологических исследований на средневековом Западе связывают с деятельностью Салернской врачебной школы — с развиваемыми в ней регулярным анатомированием, подходами к диагностике болезней, формами легитимации медиков, профессионализацией внимания к женскому телу. Но как понимать проявленное таким образом движение к физиологическим наблюдениям остается вопросом. Ведь сформулированные здесь выводы о телесных недугах исходили, во многом, из галеновской теорией, которая служила сквозным объяснительным принципом наиболее весомых достижений в области физиологии и терапии.

Ясно, что само наблюдение всегда сориентировано определенным способом работы с видимым, осуществляющим выделение и компоновку значимых в нем элементов — за ним всегда теоретический подход, производящий из видимого факты зримого. Так именно своеобразие познавательной установки новоевропейских анатомов обеспечило ревизию в понимании тела. Раскрытие новизны воспроизводимого в данном контексте способа познания реальности тела и его образа, оформленного в этой интеллектуальной атмосфере, представляет цель для данного исследования. Новизна сквозной для новоевропейской анатомии интеллектуальной стратегии сводится к ряду черт. Во-первых, это интерес к принципиально любому соматическому материалу, когда каждое тело приобретает значение для познания. Во-вторых, специфична и воля к полной прозрачности сокровенных глубин тела, которая подстегивала безграничный азарт новоевропейских анатомов во все большей детализации своих отчетов, к пополнению их мельчайшими физиологическими фактами. За этим резким скачком интереса к толщам принципиально любого тела стоит одно социально-историческое обстоятельство.

Два столетия с постоянством возобновляющихся чумных эпидемий в Европе обернулись не только антропологической катастрофой, но и радикальным истончением символических оболочек тела. Чума несла статусное и ценностное безразличие - повальность заражения вызывала упадок ценностных таблиц и статусных регламентаций. Безвременье пандемии сопровождалось вездесущностью мертвых тел как типичного компонента повседневного антуража пространств зачумления, при этом мертвые остались за пределами социального обмена - кризис погребальных ритуалов хорошо засвидетельствованный феномен пиков распространения чумы в Европе в XIV–XV вв. Зримый натурализм патологизированного тела, кото-

рый уже не могли адаптировать традиционные христианские символизмы греха, разомкнутый пандемией как упорная фактичность, и выступил той социально-материальной сферой, что мотивировала волю к скрупулезной анатомической проработке дикого безобразного тела.

Помимо большого числа новых физиологических наблюдений, сделанных в ранний период становления новоевропейской анатомии, в данном контексте сформировались специфичные образы тела, предопределившие крайне влиятельные в европейской культуре способы обращения с телесным бытием человека. Интересно обратиться здесь к Декарту. Важно, что природу тела Декарт артикулирует изнутри длительного самостоятельного опыта анатомирования, в одном из писем к Мерсенну он заметит о превосходящей серьезности для него личных анатомических практик: «В самом деле, я рассмотрел не только то, что пишут по анатомии Везалий и другие, но и множество других подробностей, о которых они не пишут, и которые я наблюдал во время собственноручного вскрытия различных животных. Я часто упражнялся в этом в течение одиннадцати лет и полагаю, что нет на свете врача, который был бы в этих вопросах более требовательным, чем я» [7, с. 603–604]. В исследовательской литературе присутствует упоминание о периодах регулярных анатомических занятий Декарта («…проживая в Амстердаме он всякий день (а в других местах — часто) отправлялся на бойню, рассматривал органы только что убитых животных и некоторые органы, более его интересовавшие, заставлял приносить себе на дом для более обстоятельного изучения») [8, с. 603–604] , но куда более показательней в этом плане его специфика изложения анатомических наблюдений в «Описании человеческого тела». Виртуозность в самостоятельном препарировании здесь обнаруживают четкое, детализированное обозначение составляющих его действий («если срезать … острую верхушку сердца…» «... можно найти два отверстия у основания сердца, введя палец в его левую полость» и т. д.), и, главное, упоминания свойственной ему осязательности («нельзя сомневаться в том, что в сердце есть теплота, уже потому, что ее можно ощущать рукой при вскрытии тела какого-нибудь живого животного»; «...у артериальной вены и у большой артерии, оболочка более жесткая и толстая, чем полой вены и у венозной артерии…» и т.д.). Тщательный личный анатомический практикум Декарта и штудии физиологических трудов (он упоминает чтение Везалия и дискуссирует с Гарвеем) результируют в концепт машины тела, в соответствии с которым тело в своем существе — это просто отрезок механистически устроенного мира. В его природе реализуются те же принципы, что и в материальном мире: так Декарт говорит о теле как о нерасторжимой совокупности органов, жизнь которой обеспечивается движением крови, что поддерживается теплом сердца, чему, в свою очередь, можно дать сугубо механистическое объяснение. Таким образом, все функции телесной машины выводятся из специфики и расположения ее частей и происходящих в них движений. Подвижность телесных агентов

становится объяснительным принципом не только рефлекторного функционирования тела, но и многообразных данностей восприятия, воображения, телесной памяти.

Главным в реальности тела объявляется движение крови: Декарт показывает, как по прямолинейным отходящим от сердца артериям наиболее живые, мощные и тонкие частицы крови достигают полушарий мозга, где, становясь «ветром» животных духов, начинают определять обширный диапазон телесных явлений и состояний. Так самые мелкие и быстрые животные духи проникают в шишковидную железу, и к динамике этих «подобным частицам пламени, вылетающим из огня свечи» телам, наряду с порами и полостями ткани мозга и нервами Декарт будет апеллировать при анализе всей телесной механики.

В данной перспективе рецепция определяется как открытие пор мозга под воздействием движения нервов, которое выпускает потоки животных духов из шишковидной железы и полостей полушарий мозга [9, с. 34]. За автоматизмами двигательной активности обнаруживается разнесение животных духов по нитям нервов в ту или иную мышцу, перераспределение в ее структуре уже присутствующих животных духов и вызванная данной физической подкладкой телесная реакция [там же, с. 97–102]. Автоматизмы памяти связываются с узорами уже сложившихся в опыте впечатлений траекторий движений духов между малыми волокнами и расширений вследствие таковых пор ткани мозга; эти складки ткани мозга сохраняются, и постольку даже при частичном совпадении перемещения духов в будущем опыте восприятия восстанавливается целостность чувственного образа [там же, с. 79–82].

Проведенная Декартом филигранная проработка автоматизмов поведения, когда его физический агент и учреждаемые им сугубо физиологические изменения становятся прескрипциями к запуску определенных поведенческих реакций, приводит к выводу, что телесные программы конструируются без всякого участия сознания. Но эмпирическая конкретность физического агента (качество животных духов, их перераспределение и учреждаемое таким образом своеобразие изменений в теле) реализует в экзистенции жесткие алгоритмы исключительно парциальных взаимодействий с миром. У превосходно устроенной машины тела нет проблем с выбором мускульных усилий в присутствии страшного зверя: не проблематичность осуществляемого побега поддерживается и притоком в мозг специфических животных духов, закрепляющих мудрый в данной ситуации аффект страха. Но машинность тела, его бесперебойные переключения между реакциями самосохранения представляет телесное проживание в мире редуцированным до последовательности материально-конкретных ситуаций. Так очерчивается модель тела, выступающая универсальной средой для привития различных дисциплинарных практик. Вкладывания в тела классической эпохи до точности выверенных габитусов армии, шко-

лы, тюрьмы, колоритно описанные М. Фуко, стали законным следствием машинизации их природы. Однако в наследии Декарта есть рассуждения, которые впоследствии оформились в совершенно иной образ человеческого тела. В позднем трактате «Страсти души» с его непреложным вниманием к зонам сцепления души и телесной машины Декарт подводит к проблеме, которая могла дать глобальное, иное механистическому видение тела. В центре внимания анализа вложения в телесную машину души выступает вопрос о формах волевой коррекции поведенческих автоматизмов. Декарт в различной терминологии описывает возможность изоляции волевого решения от захваченности предметом страсти, от впечатления, вызывающего душевные движения с явной физиологической основой. Речь идет о смене установки желания его освобождении от актуального впечатления, поддерживаемого животными духами, и четком следовании суждению о благе. Однако, в рамках данного текста вопрос о радикальной амихании поведения остается открытым. Согласно его заключениям, на стезе добродетели, в суждениях о благе воля все-таки «отталкивается» от наличной ситуации, в которую вовлечено тело, или реализуется в соответствии с длительным опытом предшествующего воспитания на примерах доблестного поведения в конкретных обстоятельствах. Так Декарт представляет формы властвования над страстями, которые в своей основе остаются всего лишь ре-активны в отношении ограниченной, ситуативной композиции соматического состояния.

Однако в письме к Шаню от 1647 г. Декарт описывает природу волевого аффекта, интеллектуальной страсти, где отчетливо проступает идея тела, не детерминированного поведением животных духов.

Излагая свое понимание возможности любви к Богу, Декарт говорит о явственности схватывания могущества Творца путем отношения к затерянности в целостности сущего. При этом акцентируются колоссальность многообразия всего сущего и неограниченная гибкость возможностей отношения к этому величию вещей. Многоразличие сущего может дублироваться радикализмом автономии воли, когда ее совершенный характер обнаруживается в ничем не скованном отношении к неизвестным страницам книги о разнообразии мира. При том крайне важно, что данное расширение расширение воли не отменяет ее телесного воплощения — неотступно представляя аргументы тезиса допущения душой своей связи с телом, Декарт говорит и об особом жаре в сердце носителя радикальной игры воли в простертости сущего. Это видение обнаруживает, что фактическое телесное присутствие — не только диктат доведенных до машинности реакций на включенность тела в ситуативно-ближайшее, но и его колоссальный пластицизм: неограниченность «я могу», заключенное в волевом сопровождении тела, наделяет само тело возможностью к формовке способностей и состояний, исходящих из дальних обстоятельств, вариации жизни. Ясно, что опыт свободного самопроецирования тела, который будет

концептуально занимать философскую антропологию, различные версии теории органопроекции, персоналистическую ревизию биомедицины, — тема, посторонняя мысли Декарта. Но не стоит обходить вниманием, что даже в приведение тела к его чистой механике, достигнутое и ценой упорства препарирования, вторгался вопрос о его превышающем автоматизмы опыте в мире.

Список литературы

1. Везалий А. О строении человеческого тела в 2 тт. Т. 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1950. – 1065 с.
2. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Декарт Р. Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1989. — 654 с.
3. Декарт Р. Описание человеческого тела. Об образовании животного // Декарт Р. Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: «Мысль», 1989. — 654 с.
4. Декарт Р. Беседа с Бурманом // Декарт Р. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1989. — 654 с.
5. Мандресси Р. Вскрытие и анатомия // История тела: В 3 т. Т. 1: От Ренессанса до эпохи Просвещения. М.: НЛО, 2012. — 480 с.
6. Мандру Р. Франция раннего Нового времени, 1500–1640: Эссе по исторической психологии. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. — 327.
7. Декарт Р. К М. Мерсенну (от 11 октября 1638 г.) // Декарт Р. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1989. — 654 с.
8. Паперн Г.А. Рене Декарт. Его жизнь, научная и философская деятельность: биографический очерк. URL: https://www.eduspb.com/public/books/byograf/rene_dekart._ego_zhizn_nauchnaya_i_filosofskaya_deyatelnost_g._pa- pern.pdf
9. Декарт Р. Человек. М.: Праксис, 2012. — 128 с.

Научное издание

Погружение в глубины человеческой природы

Сборник научных работ разных лет
(2021–2023)

Ответственный редактор:
Меттини Эмилиано,
заведующий кафедрой гуманитарных наук
Института мировой медицины ФГАОУ ВО РНИМУ
им. Н.И. Пирогова Минздрава России, канд. пед. наук

Подписано в печать 31.05.2024 г.
Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 12,13. Тираж 100 экз.
Заказ № 18-24.

ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России,
117513, Москва, ул. Островитянова, 1.

rsmu.ru

ISBN 978-5-88458-685-7